

6
1971

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫМ

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания четырнадцатый

В НОМЕРЕ:

В. Станцев СТИХИ	2
С. Шмерлинг НА РАССВЕТЕ	5
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	6
В. Кобельков АВТОБУС, ПОЛНЫИ ДРУЗЕЙ	9
В. Зотов НАНТ — КАЛИНИН — КАЛУГА	14
В. Радкевич СТИХИ	19
О. Павловский НАМ БЫЛО СЕМНАДЦАТЬ. Повесть. (Окон- чание)	20
С. Бабинцев ЗАГАДКИ ИВАНА КРЫЛОВА	40
О. Савин ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ	45
Б. Рябинин В ПЕСКАХ, У КОМАРОВА...	46
С. Гагарин НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ. Приключенческая повесть.	49
Б. Михайлов ЛОСЬ. Стихи	58
Д. Финкельштейн ПИЦЦА БОГОВ, ИЛИ ПОНСКИ ВОЛШЕБНОЙ АМБРОЗИИ	60
Е. Овсянкин БЛУЖДАЮЩИЕ ДУШИ. (Окончание)	64
Е. Зингер В ЧЕРТОГАХ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ	73
С. Попов ДОРОГА КАНИФЫ	78
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	80

Обложка В. Воловича и С. Киприна.

На второй странице обложки фото
Ю. ВЕДЕРНИКОВА «МАРИНИСТ». (На фо-
токонкурс «Романтики».)

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ 6 1971

Венедикт СТАНЦЕВ

Майская баллада

1.

В сорок пятом,
в светлый праздник Мая,
шел солдат в атаку,
пригибаясь.
По солдату
сто стволов хлестали
сплавом грома,
бешенства и стали...
Пуля — в сердце,
солнце — камнем с неба.
Был солдат,
а вот теперь,
как не был.

2.

Подмосковьем,
распевая звонко,
рядом с парнем
шла-брела девчонка.
Парень девушке
сказал три слова —
вечно старых,
но и вечно новых.
А она:
«Любовь не стану прятать,
жду с войны я милого —
солдата...»

3.

Кровь солдата
Красила булыжник
в семи днях
от тишины и жизни...
Ландыши вставали в Подмосковье,
пахнувшие первою любовью.

Печальная баллада

ПАМЯТИ ДРУГА
ВАСИЛИЯ ШЕЙНА

В первый же месяц послевоенный,
сняв ордена из деликатности,
я шел,
утопая в лебеде по колена,
к матери друга,
не чувствуя радости.
Она мне показывала похоронку,
утирала слезы втихомолку,
весь день говорила она про сына,
выпить за Васю просила,
не сдержав материнский стон:
«Вот ты-то остался жив,
а он!..»
Я молчал,
как молчат виноватые,
смотрел в окно
на огни предзакатные,
задавая вопрос себе самому:
«Действительно,
почему!
Я шел с ним рядом в одной цепи,
я нагibalся нисколько не ниже,
тогда почему он остался в степи,
а я, как ни странно,
выжил!..»
Чернел за окном
одичавший сад,
скрипела калитка,
о ком-то печалась.

Ответ не найдя,
я сказал невпопад:
«Не знаю,
наверное, просто случайность».
Она вытирала глаза полотенцем,
слова мне шептала
с молитвенной силой:
«Неужто не бьется
Васино сердце,
а сердце такое доброе было...»

И вдруг я представил себя зарытым,
а мертвого друга живым —
не убитым.
Робко он смотрит
в лицо моей матери,
пьет вино,
не чувствуя горечь полыни.
Глаза вытирает мать
краешком скатерти:
«Тебя не убили,
а сына!..»
И друг отвечает,
живого себя стесняясь:
«Не знаю,
наверное, просто случайность...»

И я повторяю ненужные эти слова.
Плывет по избе беломорная синева.
И день на исходе
и папиросы,
а мать все плачет:
«А может, просто...
Может, он вовсе и не убит,
а может, он раненый где-то лежит!..»
[Лежит он с друзьями верными
под обелиском фанерным].
Киваю:
«Бывает, что врут писаря».
А сам все смотрю,
как исходит заря,
и, вспомнив атаку ту предрассветную,
зажигаю папиросу последнюю.
И слушаю:
«Сон мне привиделся в среду:
тихое утро — ни стука, ни звона,—
иду я по лугу,
и Вася мой следом
идет в гимнастёрке зеленой.
Я сон относил гадалке одной,
и та предсказала:
да, значит — живой...»

[Упал он на землю
уже неживым,
травы степные сомкнулись над ним].

Киваю:
«Гадалки такие бывают:
все они видят и все понимают...»
Закат растворялся в прохладном тумане,
сад притаился,
как будто в испуге.
Долго прощаюсь я с тетей Таней,
с тетей Таней —
матерью друга.
Слезы горячие зреют во мне,
скорей бы дойти до поникшей калитки...

Друг с фотографии на стене
провожает меня
улыбкой.

Наедине с природой

И часа я не прожил без любви...

Как древние суда,
проходят лоси,
над ними проплывают журавли,
крылами-веслами качая просинь.

А солнце, оперевшись на восток,
встает неслышно,
словно прорастает,
И пробует зорька голосок,
росинку-шарик
в горлышке катая.

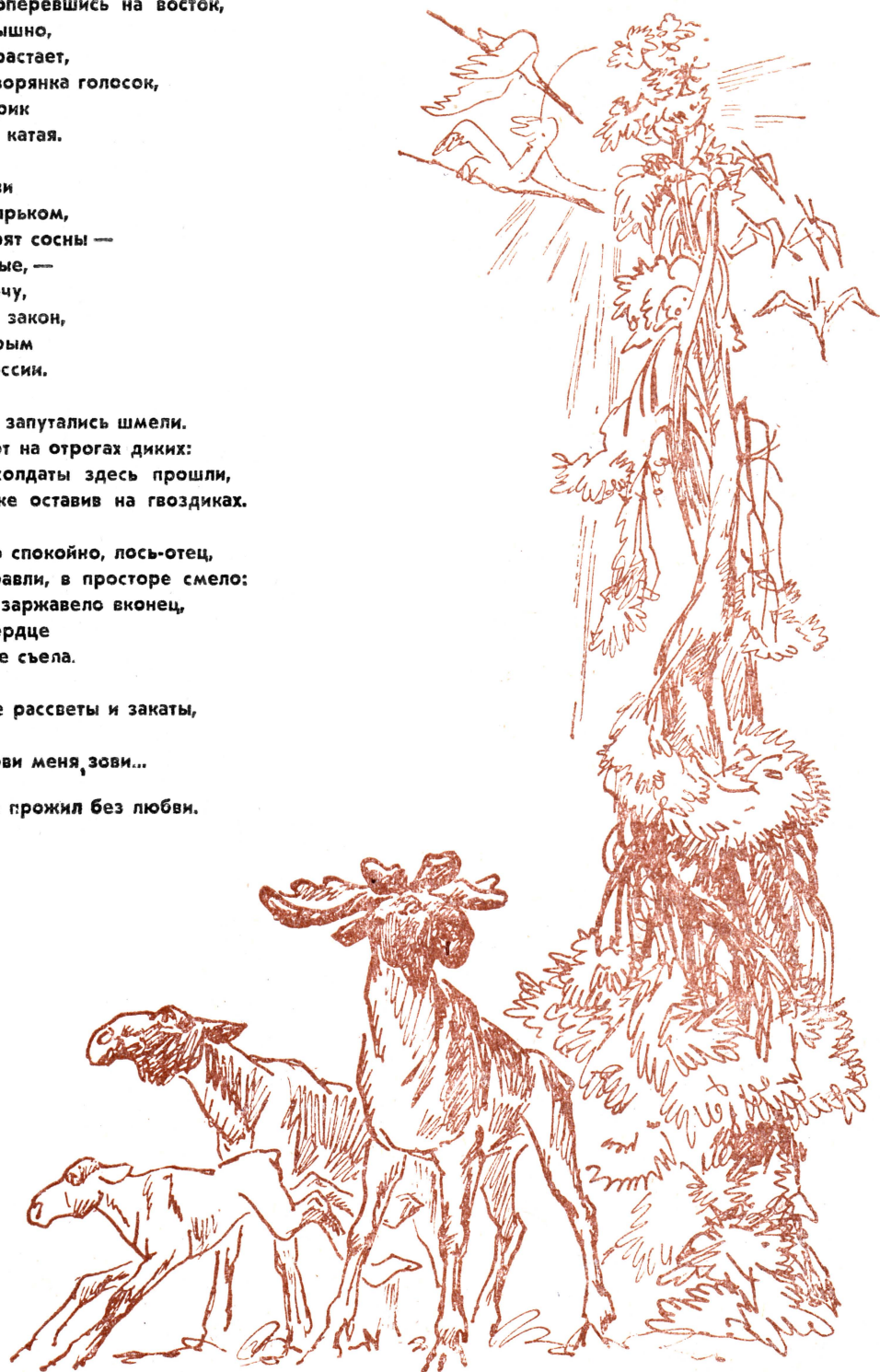
Ладони-ветви
сделав козырьком,
вдаль смотрят сосны —
витязи лесные, —
плечо к плечу,
как требует закон,
живет которым
войнство России.

В черемухе запутались шмели.
Цветы алеют на отрогах диких:
наверное, солдаты здесь прошли,
по звездочке оставив на гвоздиках.

Веди семью спокойно, лось-отец,
летите, журавли, в просторе смело:
ружье мое заржавело вконец,
зато мне сердце
ржавчина не съела.

В уральские рассветы и закаты,
Зорька,
ты зови меня, зови...

И часа я не прожил без любви.

НА РАССВЕТЕ

Старинное уральское село Тютняры, что под Челябинском, за две сотни лет своего существования много повидало. Сражались тютнярские мужики в отряде Емельяна Пугачева. Бунтовали в 1905-м против царских сатрапов. В гражданскую почти поголовно ушли в партизаны, а оттуда в регулярные красные войска и героически бились против колчаковцев.

Молодые тютнярские ребята оказались достойными наследниками своих отцов. Когда Павлу Чуличкову пришел срок призываться, закадычный его дружок Николай Булаев, хоть и был на год моложе, запросился с ним вместе. По комсомольской путевке обоих направили в бронетанковую школу, под Брест.

В июне сорок первого курсантам объявили приказ о выпуске. Николай стал механиком-водителем, а Паша — стрелком-радиостом.

Радостно было, но и тревожно. С границы доходили беспокойные вести. На прошлой неделе группу курсантов бронешколы подняли по тревоге и направили прочесывать участок Беловежской пушчи. Там, действуя в пешем строю, танкисты напали на след вражеских лазутчиков,

проникших из-за кордона. Вступили в перестрелку. Один из курсантов был ранен. Он лежал в военном госпитале Брестской крепости. Получив увольнительные, Николай и Павел решили проведать его. К вечеру друзья были уже в крепости. Место знакомое: здесь, в карантине, провели первый месяц службы.

Прошлись по военному городку. Заглянули в клуб, где выступали приезжие артисты. В летнем кинотеатре посмотрели «Богатую невесту».

К полуночи пришли в казарму 455-го стрелкового полка. Получили разрешение переночевать. Долго не могли заснуть — все вспоминали свои Тютняры. В зыбкой сероватой полумгле рождалось 22 июня 1941 года.

Об этом раннем июньском рассвете рассказывалось и писалось множество раз, но еще долго люди будут вспоминать его. Каждый по-своему.

...Внезапная гроза с блеском молний и грохотом заставила Николая и Павла вскочить с коек. Окно в казарме было выбито, стены посечены осколками, по полу стлался удушливый дым. Быстро одевшись, друзья бросились к выходу. Перед казармами бушевали разрывы. **5**

В дыму и огне тонули крепостной двор, здания, деревья...

— Куда теперь? — крикнул Чуличков.

— Как — куда? В бронешколу, к танкам! — ответил Николай.

Путь этот оказался не простым. Как только шквал разрывов поутих, ребята вооружились — винтовки и подсумки с патронами пришлось взять у погибших — и бросились к Брестским воротам. Там их встретила сплошная огневая завеса. В Холмские ворота прорвались немцы, и бой шел на территории цитадели. Под обстрелом врага находились и Кобринские ворота, возле которых бойцы и командиры из разных подразделений залегли в цепь и вступили в перестрелку с гитлеровцами.

Старший лейтенант, возглавлявший оборону, понял танкистов с полуслова.

— Пробьемся — найдете своих, — сказал он.

Но надо еще было пробиться.

Так Булаев и Чуличков на время стали стрелками. Они лежали в цепи и били из винтовок по скоплениям гитлеровцев на противоположном берегу канала. А потом старший лейтенант поднял бойцов в атаку. С винтовками наперевес бежали они по гулкому деревянному настилу моста, стреляя на ходу. Не всем довелось перебежать на другой берег. Но те, кто остался жив, закрепились на новом руп-

Н. М. Булаев

беже. Затем снова и снова поднимались в штыковую атаку.

Старший лейтенант сдержал слово. Как только бойцы снова заняли оборону, он помог танкистам связаться с подраз-

С Л Е Д О П Ы Т С К И Е Д Е Л А

Участники операции «Ч», отряд за отрядом, отправляются в новую экспедицию по реке Чусовой. Среди них — следопыты клуба «Искатель» школы № 14 города Серова Свердловской области. Подготовку к походу они начали еще зимой. Тщательно разрабатывали маршрут, изучали литературу о природе края, вели переписку с работниками лесных хозяйств и сельскими следопытами.

Нынешний маршрут «Искателя» начинается у села Кын и кончается в городе Чусовом.

6 Во время экспедиции ребята продолжают работу по сбору материалов об интересных памятниках природы — чусовских скалах-бойцах, исследуют

состояние воды в реке, проверят, как выполняется закон об охране природы.

История малых народностей Дальнего Востока — ульчей и нивхов —

тема, которую выбрали для своей работы юные следопыты села Марининского, расположенного на берегу Амура, в Ульчском районе Хабаровского края. По вековым дремучим лесам, через болота и ягодные мари к Охотскому морю протянулись маршруты их походов. Ребята побывали на реке Искай, впадающей в залив Счастья. Здесь расположена станция по разведению ценнейших пород дальневосточных рыб. Через залив Счастья исследователи добрались до Петровской косы, омываемой бурным Охотским морем, и побывали на месте, где находилась база Амурской экспедиции Г. Невельского. На острове Байдукова следопыты познакомились с национальным бытом нивхов, записали рассказы стариков,

делениями той дивизии, в которую вошла бронетанковая школа.

И вот к вечеру группа танкистов на трех «ЗИСах», под непрерывными бомбежками, прибыла в городок Береза Картузская. Неподалеку располагалась бронетанковая школа. Там, в парке стояли боевые машины.

С каждым годом все отчетливей и ярче видится подвиг бессмертного Брестского гарнизона. В его летопись вписываются новые и новые страницы.

Танковая атака, в которую утром второго дня войны ходил уралец Николай Булаев, упомянута в одной из глав книги С. С. Смирнова «Брестская крепость». Мне довелось встретиться с самим участником этого события, с его слов и ведется рассказ.

Итак, к исходу 22 июня Булаев и Чуличков находились в танковом парке, в лесу, под Березой Картузской. Их встретил инструктор по вождению, техник-лейтенант, дальневосточник, сам еще молодой, немногим старше курсантов. Между собой курсанты звали его просто Мишей. Под этим именем он и сохранился в памяти Булаева.

— Пойдете оба ко мне в экипаж,— сказал Миша.— Вот наш «Т-26». Я — командир. Булаев — за рычаги, Чуличков — за пулемет...

Затемно около пятидесяти средних и

легких танков бронешколы вытянулись в колонну. Повел ее сам начальник школы подполковник Вержбицкий. Марш совершался организованно, под прикрытием короткой летней ночи. И хотя над дорогой часто вспыхивали осветительные авиабомбы и не раз «юнкерсы» обрушивали на колонну свои удары, танки двигались в полном порядке. Почти без потерь вышли в долину реки Мухавец, в районе городка Жабинка.

Там уже завязался встречный бой. В него вступили подразделения танковой дивизии, которой командовал генерал Пуганов.

— Я еще не видел боя, но чувствовал и слышал его,— вспоминает Н. М. Булаев.— В нашем командирском танке была рация. Эфир заполняли команды, сигналы, возгласы... Подполковник Вержбицкий перестроил нашу колонну в боевую линию, и мы пошли в атаку...

Перед атакой Николай, чтобы лучше сориентироваться, ненадолго открыл люк. В редколесье он увидел фашистские танки — «Т-3» и «Т-4». Они шли на больших скоростях. Видимо, пытались вклинуться в боевые порядки наших машин, уже ведущих бой, или намеревались обойти их.

Бронешкола ударила гитлеровцам во фланг. Это был умело организованный маневр, внезапный и дерзкий.

Ведя танк по лошине, среди деревьев

С Л Е Д О П Ы Т С К И Е Д Е Л А

получили в подарок вещи домашнего и культурного обихода.

Богатейший материал, со-

бранный во время походов, составил экспозицию школьного музея.

Писатель Вячеслав Шишков работал над своим романом «Угрюм-река» в поселке Ербогачене, который входит сейчас в Катангский район Иркутской области. Здесь он слушал рассказы старожил о некогда вабытом богом и людьми края, отбирал характерные детали, которые пригодились ему при создании главных образов романа.

Следопыты Ербогаченской средней школы решили собрать материал о людях, чья судьба перекликается с судьбой некоторых героев романа «Угрюм-река». Этот поиск перерос рамки первоначального плана. Ре-

бята находили все новые и новые материалы из истории своего края. Неузнаваемо изменилась за годы Советской власти жизнь района, где до революции на всю волость не было ни одного врача. Следопыты установили имена первых учителей

и кустарников, выполняя команды техника-лейтенанта, Булаев слышал, как тот, стреляя из орудия, кричал:

— Есть... Здорово! Попал! Попал!

Павел Чуличков строчил из пулемета по бегущим за вражескими танками автоматчикам. В разгар схватки по радиации была принята команда подполковника Вержбицкого:

— Прикройте Санникова!.. Быстрее прикройте Санникова!..

— Вправо, Булаев, вправо! — крикнул водителю Миша.

В триплекс Николай видел, как, впереди, правее, замер наш танк. Над машиной поднимались клубы дыма.

Григория Санникова он хорошо знал: земляк. От Кыштыма, где тот вырос, до Тютняра совсем рукой подать.

— Смелее! — торопил Миша.— Подставляй борт...

Танкисты знают, какой это опасный, рискованный маневр: повернуться к противнику бортом. Это значило стать мишенью. Вызвать огонь на себя. Но это необходимо было делать для спасения экипажа Санникова.

Санников и его товарищи покинули свою машину. Прихватив пулемет, они залегли невдалеке и открыли огонь по вражеским автоматчикам.

— Вперед! — услышал Булаев. И, радуясь, что маневр удался, развернул свой «Т-26», повел его вдогон уходящим немецким танкам.

Бронешкола остановила фашистскую танковую лавину, повернула ее вспять. Булаев видел, как горели неприятельские машины, как смешался их строй...

— Около трех километров нашей земли мы тогда очистили от фашистов,— вспоминает ветеран.— Враг, вероломно напавший на нас, был очень силен. Но в моем сознании и, думаю, в памяти товарищей та атака сохранилась, как предвестник грядущей победы.

Долго воевал Николай Михайлович Булаев. Пробивался с отрядом из окружения, оборонял знаменитую Соловьевскую переправу на Смоленщине, сражался за Москву и Сталинград, форсировал Днепр, освобождал Южную Украину, ступил на землю Румынии.

В конце войны командование направило опытного боевого танкиста в Москву, в военное училище. И там, в Москве, он участвовал в параде Победы.

Сейчас Николай Михайлович работает плановиком-экономистом передвижной механизированной колонны в уральском городке Талице.

С. ШМЕРЛИНГ

С Л Е Д О П Ы Т С К И Е Д Е Л А

Катанги, многие из которых были расстреляны белогвардейцами, первых врачей, свидетелей появления первого трактора, первой машины...

Почти каждый школьник Игринской средней школы № 1 Удмуртской АССР занимается в одном из кружков «Юный геолог». Занятия в кружках ведут опытные геологи, инженеры нефтегазразведки Игринского района. Большая и давняя дружба связывает ребят с работниками нефтегазразведки. Встречи с рабочими на буровых, знакомство с современным оборудованием, совместные экспедиции и туристские походы, традиционный «День геолога», который

проводится весной, в начале открытия геологического сезона, — все это не только расширяет кругозор ребят, но и помогает учащимся в выборе будущей профессии.

Многие выпускники школы,

бывшие следопыты, стали сегодня разведчиками и добытчиками «черного золота».

В апреле 1944 года, когда шли бои за Одессу, передний край проходил у Сухолиманской школы. 9 апреля, за день до освобождения Одессы, во дворе школы погиб лейтенант Федор Зеликов. Товарищи здесь же похоронили его и снова пошли в бой.

Прошло 27 лет, но жива память о герое. Следопыты школы ухаживают за могилой Федора Зеликова. Ребята разыскали его друзей и родных.

Необычен и школьный звонок в Сухолиманской школе. Он сделан из корпуса снаряда, найденного ребятами.

АВТОБУС, ПОЛНЫЙ ДРУЗЕЙ

Василий КОБЕЛЬКОВ

Над плотной ходит-бродит стужа. Она забирается под одежду, доводит до свекельной красноты щеки. Гейзером на водосбросе поднимается пар. Стройка в тумане. Темно. Над сопкой появляется чуть заметная полоска зимнего рассвета. А у нас окончилась ночная смена. Мы спешим к автобусам. Утром они не задерживаются. Подъездут, распахнут двери, выпуская утреннюю смену,— и в обратную.

Я вскакиваю на ступеньку, ищу глазами свободное место и, вжавшись в угол, плотнее запакиваю телогрейку. Машина подкидывает, укачивает. Растянутыми желтыми мазками мелькают за мерзлыми шершавыми окнами автобуса городские огни. Вижу знакомые лица и спины. Бывает, войдешь в городской автобус — ни одного знакомого. В рабочем же — все свои.

НА ЩИТЕ

Позади меня Толя Белов, звеньевой с соседнего участка, рассказывает своему соседу, Коле Шалину, эпизод из охотничьей жизни:

— С вечера разбросал донки. Развел костер. Собрал подстилочку. Лежу. Светло — конец июня.

Не спится. Полежишь, полежишь да и пойдешь проверять удочки. А брались одни налимчики. Последняя удочка метров за сто стояла от костра. Только ее потянул, как между мной и костром — хресь! И потом полегче: хресь, хресь, хресь... Впервые почувствовал, как мурашки по спине побежали, будто от мороза. Ружье — с плеча, про удочку и забыл. Затихло. Ну, думаю, была не была — буду прорываться к костру. За каждым кустом медведя видел...

— Ну, а что было-то? — спрашивает сонноватым голосом Коля.

— Марал на горе, до которой полдня идти, кричал, будто рядом.

— Может, ветка в костре треснула, — махнул рукой Коля.

— Ты что? Как побежит!

— А ты, когда за шишками ходил, на этукую желтую кедрку не лазил?

— А, иди ты!

Толя как-то мне признался, что еще ни разу не видел на воле медведя, а хотелось. И он спорит, забыв обо всем. И уж, конечно, не думает он сейчас о случившемся с ним несколько дней назад.

...Они с Витькой пробивали шпильки крепления. Помогая Витьке перейти со щита на щит, Толя подтягивал веревку, привязанную к Витькиному монтажному поясу, и чуть ли не на весу держал парня. А тот, как видно, боялся и никак не мог перейти через выступ.

— Смелей! На руки налегай, — советовал ему Толя, но, видя, что дела не будет, приказал: — Возвращайся. Не дотянешься.

Витька поднялся вверх. Сел на уголок. Из нагрудного кармана гимнастерки одной рукой все доставал и никак не мог достать сигарету. Мешал клапан кармана. Наконец, удалось. Закурил, жадно втянул в себя дым. У него дрожали руки. Го-

лубые глаза были опущены и смотрели на кончики еще не порыжевших кирзовых сапог.

Витька прибил к нам буквально на днях. Еще не привык к высоте. Толя успокаивает его:

— Ты ничего. Ты меньше всего о высоте думай. Не расстраивайся. Годик поработаешь — привыкнешь. Кто год на нашей стройке отбухает, тому смело можно мастера спорта по лазанию присваивать.

Сам он спускается по щитам прямо, без обходов. Правда, тяжелоато переходить с третьего на второй брус: расстояние между ними около двух метров. В какой-то момент держишься на «честном слове» — кончиками пальцев рук и ногами резиновых сапог.

Вот Толя перекинул ногу через верхний брус, засунул топор за монтажный пояс и огляделся. Над плотиной ворочались клочья утреннего тумана. Краны то исчезали, то появлялись, как мишени при стрельбе.

Начал сползать на животе, и, цепляясь где за брус, где за распорную доску, стал спускаться на самый низ щита, оцетинившегося шпильками крепления. Из-за этих шпилек и приходится заниматься «гимнастикой». Их нужно пробить внутрь блока, а там уже разварить, чтобы щиты при бетонировании не отходили.

Первая же шпилька внутри блока уперлась в арматуру.

— Загни ее там! — крикнул Белов напарнику.

— Сейчас, — отозвался сверху Витька.

По неопытности парень сделал не совсем так, как надо было, и Толе пришлось изо всех сил бить обухом топора. Шпилька, прижатая к арматуре, гнбалась и еле подавалась, а сидеть на нижнем тонком бруске да еще махать топором было неудобно.

Пробив нижний ряд, Толя поднялся на второй брус. Вытер с подбородка пот. Снял каску и процедил пальцами влажные волосы.

Туман все еще цеплялся за краны, опалубку. Верховой сквознячок находил его, сталкивал и прижимал к воде, и там, нагретый солнцем, он таял. Прямо на глазах небо очищалось и голубело холодком наступающей осени.

Внизу, намного ниже щитов, где сидел Толя, готовились два первых агрегата. Там хозяйничали монтажники. В их работе было что-то солидное, уверенное. Их флегматичный, неповоротливый кран, кажется, никогда не чувствует тяжести. Слово игрушки, он переносит замысловатые конструкции. Монтажники с метрами в руках временами о чем-то спорили. Расстилали чертеж.

...На втором бруске шпильки входили свободно, лишь последняя уперлась в сплетение арматуры. Пришлось снова бить обухом. И вот тут у него вдруг начала гудеть и тяжелеть голова. Шпилька подавалась по миллиметрам, Толя бил, а сам каждый раз со страхом ждал момента удара. Потом голова будто начала раскалываться, и каждый взмах теперь отдавался вспышкой боли.

Наконец, шпилька по самую гайку вошла в дерево, и Толя вяло ткнул топором в последний раз. Звякнув, топор полетел вниз. У Толи похолодело внутри. На счастье, внизу под ним никого не было. Толя прислонился спиной к доскам. Вынул из нагрудного кармана склянку с бензоловыми

таблетками — и не открыл. Ему уже так надоели все эти лекарства! Что будет, то будет.

Он заставил себя подняться, защелкнуть карабины пояса за соседние шпильки, и как бы повис на ремнях, прикрыв глаза, дав боли побродить и успокоиться...

...Однажды он бежал в общежитие с последнего сеанса. Мальчишки днем полили дорожку водой. К вечеру подмерзло, припорошило снегом. Ноги неожиданно поскользнулись, и он ударился затылком о лед.

Пришел в себя, и сквозь круги и звездочки в полусознании увидел темные окна. В голову отдавало какой-то незнакомой болью.

Шатаясь, словно на ватных ногах, добрался до общежития. На пороге силы оставили его совсем.

Врач ничего не признал. Выписал таблетки от головной боли и что-то бормотнул насчет симуляции. А через полгода Толю свалил первый приступ. Тут врачи бросились в другую крайность: ему, двадцатитрехлетнему парню, предложили выходить на пенсию.

«На пенсию? А что дальше? — мучительно раздумывал он тогда, и вопросы давили его своей неумолимой откровенностью. — Жить и бояться перенапряжений, простуд и осложнений?.. Что делать?.. Что делать?.. А может, лучше?.. Все равно ведь не жить... Ну, нет!»

Отказался он выходить на пенсию. Попросил парней по комнате никому о том, как с ним иногда бывает, не говорить. На работе об этом так почти никто и не узнал. И, заручившись словом друзей, Толя не боялся, что ему запретят работать на плотине. Боялся, что сам не сможет. Лечился. После санатория, последние два года, ничего не было. И хотя профессор, осматривавший его, говорил, что через несколько лет все может повториться, Толя старался не верить в это. Снова и снова проверял себя. Лазал со скалолазами сбивать камни, ставил на высоте щиты, а в выходные уезжал с друзьями вверх по Мане и оттуда, с верховьев, спускался на плотах.

В прошлое воскресенье опаздывали и плыли ночью. В темноте налетел дождь. Задремали под его шепоток, забыли про приближающиеся шивера. Плот перевернуло. Толя оказался под ним. Рванул — не пускает. Капюшон плаща за что-то зацепился. Тут же вспомнил: впереди — камни. Не успеешь моргнуть — раздавит. Скомандовал себе: «Спокойно!» — протянул руку назад и нащупал проткнутый скобой капюшон плаща. В груди уже нельзя было сдерживать воздух. Хлебнул воды. Но все же дотянулся. Не помнит, как и выплыл. Тут же плот заскреб по камням.

Утонуло все снаряжение. Но Толя радовался, как ребенок, ибо голова оставалась ясной и легкой.

«Напрасно радовался. Сейчас снова начнет», — думает он теперь, сидя на щите, и прислушивается к себе. Боль понемногу уходит и тает.

— Эй, звеньевой! Там спрашивают: куда разгрузить доски? — нависла сверху синеглазая Витькина голова.

— Сейчас, — Толя уже освободился от тисков боли, и легкая работа для него была как раз кстати.

Сбоку от меня, неудобно прислонившись к мерзлому окну и мотая головой в такт хода автобуса, дремлет Салих Ибляминов. Черная кожаная шапка съехала на глаза. Устал. А я подумал: каково же пришлось ему в Новый год, когда...

В ту ночь он дежурил на своем участке. Ему нужно было присмотреть за теплом в трех блоках. Бетон в промежуточном блоке и колене водовода был еще сырой, а третий, спаренный блок седьмого-восьмого агрегатов, требовал обработки. За ночь Салих зачистил его, засыпал опилками. Так у него и прошел Новый год.

В восьмом часу утра Салих ожидал сменщика. Вот уже и девятый пошел, но сменщика не было. Тогда Салих отправился в диспетчерскую и доложил:

— На участке все в норме. Только нет смены.

— Побудь пока. Наверное, запаздывает, — попросила диспетчер, Тамара Егоровна Корейбо.

— Хорошо, — кивнул Салих и вернулся на участок.

Он уже понял, что его не сменят. На промежуточном затвердевал бетон, его надо было зачищать. И Салих, взяв деревянную щетку со стальной щетиной, ползал по блоку, протискивался между арматуринами и сдирал с бетона тонкую белую пленку. Зачищал и все сильнее ощущал голод.

А тут еще и калориферы. В первую смену один из них загорелся, и пламя побежало по кабелю. Пришлось его вовсе отключить. Многие от перегрева выключались сами. И Салиху приходилось обходить их чаще, чтобы где-нибудь не случился пожар или не замерз бетон.

Этот новогодний день не был похож на те, которые ему приходилось видеть раньше, — теплые, с крупным снегом. Сейчас стоял мороз за тридцать. Он норовил забраться в каждую щель в блоках — в этих больших камерах, куда уклады-

вают кранами бетон до самого верха. Салиху даже нравится ходить из блока в блок. Совсем как в армии, где он еще недавно стоял на посту.

Но уже начал схватываться бетон на колене водовода. Медлить нельзя. Надо затирать, а то после придется с отбойным молотком здесь потеть.

Цементная пленка блестит. Блики резко бьют по уставшим глазам, раздражают. Салих стирает их, тушит, расправляется, как с врагами. Пот начинает капать с лица.

Ноет поясница. От тепла и снежной сырости брезента воздух душный и липкий, как в предгрозе. Салиха разморило.

Вдруг что-то мелькнуло перед глазами. Пригляделся — увидел синичку-непоседу. Она перепархивала совсем рядом.

— Что, добрался до тебя мороз? — спрашивает у нее Салих. Но она не слышит. Лишь на миг остановилась, поглядела по сторонам.

Салих нагибается и орудует щеткой. Быстро устает. Порой ему кажется, что он сейчас упадет.

Синичка бегаёт по плафону, машет хвостиком и, опустив головку, с любопытством смотрит на маленькое электрическое солнце. Оглядывается. Светло-зеленый край брезента кажется ей зеленой веткой. Перелетела туда и качается. Сверху оборвалась льдинка и с легким звоном полетела вниз. Синичка вспорхнула и опустилась на солдатский бушлат Салиха.

Салих со злостью трет щеткой. Кажется, блоку нет ни конца, ни края. Все крепче становится корка бетона. Все больше усилий требует она. И Салих сам удивляется, что у него еще хватает сил и руки не выпускают щетки. Она легко ходит там, где бетон ровно заглажен, а у самого водовода, между сетками, заглажено хуже, и там труднее работать, приходится попотеть.

Он смотрит на забетоненную наполовину стальную трубу водовода, начеленную вверх, куда с другой стороны плотины поднимаются воды моря. И представляет, как эта вода будет пролетать здесь и крутить машины.

По мосту проскрипели чьи-то торопливые шаги.

Возле автобазы в автобус вскочил Коля Дрогальчук. Подошел ко мне, толкнул в плечо:

— Не спи. Еще замерзнешь.

— Как работалось?

— Не говори. Больше на кувалду любишь, чем возишь. Намерзает бетон.

— У тебя же кузов с обогревом.

— Это когда тепло. А тут же около сорока! Еле-еле сделал четырнадцать положенных...

С Николаем мы больше встречаемся вот так, в автобусе. Как-то раз заскочил сам не свой: в руке клоч какой-то клеенки, черные глаза горят.

— Летел... Метров сто пятьдесят... Ну, сто законных есть — ребята говорили!..

...В то утро Николай повез бетон на судоподъемник. На перекрестке остановил машину, приоткрыл дверцу. Выпавший ночью снег был влажен,

и его пресный запах смешивался со сладко-горьким запахом набухающих почек и оттаявшей коры.

Вчера здесь пахло по-другому. Виднелись плотно прижатые к земле ржавые листья и сухие стебли иван-чая. Снегом припорошило и гладкую наледь дороги. Машина плохо слушается руля. «Возили ночью или нет? И когда кончился снегопад? — спрашивал себя Николай. Затем махнул рукой: — Ладно, поеду на третьей, не стоять же».

Он благополучно прошел первый спуск, затем поворот. Бетон в кузове был жидкий и хлопал, перекатываясь с борта на борт. Порой он выплескивался на дорогу сырыми кляксами. Только тут Николай заметил свою оплошность: не надо было ехать на третьей, скорость же за тридцать, приходится все время тормозить. Решил переключить на вторую. Нажал на тормоза, да, видно, момент выбрал неудачно: машину бросило к обочине, она ткнулась буфером в камни, на какое-то мгновение остановилась, а затем пошла юзом вниз.

«Ничего, вон у того камня задержусь. Только буфер помну», — думает Дрогальчук.

И правда, у камня машина остановилась. Волна жидкого бетона ударила в борт, в следующее мгновение «МАЗ» накренился, опрокинулся набок, потом — на кабину и пошел кувыряться... Земля и небо, темно и светло перед глазами. Николай еще крепче ухватился за руль, уперся спиной в спинку сиденья, а ногами в пол и словно заклинился. Машина крутится, прыгает с камня на камень, летит вниз... С кузова переворачивается на козырек, на бока, становится на колеса, снова подпрыгивает и снова валится. Светло — темно, земля — небо...

Николай не выпускает баранку из рук. Тело гудит от ударов. «Только бы острый камень не попался...»

Потом наступил покой. Он и не почувствовал, когда это случилось. На какое-то время потерял сознание. На лицо, на грудь капало что-то горячее и вязкое. «Масло из двигателя», — догадался Николай. И тут же сообразил, что лежит на потолке кабины. В разбитое боковое окно увидел, как на краю обрыва замахала руками женщина и побежала назад, к мастерским.

«Звонить в скорую», — думает Николай. И ему становится неудобно перед этой женщиной, перед врачами, которых сейчас вызовут. Он отодвинулся в сторону, чтобы масло не текло на него. Осмотрелся. Тело, вроде, нигде не болит, только в голове гудит и на затылке — шишка.

От ветрового стекла ничего не осталось. Задние стекла уцелели.

И тут Николай вспомнил: следом должны ехать товарищи. За поворотом они уже не смогут остановить свои машины...

Он вылез из кабины, поднялся на ноги и побежал по камням к обрыву, полез на него, сорвался и снова стал карабкаться, нащупывая ногами скользкие уступы. Сверху уже слышался гул моторов, а впереди — отвесная стена. Николай зажмурился и будто наяву увидел, как падают с кручи машины Лешки Воронова, Матвея Новикова, кувыркаются в воздухе...

Николай бросился в сторону, ухватился за ветку, подтянулся... Когда он выскочил на дорогу, то первой увидел машину Воронова. Она уже поднималась на взгорок, с вершины которого начинался этот головоломный спуск. Следом, на некотором расстоянии, шла машина Новикова.

Николай кинулся вперед. Раскинул руки.

— Леш, стой!

Воронов резко тормознул свой «МАЗ».

— Что там?

Дрогальчук показал рукой вниз, под обрыв, и опустился на обочину.

Уже откуда-то издали донесли до него голоса, провизжала тормозами легковая. Через тонкую пленку облаков проглядывало солнце. Искрящийся снег слепил глаза. Николай смотрел на свою машину. Сверху она виделась игрушечной, маленькой и заброшенной.

— Да-а, в рубашке ты родился! — сказал Лешка.

СТРАСТЬ

У Восемнадцатого квартала автобус карабкается в гору. Коля Шалин поднялся со своего места и направился к выходу.

— Как там у тебя? — спрашиваю я.

Разговор — об институте: оба мы с ним студенты: оба мы с ним сту-

денты-заочники. Правда, специальности у нас разные. Коля учится на... инженера-швейника.

— Болел больше месяца, а теперь приходится нагонять. По ночам не сплю, днем работаю. Как вареный хожу. Сам знаешь. Ну, пока.

Невольно, по привычке, ворошу память, пытаюсь вспомнить какой-нибудь особенный случай из жизни Коли Шалина. И ничего такого не вспоминается.

В продутом морозном глазке окна вижу, как, натянув глубже шапку на голову, он зашагал к дому.

В эту ночь он целую смену подтаскивал толстую арматуру, в тесном блоке поднимал ее в паз. И совсем не варил. А ему нравится варить, видеть через темное стекло, как мякнет металл под дугой, как течет и настывает там, где этого хочет он, Коля. И за этой работой, в споре со сталью, не замечает времени. Конец смены застаёт его всегда как бы врасплох.

Но вот он выходит за территорию стройки, и в душе его возникает волнение, не похожее на то, с каким он только что варил сталь.

...Он смотрит на ноги прохожих. Вот проплыли

мимо суженные штанины. Видно, парень сам себе брюки перешил или какой-нибудь нерадивый портной-ремесленник. Шов неровный, штанины косят и морщатся при ходьбе. А может, машинка не отрегулирована была.

Коля поднимает глаза. Навстречу идет полная женщина, кофта на ней широкая и еще больше полнит фигуру. Прикидывает: этой подошли бы прямые, строгие линии. Вот у девушки, наоборот, сильно стянута грудь. Сама бледная, да еще кофточка голубая... Чуть отпустить вытачки, да розовый цвет взять, и девушка стала бы выглядеть очень миленькой.

Он переводит взгляд на другую женщину, в модном, шитом по фигуре платье. Коля просто залюбовался и даже чуть совсем не остановился, чтоб получше рассмотреть фасон. Но вот морщинки побежали по лбу, он забеспокоился: чего-то все же не хватает в этом платье. Женщина прошла мимо, а Коля по памяти восстанавливает детали ее платья, и никак не может понять, чего же в нем не хватает. А может, что-то лишнее?

Домой пришел — глаза усталые, невеселые. Валя, жена, тоже уже пришла с работы. Затопила печку. Грела воду, варила борщ. Она видела, как муж в прихожей разделся, помылся, а войдя в комнату, покосился в ее сторону и сел на диван. «Что-то не в духе», — догадалась она.

— В зеркало, что ли, посмотришься, — попровобовала пошутить.

— Ты что-то сказала? — будто не расслышал Коля.

— Говорю: посмотришься в зеркало, — просто-душно смеется жена.

— Знаешь, в другой раз...

Он долго сидел на диване наседкой, углубленный в свои мысли, потом встал, заходил по комнате. «В чем же дело? Вроде, и плечи нормальные, и талия, и поясок? Все правильно...»

Жена пускает в ход последнее, уже испытанное средство, чтобы привлечь его внимание к себе:

— Да, Коля, чуть не забыла: посмотри, какой я материал купила! Может, сегодня раскроишь?

— Не могу. Надо заниматься, — говорит он, выходя из состояния задумчивости, но брови его все еще продолжают хмуриться.

— Ну, как посвободней будешь, — соглашается она. — Я подожду.

— А цвет этот тебе не подойдет, — вдруг огорашивает он жену. — Надо было посоветоваться.

— Мне этот цвет понравился, — теряется Валя.

— Мало ли что. Не буду я тебе шить это платье.

— Злишься все, злишься. А кто виноват? Кто тебя держит на стройке? — в свою очередь напу-

скается на него жена. — Пошел бы работать в быт-комбинат. Куда тянет, туда и иди.

— Меня и туда тянет, и сюда, — отвечает он. — Когда еще придется строить такую плетину?

Валя уходит в другую комнату, и он остается один. В конспекты и не заглядывает. Мнет рукой ситец, купленный женой, ощущает его приятную свежесть, крахмальный хруст. Он так, с досады сказал, что цвет не подходит Вале. У нее голубые глаза, а в расцветке материи есть что-то веселее, как в букете медуниц...

Он берется за ножницы. Кроит материал. Разложил на столе куски. И тут его вдруг осенила догадка: в платье той женщины на груди надо было складки сделать чуть повыше!..

...Валя от двери смотрит на мужа и ждет, пока он совсем не уйдет в работу. Тогда уж можно будет стоять около него, смотреть, спрашивать. И она уже знает: что-то он новое подглядел сегодня. И несколько не сомневается, что выйдет платье точно по ней, а соседки завтра будут ходить к ней, спрашивать выкройки.

ПЕРВЫЙ ГРОМ

Вот и площадь. Конечная остановка. Расходимся по улицам-радиусам Дивногорска. У двери автобуса меня поджидает Миша Дудник. Мне с ним по пути. Мы всегда возвращаемся вместе. От площади Строителей спускаемся по

Нагорной улице. Зимой, как сегодня, опаленные морозом, спешим домой, а летом, да еще после второй смены, когда город уже затихает и на улицах встречаются только влюбленные, с удовольствием тянем время.

Помню, как-то раз в мае возвращались вот так же со смены...

— Даже домой не хочется, — сказал Миша, останавливаясь посреди площади. Развел руки, посмотрел в небо. В свете ламп белели бока туч. Со стороны плотины глухо, будто отзвуки взрывов, доносился предупреждающий рык грома. Через мгновение кромку тайги над горами осветила молния. Заблестели косые струи дождя. Пахнуло ночным теплом. Тучи таяли в темноте. Как-то особенно легко было после тяжелой работы. Мы бетонировали вилку девятого агрегата. Первая смена подняла бетон к самому водоводу, а нам пришлось «набивать» пустоту. Тычешь, тычешь в мягкое прохладное месиво чмокающий вибратор, а масса несколько не поддается. Временами даже сомнение охватывает — ни за что нам не заполнить все пространство.

Но смена кончилась, и все сомнения остались позади. Теперь Миша смотрел на закрытое облаками небо и довольно шурлил.

В Дивногорск он приехал после демобилиза-

ции. Как сейчас, вижу его высокую, по-мальчишечьи нескладную фигуру с копной рыжих волос на голове. Рубашка, куртка и телогрейка не застегнуты на верхние пуговицы, так что шею было видно по ключицы, зимой она у него была красная и вся в пупырышках. Работа строповщика такая: или бегаешь до упаду, или ждешь и мерзнешь. Помню, как суетился Миша, когда ему подавали кран, как он размахивал руками, как свистел в свою свистульку, если не мог докричаться до крановщика. Свистулька часто засорялась, а мы готали.

— Не смейтесь, а то у меня еще хуже получается, — без всякой обиды говорил нам Миша.

...Сзади нас, над плотиной, все сверкала молния и гремел гром — первый в том году.

— Ну, пошли, а то попадем под ливень, — заторопил я его.

— Надо скорей на спину лечь, — что-то вспомнив, сказал мне Миша.

— Валяй! — ответил я.

— Говорят, если ляжешь на спину при первом громе, спина никогда не будет болеть, — объяснил он. — Помню, у нас в колхозе дед был...

Миша — сибиряк. Уж если он начал рассказывать о своем селе Куреж, что на юге нашего края, то готов вспоминать до утра.

...Позади нас все громче и ближе гремел гром. Все белее становилась земля и зелень при вспышках молний. Даже близость дождя не могла нас тогда подогнать.

Но сегодня, в морозную ночь, нам не до разговоров. Сегодня наши спины и правда устали: бетон был трудный.

— Ну, пока! — говорит Миша и заворачивает за угол.

НАНТ — КАЛИНИН — КАЛУГА

В Государственный музей истории космонавтики имени К. Э. Циолковского поступил новый экспонат — бронзовая медаль, посвященная памяти Жюль Верна. На одной стороне ее — барельефный портрет писателя, по сторонам две надписи на французском языке: «Жюль Верн. 1828 — 1905» и «Наука — География — Фантастика». На оборотной стороне по краю медали расположены наименования романов: «Вокруг света за 80 дней», «Пять недель на воздушном шаре», «Путешествие с Земли на Луну» и «20 тысяч льев под водой». В это кольцо заглавий помещена обобщенная иллюстрация к названным романам — изображен воздушный шар отважного аэронавта Фергюссона, подводный корабль «Наутилус» в объятиях чудовищного спрута, вверху — легкие очертания материков Земли и рельеф лунной поверхности. Автор медали, французский медальер П. Б. Барон, талантливо воплотил в бронзе волнующую романтику необычайных путешествий, описанных Жюлем Верном.

Следует сказать, что существует прямая связь литературного творчества Ж. Верна и научных трудов К. Э. Циолковского. В предисловии к работе

«Исследование мировых пространств реактивными приборами» (публикация 1911—1912 гг.) Константин Эдуардович писал: «Не помню хорошо, как мне пришло в голову сделать вычисления, относящиеся к ракете. Мне кажется, первые семена заронены были известным фантазером Жюлем Верном, он пробудил работу моего мозга в известном направлении. Явились желания, за желаниями возникла деятельность ума. Конечно, она ни к чему бы не пошла, если бы не встретила помощь со стороны науки».

Романы Жюль Верна заставили Циолковского думать о межпланетных перелетах, но научная постановка вопроса отвергла пушечный снаряд в качестве транспортного средства для космического полета. Пушечный выстрел не может дать скорость, достаточную для преодоления земного притяжения, кроме того, мгновенно возникшая скорость артиллерийского снаряда будет губительна для пассажиров и оборудования. Другое дело ракета — она может развить необходимую большую скорость, нарастающую постепенно. Полетом ракеты можно управлять. Циолковский научно доказал осуществимость космического полета и дал описание устройства пас-

сажирской космической ракеты.

Каким образом медаль Жюль Верна оказалась в Музее истории космонавтики? Об этом стоит рассказать.

За несколько дней до начала первой мировой войны в Калугу к Циолковскому приехал ученик шестого класса Тверского реального училища Борис Бажанов. Они были уже заочно знакомы по переписке. Встреча и личное знакомство произошли на берегу Оки. О ней Бажанов впоследствии рассказал в своих неопубликованных воспоминаниях, хранящихся ныне в Музее истории космонавтики. (Ниже печатаются отрывки из них.)

Бажанов возвратился домой. В 1917 году он окончил училище и сдал экзамен на аттестат зрелости. Любовь к литературе и книгам определила профессию — Борис Васильевич стал библиотечным работником. Связь с Циолковским не прерывалась, время от времени почта доставляла Бажанову бандероли с брошюрами, изданными в Калуге. По старости ученому становилось трудно вести переписку, Бажанов стеснялся затруднять его своими письмами, переписка прекратилась. Последнее письмо от Циолковского пришло в 1929 году.

В юношеские годы Бажанов

Лицевая и оборотная сторона медали памяти Ж. Верна.
Фото Л. Чиркова и С. Денисова.

зачитывался романами Жюль Верна, потом стал собирать материалы о жизни и творчестве писателя, хотел написать о нем книгу. Великая Отечественная война помешала осуществить задуманное. Бажанов стал бойцом саперного батальона на Западном фронте, затем, получив звание младшего лейтенанта, командовал химвзводом.

Гитлеровские захватчики оккупировали город Калинин. Дом, в котором жил Бажанов, был разграблен, пропали книги, документы, письма, фотографии; погибли многие материалы о Жюле Верне. Вернувшись из армии домой, Борис Васильевич не мог сразу приняться за работу над книгой. Надо было восстановить утраченные материалы. Он узнал адрес племянницы Жюль Верна Кристин Аллот де ла Фюэз, написал ей и получил от нее несколько писем. Тем временем

о Жюле Верне вышли книги Леонида Борисова, Кирилла Андреева, Евгения Брандиса. Сознание, что он опоздал и его монография о Жюле Верне уже не сможет иметь актуальное значение, окончательно затормозило задуманную работу. Собранные материалы лежали без пользы.

Но вот в сентябре 1965 года из Франции пришло письмо. Сотрудница муниципальной библиотеки города Нанта Люси Курвилль узнала от племянницы Жюль Верна адрес Бориса Васильевича и сообщила ему о решении муниципалитета ознаменовать 100-летие выхода в свет романа «Путешествие с Земли на Луну» выставкой, посвященной Жюлю Верну. Библиотека собирает экспонаты.

Борис Васильевич отправил в Нант издания романов Жюль Верна и книги о нем на русском языке, журнальные статьи

с публикациями о писателе. Послал все, что он собрал по теме «Жюль Верн», а также брошюры К. Э. Циолковского в издании автора.

16 апреля 1966 года в муниципальной библиотеке города Нанта открылась выставка, посвященная Жюлю Верну. Вскоре почта доставила в город Калинин Бажанову посылку из Нанта. В ней был футляр с бронзовой медалью и лаконичным уведомлением на французском языке: «С признательностью Борису Васильевичу Бажанову на память о Жюле Верне».

Недавно Борис Васильевич отправил медаль в Калугу в дар Музею космонавтики. Добавим еще, что в 1964 году он передал Музею К. Э. Циолковского письма и брошюры, полученные им от Константина Эдуардовича.

В. ЗОТОВ

ВСТРЕЧА У ОКИ

Из воспоминаний Б. В. Бажанова

В июне 1914 года мне исполнилось 18 лет. Я перешел в VI класс Тверского реального училища. В награду за отличные успехи и тихое поведение мне купили велосипед фирмы Энфильд. Он стоил очень дорого и, желая чем-то отблагодарить родных, я взял на себя доставку почты. Для меня это было даже удовольствием: я выписал себе на лето журнал «Природа и люди».

В одном из номеров этого журнала я нашел статью о том, что в Калуге учитель физики Циолковский давно работает над проблемой межпланетных путешествий. У него уже готов об этом большой труд, который будет издан, как только наберется достаточное количество подписчиков. Приводился и адрес ученого: г. Калуга, Королевская ул., д. 61.

При статье был дан портрет Циолковского: мужественное и задумчивое лицо. Подумалось, что это не только большой ученый, но и добрый человек.

Я был восхищен могуществом мысли этого человека! Тут же заторопился на почту, чтобы успеть до закрытия, и там сразу же написал письмо Циолковскому. Я сравнил его с Коперником и Ньютоном, сулил всемирную славу и просил включить меня в число подписчиков на его замечательную книгу.

С нетерпением стал я ждать ответа. Статья была напечатана еще в апреле, и я боялся, что опоздал, наверное, у ученого отбоя нет от желающих и он давно прекратил подписку. Но через неделю пришла бандероль и открытка. Размашисто и крупно Циолковский извещал милостивого государя, Бориса Васильевича, о том, что включил его в список, но что издание будет не скоро. Для того, чтобы оно обошлось не дороже 1 рубля, надо набрать не меньше 100 подписчиков, а их еще только 20. А пока он высылает свои новые брошюры, за которые с меня причитается с пересылкой 30 копеек почтовыми марками.

В бандероли было две брошюры в цветных обертках. Одна — «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Перелистывая ее, я убедился, что эта работа намного сложнее, чем популярная статья в журнале, и мне она не по зубам. Другая брошюра — «Простейший проект металлического аэронаута» — была мне понятнее и интереснее.

Я подивился трудолюбию Циолковского. На обложках этих брошюр был напечатан перечень его трудов: за четырнадцать лет он издал 30 статей. Я подсчитал, сколько стоят все его брошюры, вышло что-то около двух рублей. Тотчас написал перевод на 4 рубля: комплект оставлю себе, а другой раздам товарищам по училищу. Из нас

многие интересовались авиатикой (как тогда говорили) и авиаторами, особенно знаменитым Уточкинским.

Еще прошла неделя, и я получил посылкой все, что просил, а также опять открытку: Циолковский благодарит, выражает надежду, что наше знакомство продолжится и упрочится. Тут же на почте, не раздумывая, шлю ему новое письмо: тоже благодарю, восхищаюсь брошюрами, собираюсь побывать в Калуге и прошу разрешения побеседовать с ученым.

На этот раз ответ пришел очень скоро, через два-три дня: пожалуйста, будет очень рад. Вообще принимает посетителей в каждую среду от 6 до 8 часов вечера, но меня, как иногороднего, примет в любой день.

Дома я тотчас прошел к отцу.

— Можно мне съездить в Калугу?

— Зачем?

— Циолковский, ну, тот самый... Я тебе говорил, проектирует управляемый дирижабль. Приглашает меня посмотреть модель. Вот письмо. Видишь: в любую среду. Это он пишет...

— Мало ли чего он напишет, — сказал отец. — Эта поездка в четвертной вскочит, шутишь? Научись зарабатывать деньги! Тогда поезжай и в Калугу, и за Калугу...

Но утром отец подал мне красненькую, то есть десять рублей, и сказал:

— Не трать на пустяки!

Я понял это как разрешение мне ехать в Калугу.

И вот сутки спустя утром я вышел из вагона в Калуге. Извозчик повез меня в город. В сравнении с Тверью Калуга показалась мне необыкновенно тихой и просторной: широкие и длинные улицы, мало крупных зданий, много садов.

Извозчик вез меня часа полтора и привез на окраину города, к Оке. Тут улицы были немошенные, поросшие травой, отделенные от тротуаров линией тополей и канавами; домишки в три окошка с длиннющими заборами по фасаду и большущими огородами на задворках. Множество кур и еще больше собак. Лишь по телеграфным столбам и фонарям на перекрестках заметишь, что ты в городе, а не в деревне.

Вот Коровинская улица, а на углу — дом № 61, плотный, аккуратный, под железной крышей, недавно окрашенной в зеленый цвет. По мосткам, положенным через канаву, я подошел к крыльцу и подергал ручку висячего звонка. Никто не вышел. Я постучал в дверь: никого. Стучу в окна, идя по порядку от крыльца на угол. И вот в окне, выходящем в переулок, появилась девушка. Она закивала мне и показала рукой в сторону улицы. Я побежал к крыльцу.

— Что вам угодно, господин реалист? — спросила девушка, открыв мне дверь.

Приподняв фуражку, я пробормотал, что прибыл по приглашению господина Циолковского.

— Папы нету дома.

— Если позволите, я подожду, — сказал я.

— Папа ушел гулять, — сказала она. — Потом будет обедать. Вам лучше придти попозже.

— А куда пошел гулять ваш папаша?

— Мой папаша пошел гулять вон туда! — девушка мотнула головой влево и скрылась.

Я побрел по улице влево и вышел на берег Оки. Пробираясь между кустами, я заметил, что внизу у воды полусидел-полулежал, откинувшись

на руки и упираясь ладонями в траву, пожилой мужчина с темной бородой, в очках и без рубашки — видимо, загорал.

Вот он рывком сел, обтер ладони одна о другую и вынул из кармана апельсин. Аккуратно очистив, он отламывал от него дольку за долькой, клал в рот, со вкусом сосал, а косточки выплевывал, стараясь выплюнуть подальше.

Я смотрел и удивлялся. По лицу, бороде, очкам — это был Циолковский, правда, много старше, чем на портрете в журнале, но несомненно — он. Но только как же так — ученый, изобретатель, и вдруг сидит на берегу, сосет апельсин, выплевывает косточки, как простой мальчишка?!

Я спустился по обрыву и лучше разглядел его: лицо без морщин, глаза темные, глубокие. Он заметил меня, но не удивился моему появлению. Я снял фуражку, поклонился:

— Разрешите представиться, такой-то!

— Громче, не слышу! — сказал Циолковский. Он доел апельсин и вытер пальцы о траву.

— Такой-то из Твери! — прокричал я.

Циолковский поморщился:

— Говорите тише!

Я забормотал:

— Имел честь получить ваше письмо... Оно со мной... Сейчас покажу... Я поставил на траву саквояж и шарил в нем, но открытка словно спряталась.

Циолковский взял у меня саквояж и переставил его на другую сторону от себя:

— Не трудитесь, Борис Васильевич! Это не суть важно! — Он протянул мне руку. — Очень рад! Садитесь!

— Не беспокойтесь, пожалуйста, я постою, — сказал я.

— Сядьте!! — сказал Циолковский.

Я поклонился, сел:

— Благодарю вас!

Циолковский расхохотался.

— Точь-в-точь, отец Паисий! — сказал он. — Был тут в монастыре послушник, такой же тихоня и что ни слово — «Благодарю вас!», «Будьте любезны!», «Не извольте беспокоиться!».

Однажды, купаясь, я шагнул и погрузился с головой в яму. Вот такое же чувство испытал теперь: иду на дно!

Циолковский спохватился и сказал ласково:

— Ну, ну, не сердитесь, я люблю пошутить.

Я помню ваше письмо. Оно мне понравилось. Вы пишете лучше, чем говорите — проще, без китайских церемоний...

Он полез в карман, вытащил апельсин и подал мне:

— Был в городе, соблазнился на старости лет... Освежитесь!

Я завладел опять саквояжем и упрятал туда апельсин — подарок Циолковского!

Слышал он, действительно, плохо. Мне кажется, что многие слова он угадывал лишь по движению губ: все время пристально смотрел в лицо, подчас смущая меня этим, слишком внимательным взглядом.

— Так, вас интересует моя работа «Исследование мировых пространств»? Это дело не сегодняшнего, даже не завтрашнего дня. Но цельнометаллический аэронат — это сегодняшний день. Воздухоплавание долго топталось на одном месте, а теперь обулось в семиверстные сапоги. Вы, Борис Васильевич, конечно, читали (к своему стыду, я услышал об этом впервые):

11 мая штабс-капитан Нестеров прилетел из Киева в Петербург, покрыв за восемнадцать часов тысячу двести верст! — Циолковский привел еще несколько примеров достижений наших и немецких авиаторов.

— Казалось бы, — говорил Циолковский дальше, — почему не заняться нам и аэронавом. И все шло к тому, чтобы им занялись. На третьем воздухоплавательном съезде в Петербурге в апреле мне удалось поставить доклад об этом своем изобретении. Но профессор Жуковский, который ранее выражал полное одобрение аэронаву, тут оказался неожиданно в числе противников. Жуковский, вы знаете, — сила, а сила ломит солому, вам тоже известно... В общем, похоронили мой аэронав.

Циолковский замолчал, подобрал корки от апельсина, смял в кулаке, размахнулся и забросил корки в воду. Потом принялся аккуратно одеваться. Взглянув на меня, ласково кивнул:

— Вам эти разговоры все равно, как безному калоши! — Я пытался возражать, но Циолковский прервал меня. — За десять минут, которые я говорил, вы три раза взглянули на часы. Или куда-то спешите, или ждете не дождетесь, когда старик кончит, чтобы вам начать о своем.

Очень не хотелось, но пришлось заговорить о своем, ради чего я и приехал сюда! Циолковский слушал скучно и невнимательно. Он вдруг сладко потянулся и зевнул.

— Вы чего хотите? — спросил он.

Решение у меня было готово:

— Уехать вот хотя бы сюда, в Калугу. Здесь есть реальное училище?

— Есть! — ответил Циолковский.

— Очень хорошо! Переведусь сюда, буду жить своим трудом, давать уроки, например...

— В каком вы классе?

— В шестом, то есть перешел в шестой.

— Значит, еще два года трубить. Видите ли, Борис Васильевич, в вас происходит процесс самоопределения. Это бывает с каждым. Было и со мной. Мечтал: гору переверну! Ничего не выйдет, Борис Васильевич! Надо доучиться, это главное. Доучиться, это значит получить какую-то специальность, должность, жалованье. Встаньте на свои ноги, тогда, пожалуйста, самоопределяйтесь, оставьте родных и прочее и создавайте новую жизнь, по вашему вкусу.

Продолжая говорить, Циолковский встал, посмотрел на часы, отряхнул брюки, почистил клочком газеты ботинки.

— Благословляю судьбу, что доучился елико можаху по средствам и обстоятельствам. Получил должность, получаю жалованье! Правда, из меня никакой учитель, но, во-первых (он загнул палец на руке), если держат, значит, я приношу людям пользу; во-вторых (загнул второй палец),

содержу себя и семью, могу даже тратить, пусть гроши, — но это мои гроши! — на то, чего желает не только брюхо мое, а моя душа! Разболтался я с вами! — Циолковский опять шелкнул крышечкой часов и посмотрел время. — Без десяти два. В два часа мы обедаем. Милости просим, Борис Васильевич!

— Благодарю вас! — сказал я.

— Не понимаю! — сказал Циолковский. — Послушайте: не будьте отцом Паисием! Извините, я опять сказал вам неприятность... Пойдете или не пойдете к нам обедать?

— Не пойду! — сказала я. — Очень благодарен, но мне надо еще зайти...

— Дело ваше. Жду вас в шесть часов. Поговорим и книжки дам. — Он подал руку. — Уговор: опоздала — больше для меня не существуете!

Он повернулся, пошел вдоль по улице, — высокий, сутулый, заложив руку за спину, а другой махая в такт шагам.

Без десяти шесть я уже сидел на скамейке у дома Циолковского. Солнце еще высоко, но от топочей уже легли на землю тени. Едва часы показали ровно шесть, я встал, дернул звонок. Опять быстрые шаги, поворот ключа, на пороге утренняя девушка. Заулыбалась: «А, вы!» Посторонилась, давая мне войти. Я у порога еще вытирал о половик ноги, а она уже пронеслась по коридору, толкнула дверь в конце его и крикнула: «Папа, пришел отец Паисий!»

Я схватился за ручку двери, подхватил свой саквояж и выскочил на улицу. Свернув во второй или третий переулок, догнал извозчика и крикнул:

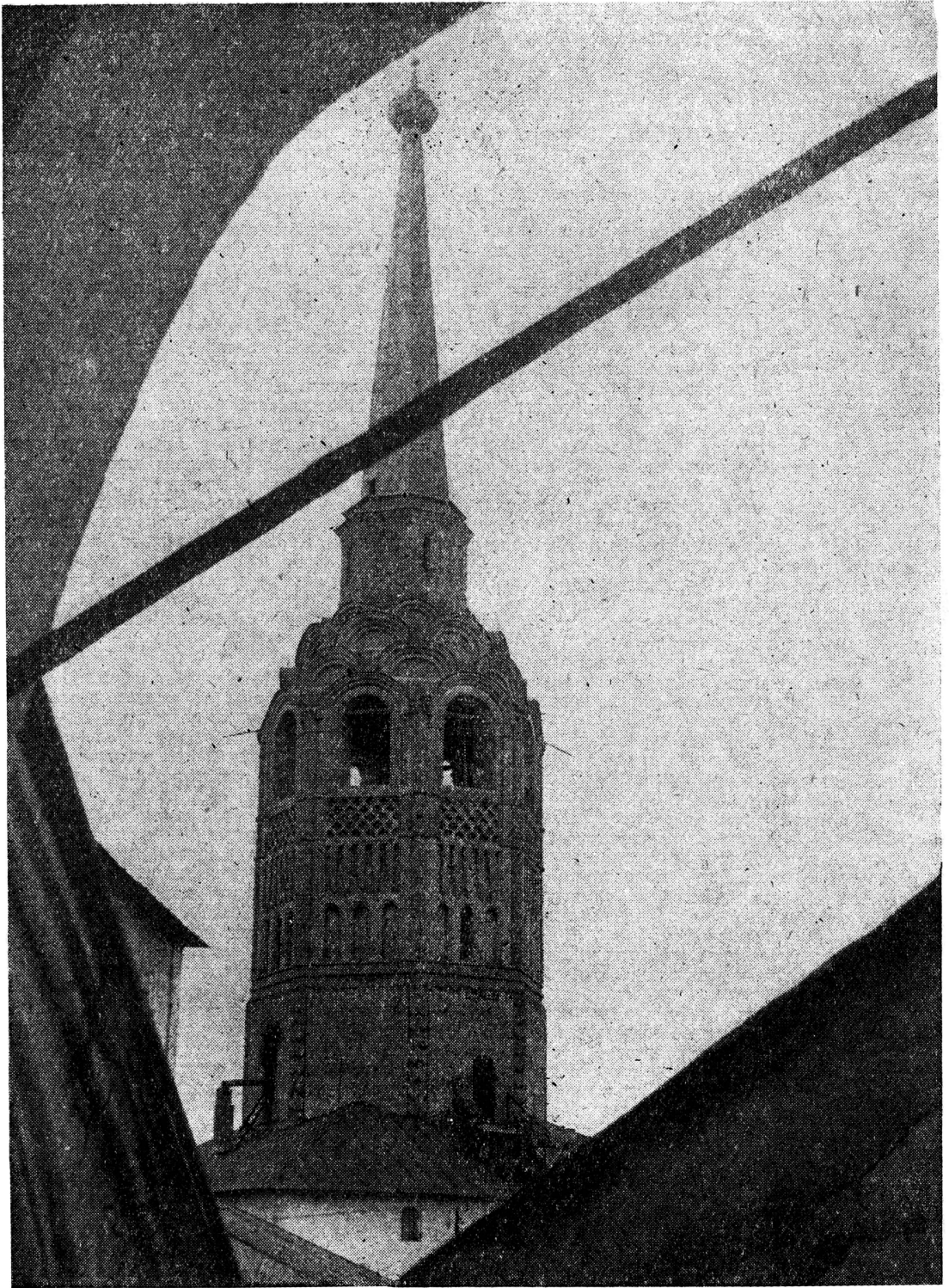
— На вокзал!

На другой день к вечеру я уже был дома. А несколько дней спустя началась первая мировая война. События последующих лет надолго прервали связь с Циолковским... Только в октябре 1925 года я написал ему первое после той встречи письмо. Переписка восстановилась: я получил сткрытку, из которой узнал, что он продолжает работать, издает книжки, надеется издавать по книжке каждые 3—4 месяца.

В 1929 году я получал от Циолковского письмо, которое надолго запомнилось. «Подытожив свою жизнь, я вижу, что из множества вопросов, которые меня занимали, мне удалось разрешить мало. Это меня отнюдь не печалит. Сравнвая, чем я был и чем стал, вижу, что сделан шаг вперед. Это дает мне право сказать, что моя жизнь прожита не бесполезно».

И вот сейчас, когда перечитываю письмо Циолковского, перелистываю его книги, вспоминаю его беседу, — все больше и больше проникаюсь уважением перед его неукротимостью, которая все превозмогла: и бедность, и глухоту, и равнодушие.

СОЛИКАМСКАЯ СТАРИНА

П. Деркач (г. Свердловск)

Владимир РАДКЕВИЧ

Соликамск

К нам пришедший
из русской древности,
Как тревожный былинный сказ,
В камской
вечно живой напевности
Начинается Соликамск.
И встает
за лесами синими,
Навсегда полюбить веля,
Эта злая,
соленая,
ссылная
Твердокаменная земля.
Русь рубежная,
как ты выжила!
Сколько раз,
сколько раз, дотла,
До последней избушки выжжена,
Ты под стук топоров
росла!
Здесь от крови твоей
и пота
Солоны,
солоны ручьи...
Но хранила тебя
работа
Понадежнее,
чем мечи.
Соликамск,
ты — моя частица,
Что века без меня жила.
Отглядели твои бойницы,
Отзвенели
колокола.
Пусть же в русло одно
сливаются
У любимой моей реки
И заводы,
и солеварницы,
И соборы,
и рудники!
Здесь такое сейчас
наметилось,

Что подхватит еще молва...
На Урале
сильна наследственность
И упорства, и мастерства.
И над Камой
заря летящая,
Стройки новые и друзья —
Все здесь русское,
настоящее,
А без этого —
жить нельзя.
Прикоснись же
судьбою
к родине,
Все проверь —
и любовь и боль —
Там,
где, словно на старой робе,
На земле
проступает соль!

Кама

Вечно
Каме
По жизни народа струиться
В тихом зареве звезд,
В обрамленье лесов,
Где ее на рассвете
Свободные птицы
Воспевают
На сотни лесных голосов.
Годы, как облака,
Все шумят надо мною,
Вдоль по жизни иду —
По колена снега...
Но я счастлив и тем,
Что невидной волною
Бился, Кама,
и я
О твои берега!

Повесть

Олег ПАВЛОВСКИЙ

Рисунки Н. Мооса

Накануне

Это уже почти передовая. Не то второй, не то третий эшелон. Нет-нет да и шлепнется неподалеку шальной снаряд, просвистит жалобно потерявшая силу пуля, упадет осколок зенитного снаряда.

Не знаю, как там штабисты комплектовали расчеты, но только и Леший и Пушкин угодили под мое командование. Наводчик у меня опытный — Петр Григорьевич Тиунов, лет сорока-сорока пяти. Нам он кажется дедушкой. Генка первым назвал его просто Григорьичем. Так с того и повелось. Заряжающий — казах Борамбаев Токен Нургожаевич. Вместе с Григорьичем он в бригаде второй год. На широкой выпуклой груди его поблескивает медаль «За отвагу». Все, даже командир роты, зовут Борамбаева по имени.

Генку я назначаю снарядным, Пушкина — подносчиком.

Сейчас все они готовят миномет, старенький уже, образца 1937 года, с облезшей краской и донельзя истрепанными вьюками. Свинчивают казенник, чистят канал ствола. Эту операцию проводят Григорьич с Токеном. Генка протирает смоченной в масле тряпкой подъемный и поворотный механизмы дуноги-лафета. Пушкин на подхвате: принеси то, подай это.

Как мы сработаемся или — точнее — союемся? Старики не подведут, на них положиться можно. А, скажем, на Генку?

Вчера нам выдали винтовки и по пачке патронов. Выдали без каких-либо предупреждений и инструкций. Генка мигом прицепил к ветке росшей на склоне холма березы консервную банку и ну палить... За ним и другие. В запасном-то всего дважды стреляли. Выстрелы захлопали повсюду. Вместо мишеней в ход пошли даже пилотки.

Генка лупил в молоко. Я смеялся над незадачливым стрелком.

— Смеешься, да? Спорим, не попадешь с первого, — сказал Генка.

Спорить я не стал, а просто лег рядом с Генкой, прицелился...

НАМ БЫЛО СЕМНАДЦАТЬ

— Пр-рекратить стрельбу! Командиры расчетов, ко мне!

Фронтовой наш командир роты был полной противоположностью тому ротному, что остался в запасном полку. Высок, широк, лицо почти квадратное, чкаловский — мы тогда бредили Чкаловым! — подбородок и огромная шевелюра, которую и под каской не спрячешь. Голос грубый, хриплый.

— Сопляки!.. Мальчишки!.. Вы что — с ума посходили? Друг друга перестрелять хотите?

Мы виноваты, конечно. Но когда же, наконец, перестанут звать нас мальчишками и сопляками?

— Зарубите себе на носу: вам дали оружие, чтобы им поражать врага, а не тратить пули на консервные банки, да еще в молоко пускать. Чему вас только учили? Еще раз повторится — наказу. А сейчас... Вычистить оружие, проверить амуницию, пришить-зашить... И чтоб в вещмешках ничего лишнего не было. Вечером выступаем. Все! Разойдитесь!

Как он сказал — выступаем или наступаем? Впрочем, это почти одно и то же. Ладно, ротный, покажем тебе, какие мы мальчишки...

Задумавшись, я не замечаю, как ко мне подходит Григорьич.

— Товарищ младший сержант! — рапортует он, стоя навтыжку. — Ваше задание выполнено — миномет к бою готов. Личное оружие в порядке.

Издевается он, что ли! Или проверку устраивает, характер узнать хочет? Зачем же так, официально? В отцы мне годен и воюет вон уже сколько.

Я чувствую себя очень неловко и говорю совсем не по-военному:

— Хорошо. Спасибо.

Ясно, я и для Григорьича не авторитет, мальчишка безусый, раз только и брился, и то больше так, для солидности, а не потому, что щетина лезла. Плохо, ой как плохо быть безусым мальчишкой! Я невольно трогаю подбородок — хоть бы одна колючая волосинка...

А может, я выдумываю все это? Может, Григорьич, как старый солдат, привык вот так обращаться к старшим по званию в любом случае, независимо от возраста командира? Нет, вряд ли. Да и ухмылочку на его лице я заметил. Э, да что там! Время покажет.

Миномет к бою готов. Григорьич и Токин тоже готовы. Не впервой. А мы — я, Генка, Пушкин? Только бы не подвести, не обмишуриться ненароком. Особенно беспокоит меня Вася, Тас-

кать мины под вражеским огнем не просто. Зароется с перепугу голсовой в землю, а ты хоть камни в ствол загоняй. Да и камней-то здесь нет — сплошной чернозем и суглинок.

После обеда нас, комсомольцев, собирает комсорг роты сержант Ивакин. У него простое-душное лицо деревенского парня, и весь он какой-то свой, располагающий к себе. Комсомольцев в роте много — больше, пожалуй, половины личного состава, но все почти новенькие, необстрелянные. Неужели и комсорг смотрит на нас, как на мальчишек?

— Вот это гвардия! — восклицает Ивакин и на душе сразу становится легче. — Только чур, взносы платить вовремя, предпоследний день каждого месяца. Рядовые — двадцать копеек, младший комсостав — сорок шесть... Та-ак... Организационный вопрос исчерпан. — Улыбка у Ивакина простая, широкая, привлекающая. — А теперь о завтрашнем дне...

Комсорг собирается с мыслями, трет ладонью лоб, щеки.

— Мы на Донецкой земле. Что такое для страны Донбасс — объяснить, думаю, не нужно. Уголь, металл и прочее. В боях на подходах к Донбассу, особенно при прорыве обороны противника на реке Миус, мы потеряли очень много закаленных, отличных бойцов... — Ивакин замолкает, как бы чтя этим молчанием память погибших товарищей. Нам тоже делается как-то не по себе.

— Сейчас, — продолжает Ивакин, — вы станетесь на их место. Завтра многим из вас предстоит идти в бой впервые. Бой будет тяжелым. Фашисты цепляются здесь за каждый клочок земли и тем более не захотят отдать так просто железнодорожную станцию Амвросиевку, имеющую важное стратегическое значение...

— Во чешет! — шепчет мне Генка. — Как написано.

Я будто не слышу, хотя следовало бы дать Лешему по загревку. Обычные и простые слова в этой предбоевой обстановке звучат как-то по-иному, берут за душу. Не знаю, как у кого, а у меня по спине бегают мурашки. Нет, не от боязни, не от страха, наоборот, — от приподнятого настроения, от необоримого желания не ждать завтрашнего дня, а идти в бой сейчас, прямо с этой комсомольской летучки.

— Я надеюсь, что такие орлы, как вы, завтра не подведут. За Родину!

— За Родину! — негромко, как клятву, повторяем мы.

Перед ужином нам впервые выдают по сто граммов фронтовых.

— Вот это да! Вот это житуха! — восторгается Леший. — Закусончик бы еще подходящий... Вася, махнемся?

— На что? — сразу откликается Пушкин.

— На завтрашний борщ.

Пушкин протягивает кружку Генке, но тут же отдергивает руку.

— Не-е, не буду.

— Почему?

— Так.

— Бесповоротнo?

— Ага.

— Ну и черт с тобой. Трави желудок алкоголем. Я же для тебя лучше хотел. Давай выпьем...

Пушкин выпивает и враз хмелеет.

— Меняться захотел! Ха-ха! Нашел дурака! — заплетающимся языком говорит он Генке. — Думаешь, не понимаю, почему ты меняться захотел? Пд-нимаю. Ты меня обдурить решил. Не будет завтра борща. Или тебя не будет. Или меня. Вот.

— Идиот! — резко отвечает ему Генка и, доев кашу, идет спать.

Я тоже ухожу спать в свой окоп. Григорьич с Токеном сидят на поваленном дереве, курят, разговаривают вполголоса. Да, им есть о чем поговорить, что вспомнить. А моя фронтовая биография начнется только завтра, через несколько часов. А может, не успеет начаться, тут же и кончится. Как сказал Вася Пушкин: «Или тебя не будет. Или меня». Правильно обозвал его Генка. Об этом и думать нельзя, не то что говорить. Конечно, все может случиться. Не на учениях в запасном полку. Вон Юрка Кононов и выстрелить по врагу не успел. Интересно, что чувствует человек, когда умирает? Или просто р-раз — и нету. Ничего нет: ни земли, ни неба, ни людей, ни войны... Ни-че-го!..

Крещение

Что же это все-таки было?

Бой?.. Ад?.. Конец света?..

Никаких мыслей, никаких дум. Ни о жизни, ни о смерти. Тело — один до предела напряженный нерв.

— Огонь!.. Огонь!..

— Одной миной!.. Тремя минами!..

— Беглым!

— Отбой! Миномет на вьюки!

Меняем позицию, потому что немцы нас засекли и вокруг начинает дыбиться от мин и снарядов земля. Жарко. Просто жарко — от солнца, палящего сквозь дымовую завесу и облака пыли.

— К бою!

Успеваем сделать выстрелов двадцать, и снова надо искать не враз достигаемое для немцев местечко. И впереди, к ним поближе.

Хочется пить. А фляжка уже пуста. Дурак думать надо — тут водой не разживешься. По глоточку, лишь бы пересохший рот сполоснуть, а ты присосался, будто фляжка бездонная. Теперь терпи. До конца.

— Ур-ра!..

Это поднялась пехота. Давай, братцы, мы поддержим!

— Огонь!.. Огонь!..

— Морозов! Оглох? — подползает командир взвода.

Оглох? Возможно. Оглохнешь тут...

— Овражек вон видишь? Давай туда. И бы-стро, одной перебежкой. Вперед!

Даю команду расчёту. А ребята молодцы. Про Григорьича и Токена говорить нечего, с одного слова все понимают. И Пушкин словно ожил, таскает ящики с минами, хоть бы хны. И не очень-то пулям и осколкам кланяется. Генка тоже делает все как надо. Впервые такую серьёзную и озабоченную рожу у него вижу.

Ага! Прижали гадов! Бегут... А ну-ка вдогонку...

— По пехоте... Осколочной... Заряд второй.

Только бы по своим не ударить — жмут фрицам на пятки. Нас немцы перестали беспокоить — некогда.

— Ну-ка, еще огоньку!

— Все! Нету больше! — кричит Пушкин. — Мин нету!

Как нет? Неужели успели все расстрелять? Ведь столько ящиков было...

Григорьич с Токеном, довольные пере-дышкой, спокойнехонько садятся друг против друга на корточки, начинают скручивать сигарки из одного кисета. Генка утирает лицо платочком. Пушкин смотрит на меня растерянно, словно он виноват в том, что кончились мины.

Я не знаю, что делать. Бежать к старшине, докладывать взводному? Пока раздумываю — взводный сам тут как тут. «В чем дело?» Показываю на пустые ящики. Взводный сплевывает, гнет трехэтажным в чей-то адрес. Видно, и в других расчётах с боеприпасами не лучше.

— Кури, командир, — говорит Токен, когда взводный уходит.

Мне не хочется курить. Хочется пить, но просить воду у товарищей стесняюсь, а чтоб не подумали чего, беру из рук Токена кисет и свертываю сигарку. Горький махорочный дым еще больше сушит рот. Ничего, казак, терпи... Терплю. А куда денешься!..

Сколько же времени прошло с того момента, когда мы вышли на первую огневую позицию? По солнцу — часов пять-шесть, торчит прямо над головой, жарит что есть мочи. А спроси кто меня — сказал бы: вечность.

— Эй, уснули? К ротному НП мины привезли.

Удаётся вырвать всего три ящика, тридцать штук мин. Не прозевай, взяли бы больше. На ящиках — номера, цифры. Какая-то из них обозначает завод, где сделали эти мины. Может, они с Валиного завода? И это ее руками обточены грушевидные корпуса. Странно, я только сейчас подумал об этом. А ведь с рассвета расстреляли десять ящиков. Вчера написал ей второе письмо. И родителям тоже. Перед боем все пишут письма. Это отвлекает от тревожных дум.

— Немцы оставили первую линию обороны и

закрепились на высотке с разрушенным, очень удобным для наводки строением, поливают огнем нашу залегшую пехоту. Связной командира роты передает приказ: добраться до лесочка, который почти у ее подножья, и оттуда открыть огонь.

До лесочка метров триста. По оврагу можно пройти от силы сто. Остальные — голым полем. Ползем, скребем носом землю, отдыхаем в снаряжных воронках, неглубоких и горячих.

Тьють... Тьють...

Заметили или так, случайные пули?

Неподалеку рвется мина. Другая... Заметили, сволочи. Переждать? Накроют. Обязательно накроют. Только вперед. Хоть ползком, хоть перебежками...

Но вот снова поднимается в атаку наша пехота, немцы переносят огонь на нее.

Край леска совсем рядом. Еще метров двадцать — и нас укроют деревья. Но тут немцы начинают контратаку. С устрашающим воем ползуют небо «мессера», строчат из пулеметов длинными очередями.

А мы лежим. Двадцать метров кажутся теперь неодолимым препятствием. Гудит все — земля, воздух, лес. Но ведь нашей поддержки ждут пехотинцы.

К черту! Вперед! По-пластунски...

Пронесло. Последним вползает в лес Пушкин, влоча за собой ящик с минами.

Быстренько ориентируюсь, выбирая огневую позицию. За невысоким, у самого края леса, густым кустарником...

Выдержат наши или нет? К сердцу подкатывается незнакомый холодок. Мы первыми из роты воцели в лес. Ни взводного, ни связного. Если фрицы прорвутся, мы окажемся в кольце. Может, сморгает пока не поздно? Тьфу, как только такое в голову пришло! Бросаю взгляд на расчет: не догадался ли, о чем подумал командир?

Огневую позицию я, кажется, выбрал удачно. За невысоким, у самого края леса, густым кустарником с какими-то черными ягодами — старая, поросшая травой воронка от бомбы. В этой воронке и устанавливаем миномет. Даю команду «К бою!» Пересохшее от жажды горло издает какой-то хрип. Григорьич тянет фляжку: «На, промочи». Фляжка у него почти полная. Железный он, что ли? Так бы и осушил до дна. Но я вливаю в рот только большой глоток. Вода теплая и отдает почему-то ржой. Нам говорили: когда мучает жажда, лучше всего прополоскать рот, а воду выплюнуть. Как бы не так! Глоаю. Хорошо! Ну, теперь держись фрицы!

И снова — никаких дум, никаких мыслей. Весь где-то там, как бы в потустороннем мире.

В небе уже наши истребители и штурмовики. На высоту летят бомбы. Прямой наводкой бьют по немцам артиллеристы. Откуда-то слева выныривают несколько «тридцатьчетверок». Теперь дело за пехотой...

Контратака немцев захлебнулась. Склон вспаханного взрывами холма усеян фашистскими трупами. К вечеру высота была в наших руках.

Григорьич за ужином поднимает кружку:

— За ваше боевое крещение, ребята!

Казалось бы, вот когда порадоваться по-настоящему. Ведь сколько ждали этого дня. И все живы. Но мы даже улыбаемся с трудом. Спать. Доесть поскорее «шрапнель» и — спать, спать, спать...

Эх, окопы!

Нас могут поднять в любое время дня и ночи и перебросить на тот или иной участок фронта. Мы — кочевники. Мы воюем в составе отдельной минометной роты, и потому нас может выключить у комбрига любой пехотный комбат, которому нужна поддержка.

Машины у нас нет. Мы топаем по оврагам, полям, редко — по дорогам. Ночью ничего, про-

хладно и относительно безопасно. Днем хуже: пот заливает глаза, солью выступает на гимнастерке, а при появлении «рамы» — немецкого самолета-разведчика — или «мессеров» то и дело приходится нырять в кювет или тыкаться носом в землю. Но мы идем и поддерживаем пехотинцев своим огнем, и снова нас кто-то выпрашивает, и мы снова взваливаем на плечи нелегкое наше снаряжение, и снова идем кого-то поддерживать, не зная ни части, ни фамилии пехотного командира: Комроты, конечно, знает, а нам, собственно, это и ни к чему. Наше дело — не давать врагу покоя то с одной позиции, то с другой, выявляя огневые точки и создавая видимость многочисленности. Это в дни общего затишья. Ну, а если бой или разведка боем — тут только успевай поворачиваться.

Но нас выматывают не бои и даже не изнурительные переходы. Нас выматывают окопы. Их приходится копать почти каждый день, точнее — каждую ночь, когда слипаются от постоянного недосыпания глаза, когда подкашиваются ноги и напряженные во время перехода мускулы настоятельно требуют отдыха. И добро бы только индивидуальный окоп. А бывает, когда нет удобных естественных укрытий, приходится еще рыть один-два окопа для миномета.

Саперные лопаты красивы, легки, но что ими накопаешь! Пришлось стянуть у обозников две штыковых и одну подборную лопату. И все равно тяжело. Дождей давно не было, земля, как камень, не угрызешь. А мы долбим ее, долбим, и кажется, что не будет этому конца.

Иногда нам везло: на новых участках попадались обжитые немецкие окопы. Генка Леший, не думая о том, что бруствер надо перелопатить в противоположную сторону, тут же нырнул в первый попавшийся окоп и вытянул его оттуда можно было разве командой «К бою!» Однажды он нырнул так вот и тут же выскочил, будто ошпаренный. От него несло, как от бочки ассенизатора. Окоп оказался... немецким туалетом. После этого Генка стал осматривательнее.

Копает каждый по-разному. Григорьич спокойнее, деловито, не торопясь. Так и подмывает подстегнуть: «Да поживее, старый, не управишься до рассвета». Но не успеешь оглянуться — Григорьич уже похрапывает. Подойдешь, глянешь — не придерешься. Все честь по чести: и ширина, и глубина, и ноги не согнуты, и даже соломой откуда-то успел притащить под голову.

Токен вгрызается в землю с каким-то приглушенным шипением и присвистом, будто и не прошагал только что двадцать километров с полуторпудовой плитой за плечами. Привык, видно, за два года войны. Однако и он не поспевает за Григорьичем, чуть-чуть, на каких-нибудь пятьдесят минут, но не поспевает. И потому, завидев, что Григорьич уже приглаживает лопатой бруствер и подчищает края окопа, чтоб не сыпалась земля, Токен начинает копать еще яростнее, посверкивая крупными зубами и белками глаз.

Генка Леший старается выгадать на кубатуре. У него получается не окоп, а узкая и короткая щель, в которую он втискивается боком, и так, на одном боку, и спит. Повернуться в этой щели невозможно. Сколько раз я пытался втолковать ему, что и копать-то такую щель труднее, лучше лишнюю лопату земли выкинуть, чем так вот спать, согнувшись в три погибели. Генка кивал, вроде бы соглашаясь, но делал по-своему.

Пушкин начинает так же, как и Григорьич: степенно, размашисто, предварительно очертив лопатой контур будущего окопа, широкого и просторного. Ему труднее — он длиннее всех почти на голову, и окоп ему приходится копать тоже длинный, как кишка, потому что Пушкин не может спать с согнутыми коленями. Но первоначального заряда Пушкину хватает не надолго. Вскоре он, как и Генка, начинает хитрить, сводить стенки на конус, и в конце концов у него получается не окоп, а несурзано вытянутая воронка.

Как-то, не докопав, Пушкин бросил лопату, сел на землю и зашмыгал носом.

— А ну, бери лопату, нечего сопли распускать!

Пушкин молчит. В темноте не видно его лица. Может, он обессилел — и слезы из глаз. Но в таких случаях, я уже знал, выражать соболезнование нельзя, и потому говорю грубо:

— Вставай, дурило! Так перед фрицами и будешь сидеть раскорякой? Да первый же осколок или пуля шальная — в тебя.

— Ну и пусть.

— Убьют же.

— Пусть убивают. Лучше, чем так себя мочалить.

— А матери твоей каково будет?

— У нее еще четверо.

— Ну, не убьют, ранят, а потом ногу или руку отрежут, инвалидом на шею матери сядешь.

— Не сяду. Учетчиком буду в колхозе.

Чем же его прятать? Сажусь рядом, кладу на плечо ему руку.

— Тебя убьют или ранят по твоей же дурасти — сам потом жалеешь себя, я тебя жалеть не буду, и Леший не будет, и Григорьич тоже. А вот то, что мы в тебе хорошего бойца потеряем — это уж для всех нас худо. Ты ведь знаешь, — в глаза нас хвалить не очень-то принято, ругать — дело другое, — а я по секрету скажу, что ротный давно на тебя обратил внимание. Такого подносчика, говорил, за всю войну не видел. Здорово он мины таскает, аж расцеловать парня хочется.

— Не ври.

— Ну, ты! — беру я командирский тон. — Очень нужно мне тебе врать. Цаца выискалась. Я тебе все сказал и балабонить с тобой больше некогда, самому еще вон сколько копать.

Я поднимаюсь и иду к своему окопу. Пушкин сидит еще с минуту, потом встает, берет лопату, начинает выбрасывать землю с какой-то злостью, сердито сопя и отплеиваясь от попадающей в рот пыли.

Мне легче. Во-первых, по положению, во время перехода я ничего, кроме вещмешка и винтовки, не несу, а, во-вторых, меня никто не проверяет, и до поры до времени я копал не на положенную глубину, а на штык-полтора мельче. А вот после Волновахи...

Бои за эту железнодорожную станцию шли упорные. Нас бросали с участка на участок. Я здорово измотался и очередной окоп вырыл еще мельче обычного. Лег, стал засыпать, но будто все время кто-то будил меня и нашептывал: «Встань, дурак, подкопай. Завтра-послезавтра на отдых, в третий эшелон, а ты из-за лени жизнь свою угробишь. Кому это нужно? Вставай же, пуля только труса да лентяя ищет».

Встал, углубил на штык. Подумал — и еще на полштыка взял. Заснул со спокойной совестью. А днем, как шмели, налетели «мессершмитты». Кружа на бреющем полете, поливали землю

свинцом. Сколько их было, не знаю. Может, двадцать, может, и вся сотня. От их воя туго звенело в ушах. Земля, казалось, вибрировала. А когда они улетели, наступила такая тишина, что невольно подумалось: неужели один только я остался в живых? Но, по-моему, никого, по крайней мере из нашего взвода, даже не ранило. А могло бы. И не только ранило. В стенке окопа над моей головой зияли четыре, толщиной с карандаш, отверстия. Стоило полениться и не взять еще на полштыка...

Я никому не сказал об этом, но с того дня, как бы ни устал, копаю окоп на положенную глубину.

«Тарантул»

Все нам здесь непривычно, даже ночи. Густые, непроглядные, они сваливаются неожиданно, без заметного перехода от сумерек, словно внезапно накидывают на тебя плотный мешок. И видишь сквозь него одни лишь звезды, тоже непривычно яркие и холодные до дрожи.

Я лежу в окопе, смотрю на звезды и думаю о необычайном разнообразии мира и красок. Небо изредка просверливают очереди трассирующих пуль, разрезают лучи прожекторов, вспыхивают шаровыми молниями и гаснут, не долетев до земли, ракеты. И это красиво. Везде и во всем есть своя прелесть. Даже в смерти. Умереть ведь тоже можно красиво, приняв смерть без страха, молча, как должное. Правда, умирать мне не хочется.

Позавчера я получил сразу два письма: от родителей и от Вали. Ну, папа и мама — понятно: будь осторожнее, береги себя и все в таком духе. И как бы между прочим: «Приходила к нам Вера Николаевна, плачет — от Павлика уже второй месяц нет весточки. Мы успокоили ее, как могли» Что это, тонкий намек? Не заставляй, дескать, и нас переживать, пиши почаще, или... Павлик — аккуратист, он на год раньше меня ушел в армию и писал часто, даже мне в запасной полк одно письмо написал, правда, почему-то без обратного адреса. Я так на него и не ответил. Неужели Павлика убили и родители исподволь подготавливают меня к горестному известию? Мы с ним были неплохими товарищами. Когда радио принесло страшную весть о войне, он был как раз у меня — мы мастерили подвесную дорогу из моего окна к нему в комнату. Павлик жил в соседнем доме, и окна наши были напротив. Сколько друзей и товарищей мы не досчитаем после войны?!

От Вали письмо повеселее. Ей присвоили разряд, и она наверху блаженства. Расписывает свою работу, словно не за станком по десять часов стоит, а на сцене выступает. Поправилась, пишет, поздоровела. Ага, так я и поверил! А вообще-то все может быть. Когда работаешь с удовольствием — работа только на пользу здоровью идет.

Затемнение еще не сняли, но в городе уже налаживается мирная жизнь. Дежурства по гражданской обороне сократили, восстанавливают разрушенные бомбежкой дома. И с питанием стало лучше — по продовольственным карточкам даже сливочное масло дают, иногда и мясо. И очереди в магазинах стали меньше. И вот еще, самая главная новость — Гриша Терешин добился-таки своего, чуть ли не до командующего округом дошел. Он же маленький, — иронизирует Валя, — ему

любая щель нипочем, пролезет». Кажется, в школу разведчиков определили. Взял у Вали номер моей полевой почты, обещал написать. Ну, молодец Гришка! Значит, только Журавлев из мальчишек нашего класса остался в тылу... Да, Журавчик, не повезло тебе с глазами — тут уж вить некого.

В конце Валя все-таки не удержалась, приписала, как и родители: «Береги себя, Леша!» Будто это от меня зависит! Или они хотят, чтобы я головы не высовывал из окопа? Не знают, что труса пуля в первую очередь разыщет, где бы он ни спрятался. И еще Валя пишет, что будет ждать. Очень будет ждать.

Хорошо, когда тебя ждут. Как это у Симона: «Жди меня; и я вернусь...»

Где-то на левом фланге через определенные промежутки времени стрекочет пулемет. Наш или немецкий, что-то не разберу. Скорее всего немецкий. Фрицы очень боятся темных ночей.

Неподалеку от меня похрапывает в своей «кишке» Пушкин. Его храп легко отличить. Сначала Пушкин с тонким присвистом втягивает в себя воздух, замирает на долю секунды, а затем издает резкое и хриплое карканье, будто ворон с простуженным горлом. Как он сам в это время не просыпается, уму непостижимо.

Мне спать не хочется, уж очень хороша и в общем-то покойна эта ночь, с Валей бы сидеть на берегу тихой речушки под серебрищейся ивой. Но спать все же надо. Я натягиваю шинель, повертываюсь на бок. В нос ударяет запах сухой глины.

И только начал смаривать сон, как на меня прыгнуло что-то легкое, едва ощутимое сквозь толстое сукно шинели.

«Тарантул!» — проносится в голове.

Я никогда не видел тарантулов, знаю только, что похожи они на больших пауков, умеют прыгать, живут на юге и укусы тарантула смертельны. Об этом нам рассказывал, кажется, учитель зоологии. А может, я вычитал где-то или не учитель, а кто-то другой о тарантулах рассказывал. Во всяком случае память долбит одно: «Смертелен... Смертелен... Смертелен...»

Липкий, вяжущий страх ошанавливает сердце, перехватывает дыхание.

Несколько ночей назад меня разбудил резавший по глазам ослепительный свет. Прямо над моим окопом висела, медленно и зловеще опускаясь, осветительная бомба. Где-то в черноте неба кружил самолет. И тут же я услышал резко нарастающий свист фугасной бомбы. «Вот и все, отвоевался», — сказал я себе и закрыл глаза. Страха не было. Было какое-то странное, совершенно невразумительное чувство отрешенности от всего окружающего мира. Пустое и звенящее, как бочка из-под керосина. Бомба глухо шмякнулась в землю. Со стенок окопа посыпалась земля.

Сейчас ахнет... Сейчас... Или я оглох? Или меня уже нет?.. Ну же, ну... Какого черта!

Бомба не взорвалась. Кто-то из нашего расчета родился в рубашке. Возможно, и я.

Нервы расслабились. Я мгновенно заснул. Все это длилось не больше минуты и было как сон. Наутро саперы откопали брешь — она зарылась метрах в пятнадцати от моего окопа, — отвезли подальше и подорвали. Я слышал этот взрыв. Ничего, солидная была штучка.

Погибнуть на войне от разрыва бомбы, снаряда или пули — явление закономерное. Но от укуса какого-то паука... Бр-р...

Так и подмывает выпрыгнуть из окопа и бежать, бежать без оглядки. Ведь это не простой паук, это — тарантул. Стоит только пошевелиться, обнажить тело — и он вопьется в тебя ядовитым своим жалом. А может, не жалом — зубами? Есть у тарантула зубы или нет?

Прыг!..

Невесомая тяжесть перемещается ближе к плечу. Еще прыжок — и он вопьется в шею, в лицо... Лихорадочно, как в бою, работает мозг. Мокнут ладони, холодный пот проступает на лбу. Может, резко повернуться и прищелкнуть тарантула? А если промахнешься? Черт бы побрал эти южные края! Решаю натянуть шинель так, чтобы не то что тарантул — блоха не проскочила.

Дышать под шинелью нечем. Поднятая моей возней глинистая пыль забивает нос. Проковыривая около рта малюсенькую дырочку. В нее начинает сочиться прохладный воздух. Пью его экономно, расчетливыми глотками.

Прыг!

Он сидит на спине. Нет уж, дудочки! Через толстое сукно шинели ни жало твое, ни зубки меня не достанут. Кажется, я спасен. Только бы не заборошиться, не раскрываться во сне...

В ту ночь мне привиделась Валя. Мы шли с ней по набережной Северной Двины. У причалов и на рейде стояли пароходы под иностранными флагами. На них грузили лес. В городском саду играл духовой оркестр. Валя говорила, что пароходы уйдут и начнется война. Я разубеждал ее: никакой войны не будет, мы же грузим лес, а не пушки. И лес этот нужен, чтобы строить дома. Дома нужны всем людям, где бы они ни жили. А война не нужна никому. «Она будет, — стояла на своем Валя, — и ты уйдешь на фронт». — «Мы уйдем вместе». — «Нет, я останусь. Я буду тебя ждать... Слышишь, буду ждать...» Я не заметил, как она оказалась на другом конце набережной. Ветер пропитан смолой, гладит ее распущенные волосы. И она ушла с ветром. Она растворилась в нем, оставив мне лишь слова: «Я буду тебя ждать... Очень буду ждать...»

Просыпаюсь в радостном возбуждении. Валя голос все еще слышится мне отчетливо и ясно.

Рассветает. Лесопосадка, в которой расположилась рота, ожила. Оживает с рассветом и передовая. То тут, то там плюхаются снаряды, пущенные немцами без прицела, для страха. Наши помалкивают пока, выжидают, засекают немецкие огневые точки. Приказ о наступлении ожидается назавтра.

Я вылезаю из окопа. Земля покрыта крупной росой. Из низины плывет рыхлый туман. В нем мельтешат фигурки солдат-пехотинцев. Идут на передовую. Только почему не ночью? Может, на разведку боем? Немногие тогда вернутся обратно. А нашей роте пока везет. За три недели только одного заряжающего из третьего расчета ранило. И то не в бою, а по собственной, так сказать, инициативе: бросился курицу ловить, что шмыгала меж окопов. Облезлая такая курица. Как она попала сюда, один бог знает. И села-то вроде поблизости не было. Разве что перешла ночью линию фронта, не выдержав больше оккупации. Решила: пусть лучше свои съедят, чем фрицы. Ну, солдатская душа и не выдержала. А где-то, видимо, немецкий снайпер таился — в бедро попал заряжающему. А мог и убить.

Постой, но меня вот тоже сегодняшней ночью кто-то хотел убить. Ни за что, ни про что,

Или мне снилось? Нет, снилась мне Валя. Что же тогда было?

Тарантул!

Я вздрагиваю, скидываю с плеча шинель — никого. Заглядываю осторожно в карманы, отгибаю воротник — мог ведь убийца и туда спрятаться до поры. Карманы пусты, ни за воротником, ни за хлястиком тарантула нет. Склоняюсь над окопом. В углу, там, где лежала моя голова, что-то ворошится. Вглядываюсь. Ах ты, сукин сын! Лягушонок!

И смех разбирает и стыдно за себя донельзя. Недаром говорится, что у страха глаза велики. Почему мне не пришло в голову, что на юге могут водиться не только тарантулы, которые, кстати, как я потом узнал в общем-то довольно безобидные существа, но и лягушки?..

Костер

Осень. Когда-то она приносила на наш стол пахнущий ржаным полем свежеспеченный хлеб, полосатые арбузы, капустные кочерыжки, которые мы предпочитали в детстве любым фруктам, бруснику, грибы, и, конечно же, пироги со всевозможной «осенней» начинкой.

Осень сорок третьего года ничего не родила на испохабленной оккупантами земле. Она только щедро полила ее кровью. Вражеской и нашей. Больше — вражеской. Фашисты не успевают уже утаскивать и хоронить трупы своих солдат. Трупы гниют в перелесках, траншеях, воронках, пока наши похоронные команды не присыпят их землей.

На медных бляхах немецких ремней выдавлено: «С нами бог!»

Наткнувшись на труп немца, к которому уже нет ненависти, Григорьич вздыхает и произносит: — И черт теперь не возьмет, и богу не надобен.

Фронт готовится к прорыву очередной линии немецкой обороны. Нашу роту отвели на отдых в третий эшелон, и мы блаженствуем в широкой лесопосадке. Листья на деревьях уже взялись желтизной. Скоро начнут опадать. Тогда труднее будет укрываться от немцев.

Генка Леший раздобыл где-то с полведра некрупной картошки, и мы решаем испечь ее на костре. А костров даже днем разводить не разрешают: ничто не выдает так расположение части, как дым. Пушкин предлагает развести костер на дне окопа, только из очень сухого хвороста, чтобы сразу взялся огнем, без дыма.

— Смотри-ка, соображает! — Леший надвигает на глаза довольному похвалой Пушкину пилотку. — Пошли сучья ломать.

Минут через пятнадцать на дне Генкиного окопа весело затрещал совсем почти бездымный костерок. На этот раз Генка выкопал окоп по всем правилам и вроде бы отмечает новоселье. Когда угольев и золы накапливается достаточно, мы засыпаем ими картошку и рассыживаемся по краям окопа, нежа ноги в сухом, идущем от угольев тепле. Дни становятся все холодней и пасмурней.

Неожиданно из разорвавшегося в облаках просвета выныривает стая «юнкерсов» и идет на рощу, километрах в двух от нас, куда вчера на рассвете спрятался по меньшей мере танковый полк.

Ляются зенитки. Вокруг «юнкерсов» вспыхи-

вают темные точки. А бомбы сыплются и сыплются на рощу как горох. У меня сжимается сердце. «Юнкерсы» делают заход за заходом. А Токен приплясывает и хохочет:

— Давай еще давай! — кричит он, скаля зубы. — Сыпай, сыпай!.. Еще сыпай!..

— Ты что? — набрасываюсь я на Токена. — С ума сошел? Чему радуешься? Там же наши танки.

— Нет танков, нет. Ничего нет. Одни деревья. Ты спал, я не спал. Танки ночью ушли. Все ушли. Туда... — и показал в сторону передовой.

И верно. Как я сразу не сообразил! Ведь если бы танки стояли в роще, оттуда валил бы густой черный дым от взорванных бензобаков. А так только дымится и оседает смешанная с ветвями и сучьями земля.

Два «юнкерса» вспыхивают почти одновременно. Молодцы, зенитчики!.. Но тут остальные «юнкерсы», развернувшись, идут на нас. Мы не успеваем и охнуть, как сверху начинают сыпаться бомбы. Бежать к своему окопу поздно. Чтобы как-то укрыться от неминуемого сейчас взрыва двухсоткилограммовой фугаски, валюсь в первый попавшийся окоп. Там уже кто-то есть, но это ничего, потом разберемся. На меня тут же наваливается бормочащий проклятия Токен. И тотчас раздается взрыв, другой, третий... В ушах гудящий звон, словно сунул голову в колокол, по которому бьют железом. И сквозь этот звон — глухой, идущий откуда-то снизу, будто из-под земли, неистовый мат.

Какая-то секунда затишья — и снова взрывы. На голову сыплется земля. Токен скрипит зубами и становится почему-то тяжелее. Мат снизу переходит в визгливый крик:

— Слезайте... Ой, слезайте...

«Юнкерсы», отбомбившись, уходят. Почему-то пахнет жженой тряпкой.

— Вставай, Токен, — говорю я.

— Нельзя вставать. Совсем нельзя.

А снизу:

— Да слезайте же, растуды вашу...

— Ты ранен, Токен?

— Ранен. Очень ранен. Плакать хочется.

Подходит Григорьич, — он вовремя нырнул в свой окоп, — помогает Токену встать, вернее, сползти с меня. Токену вырвало осколком кусок ягодицы. Подо мной, оказывается, лежал Генка, а под ним — Пушкин.

Вася выскакивает из окопа, бросается на траву и начинает кататься, проклиная все, в том числе печеную картошку. Лежал-то он на не потухшем еще костре. Горячие угли выжгли ему низ гимнастерки, всю переднюю часть брюк и подштанников, подпалив кожу. Еще немного, и пришлось бы Пушкину совсем плохо.

Генка лопается от смеха:

— Вкрутую, Вася, или всмятку? — ржет он.

Я отправляю Генку за санинструктором и носилками.

Лесопосадка будто поредела. Пооблетали листья, потемнели ветви. Траву усыпали комья земли. Стало еще пасмурней и неуютнее.

Раненых, кроме Токена, кажется, нет.

Токена жалко. В какие только переплеты не попадал — сходило. А тут на тебе! На прошлой неделе загорелась ротная полторка. В кузове две бочки с бензином. Водитель в сторону отбежал, мы тоже — кто куда, а Токен кинулся в охваченный пламенем кузов, скатил бочки, кричит,

чтоб воду несли. Ну, тут вроде бы все храбрыми стали, начали тушить. И вдруг чей-то до смерти перепуганный голос: «Вещмешок там в кузове с двумя гранатами, противотанковыми». Мы опять кто куда, а Токен снова в кузов, нашел-таки в дыму вещмешок, прыгнул с ним, сам весь дымит. Окатила себя водой и вместе со всеми опять кинулся тушить полторку. Спасли машину. А не Токен — остались бы от нее рожки да ножки.

Девушка-санструктор выливает на рану бутылочку йода. Токен с трудом удерживает готовый сорваться крик. Мы помогаем сделать перевязку, кладем Токена на носилки, несем в медсанбат. Пушкин, прикрывая обожженное место руками, понуро идет следом.

Токена кладут на операционный стол — осколок, кажется, застрял в кости. Васю смазывают какой-то мазью и говорят, что до свадьбы заживет. Генка интересуется: можно ли будет Пушкину после этого жениться? Врач дает Генке самого настоящего подзатыльника, как мальчишке, сующемуся не в свои дела.

Мы прощаемся в Токеном. В глазах у Токена слезы. Мы ничем не можем ему помочь и только говорим, что будем ждать, пусть по выписке из госпиталя ни в какую другую часть ехать не соглашается.

Генка не отстает от разыскивающего старшину Пушкина и донимает его, призвав на помощь все свое остроумие. Пушкин только сопит, изредка огрызаясь. Природа обошла его даром находчивого ответа.

Старшина тоже не отказывает себе в удовольствии поизмызаться над бедным Васей, заставляет его рассказывать все в подробностях, спрашивает и переспрашивает, но, наконец, сжавшись, выдает новое обмундирование.

А потом мы едим картошку с крупной солью. Картошка хорошо испеклась и еще теплая. Пушкин сначала отказался разделить трапезу, слишком свежо было впечатление от горячих угольков, но, поглотив слюны в сторонке, присоединяется к компании, которой здорово недогадывает Токена.

«Клад»

Нас в этот бой почему-то не ввели. По моим личным соображениям, потому, что прорыв вражеской обороны на нашем участке фронта готовился с применением авиации, «катюш», «иванов», которые «ящиками стреляют», мощной артиллерии и танковых соединений, и наши «пукалки» были просто ни к чему: еще и по своим незначай угодишь.

Всю ночь к передовой подтягивали технику и боеприпасы. А с рассветом на немцев обрушился такой шквал огня, что и мы, кое-что уже поподавшие, диву дались.

К полудню фронт прорвали без нашего участия, и теперь мы топаем по свободной, никем не обстреливаемой дороге, следом за наступающими частями. В наполовину разбитом и сожженном селе объявляется привал. Генка Леший, сбросив с плеч опорную плиту (он теперь замечает Токена), вызывает сходить в «разведку»: мало ли что можно найти в недавно оставленном гитлеровцами селе. Повар только начинает

заправлять походную кухню, времени достаточно, и я отпускаю Лешего.

Возвращается Генка минут через десять.

— Ящик гранат немецких нашел, — шепчет он мне на ухо. — Вон там, под бугром, в траншее. Нозенькие, в солидоле, бумажкой обернутые, как конфеты. Штук сто, а может и больше.

Мы до того нередко находили ящики с немецкими минами и при возможности отправляли их хозяевам обратно. Немецкие мины на миллиметр меньше в диаметре, попадание не очень точное, но чужого добра не жалко. Винтовок и автоматов немецких тоже хватало, а вот гранат ихних мне видеть не приходилось — обычно гитлеровцы прихватывали их с собой.

Я иду за Генкой. Не сбрыхнул Леший — в траншее, проходящей по окраине села, лежит ящик с гранатами. Неподалеку такой же ящик, но пустой. Успели опорожнить, гады. Гранаты смешные, непривычные для нас: с длинными деревянными ручками и белыми шнурками сквозь них. Прежде чем бросить, надо дернуть за шнурок.

— Метнем? — предлагает Генка.

Соблазн слишком велик. Я выпрыгиваю из траншеи, оглядываюсь — никого.

— Валий! Только подальше.

Взрыв негромкий, чмокающий.

— Эх, фрицев бы сейчас сюда с роту, мы бы им показали, где раки зимуют, — вздыхает Генка.

Дальше того, что видят глаза, Генку воображение не уносит. А я будто и в самом деле вижу гитлеровцев. Вот они поднимаются в рост, идут на меня. Так-так, давай поближе... А теперь получайте вашу же закусочку... Ага, залегли? Ну, что же, подождем, выдержки хватит. Граната, вот она, в кулаке зажата, только шнурок дернуть. Ну, поднимайтесь же, чего испугались? Ведь нас только двое. Но мы на своей земле, а вы на чужой. И сгниете вы здесь, и никто добрым словом вас не помянет. Ползете? Хотите окружить? Не пройдет номер... Вот вам... Еще... Еще...

— Сматывайся! Старшина!

По улице, пригнувшись и сторожась, бежит к траншее с автоматом в руке наш старшина. За ним трое солдат с винтовками наперевес. Наверняка подумали, что какой-нибудь заплутавший отрядишко немцев пробивается к фронтовой полосе.

— Давай за мной! — Генка прихватывает с собой, как обережок дров, десяток полтора гранат и бежит по траншее. Я за ним.

Когда он успел разнюхать все ходы и выходы, или просто чутые у него собачье, но только мы, по-пластунски преодолев заросший высоченной лебедой огород и минозав какое-то подворье, оказываемся в расположении роты.

Пушкин, подложив под голову вещмешок, видит уже, наверное, второй сон. Выражение лица его сумрачное, тревожное. Думаю, снится ему швабра и старшина запасного полка. Григорьич сидит по-стариковски на завалинке, дымит сигаркой, покашливает и думает о чем-то своем, далеком, домашнем.

Генка прячет где-то гранаты и, как ни в чем ни бывало, подсаживается к Григорьичу, просит закурить.

— Что это там за взрывы были? — спрашивает Генка Григорьича, свертывая сигарку.

— Сопляки какие-нибудь гранаты немецкие

нашли и баловались. Мало им, видишь ли, настоящей войны. Вот взорвется в руках — поминай как звали.

— А может, отряд какой прорвался?

Григорьич только рукой махнул: откуда, дескать, ему тут взяться. Потом говорит:

— Если б так, не стали бы одними гранатами швыряться. Мальчишки это. Сопляки.

— А может, то вовсе и не немецкие гранаты? — не сдается Генка.

— Так по звуку ж слышно. Шлепают, как мальчика по заднице. У наших звук при взрыве другой, покрепче, пужливее.

Генке крыть нечем. А тут старшина проходит. Солдаты тащат за ним ящик с гранатами. Генка срывается, бежит к ним, говорит о чем-то со старшиной, возвращается.

— Правильно, Григорьич. Мальчишки баловались. Сам старшина сказал. И еще сказал, что каша сегодня без масла будет — обоз, что ли, застрял.

— Это плохо. Без масла у каши скус не тот и без пользы — съесть да до ветру сбежать, — вздыхает Григорьич.

Генка, довольный, что хоть таким образом отомстил Григорьичу за «сопляков», затаптывает окурки и... исчезает. Ведь только вот у меня перед глазами сидел — и будто сквозь землю провалился.

В село возвращаются жители. До этого они прятались в оврагах, в землянках заброшенных, до войны еще вырытых силосных ямах. В основном это пожилые женщины и старухи. Молодежь, говорят, угнали в Германию. С темными, исхудалыми лицами, не совсем еще, видимо, веря в свое освобождение, чутко прислушиваясь к доносящимся издали взрывам, они в то же время деловито, без ахов и вздохов начинают приводить в порядок полуразрушенное свое хозяйство, варить нивесть из чего похлебку, стараясь не глядеть в сторону походной кухни, от которой идет запах уваристой каши.

Генка выныривает откуда-то с двумя здоровенными солеными огурцами в руке. Они по-домашнему пахнут чесноком и укропом. Один огурец Генка сует Григорьичу: «Пушкину оставь», другой разламывает, протягивает половину мне.

— Во засольчик!

— Выменял?

— Клад нашел. Бочка огурцов, две бочки пшена, куль муки, зерна, наверное, с тонну и, покопаться если, может, что повкуснее найдется. Идем, поглядишь.

Ну и Леший! Хрустя огурцами, мы проходим метров сто по главной улице, сворачиваем в переулок, еще сворачиваем и оказываемся перед сожженным, тлеющим домом.

— Сюда, — говорит Генка.

Ручаюсь — сотня, тысяча человек прошли бы здесь и не обратили внимания на заваленный землей, жженым кирпичом обвалившейся печной трубы и листьями скрюченного обгоревшего железа едва приметный вход в подвал. Да, поистине у Генки какой-то собачий нюх.

Подвал добротный, каменный, крепкому, видно, хозяину принадлежал. Слабый пучок света выплывал в темноте силуэты бочек, кулей, ящиков. Целый продовольственный склад. В такое-то время!

— Слушай, — мелькает у меня догадка, — а вдруг это партизанский склад?

— Ха, партизанский! — смеется Генка. — Я уже

выспросил. Здесь полицай жил. Самолично дом поджег и удрал с фашистами. Ну, а про подвал некогда вспомнить было. Сейчас, наверное, если очухался, затылок чешет.

— Полицай, говоришь. Это точно?

— Чтоб мне провалиться! Каго хочешь спроси.

— Тогда зови старшину. Да пусть фонарик прихватит.

Обычно строгий, всегда сумрачный, старшина расцвел.

— Вот это да! Вот это приварок! — потирает он руки. — Ну, молодцы ребята. А ну, глянь, что там в мешке завернуто. Может, сало?

Генка, светя фонариком, пролезает в дальний угол подвала, вытягивает сверток, развертывает.

— Во, гад!

В мешковине лежали два немецких автомата, которыми полицай так и не успел воспользоваться — слишком быстро сматывал удочки.

— Ладно, — говорит старшина, — не трогайте, потом опись составим и акт, чтобы все честь по чести, — старшина, к слову сказать, был в этом отношении педантом. — А пока, Морозов, поставь человека у входа и чтоб ни одна живая душа... Понятно? А я пойду командиру роты доложу.

Я посылаю Генку за Пушкиным. Хватит, выспался, пусть постоит. Не знаю, что там ему наплел Леший, но только не рчень-то поворотливый Пушкин прибегает на этот раз мгновенно, вытягивается, таращит еще сонные глаза, уставно докладывает о прибытии.

— Видишь? — показываю я Пушкину на вход в подвал.

— Вижу, товарищ гвардии младший сержант.

— Чтоб ни одна живая душа... Понятно?

— Понятно, товарищ гвардии младший сержант.

— Ни туда, ни оттуда, — добавляет Генка.

Пушкин согласен кивает, снимает винтовку с плеча, проверяет затвор.

— А случай чего, стрелять?

— Стреляй, — подмигивает мне Генка. — Только первый предупредительный в воздух, а потом действуй по своему усмотрению.

Я не понимаю, в чем дело, но все же подтверждаю Генкины слова многозначительным кивком.

— Вот лопух, этот Вася, — хватается за живот Генка, когда мы отходим от подвала на порядочное расстояние. — Кого, думаешь, он там караулит?.. Трех немецких генералов! Ага. Он дрыхнет, значит, а я ему — вставай, говорю, штаб немецкой армии захватили, в подвале, гады, отсиживались. За командиром корпуса послали, а тебя ротный на охрану ставит. Везет же тебе, говорю, Вася. Никому не доверили, только тебе. Сам ротный, говорю, сказал, что никто, кроме Пушкина, с такой задачей не справится. Ну, Вася и клонул, вскочил, подтянулся. А я еще масла подливаю: за такое дело и медаль могут нацепить. Вот тебе, говорю, пара немецких гранат, сам командир роты лично передать велел, только спрячь, чтоб не на виду были. Ну, Вася как гранаты увидел, словно заглотив наживку.

Я оглядываюсь. Вася держит винтовку наперевес, сосредоточенно ходит около входа в подвал: три шага туда, три шага обратно. Гимнастерка на боку топорщится, гранаты, видно, туда засунул.

После ужина меня вызывают к командиру роты.

В просторной комнате целехонькой хаты склонились над картой командиры взводов. В сторонке, у входа, стоит старшина. Я докладываю о прибытии.

Скуластое лицо ротного оторвалось от карты, морщины недоумения сбежали к переносью.

На выручку спешит старшина:

— Это по поводу обнаруженного продовольствия, товарищ старший лейтенант.

— А-а... Минуточку... — ротный ставит на карте несколько точек, откладывает карандаш, поднимается. Комната сразу становится маленькой и тесной.

— Вот что, Морозов, — говорит он, — рота

сейчас снимается, а ты с расчетом останешься до утра. Миномет можем прихватить на случай с собой. А завтра пришлем машину. Зерно раздадите жителям, нам молоть его некогда, да и негде, остальное погрузите. Ясно?

— Ясно, товарищ гвардии старший лейтенант.

— А как насчет акта? — спрашивает старшина.

— А к какому вы его делу пришьете? Канцелярий мне разводить не хватало. Не чужое — свое берем у врага. Идите.

Старшина выдает нам буханку хлеба, банку консервов «Фасоль в томате» и, подумав, отсыпает четыре горсти шоколадного драже.

Рота уходит. Мы остаемся. Григорьич раскатывает шинель, очищает от обломков кирпича землю, укрывается и тут же засыпает. Генка разводит небольшой костерчик. С запада, как далекий-далекий гром, доносятся отзвуки взрывов. Небо там светлее и время от времени прочерчивается трассирующими нитями. Пушкин уже не ходит, а сидит напротив подвала, направив дуло винтовки прямо в черную пасть входа. Мне становится его жаль.

— Хватит разыгрывать, — шепчу я Генке. — Пусть спать ложится.

— Ничего, он днем выспался.

Тогда я сам...

— погоди, — останавливает меня Генка и оборачивается к Пушкину: — Вася, спроси, может, они до ветру хотят... Только по одному выпускать.

Доверчивость Пушкина поразительна. Он подходит к подвалу, кричит в глухо отдающую эхом пустоту:

— Эй, фрицы-дрицы, кто прогуляться хочет?

— Так они ж по-русски не понимают, — говорит Генка.

— Захотят — поймут, — на полном серьезе отвечает Пушкин и, подумав, кричит еще: — Эй, туалетен... сортир... шайзе...

Я весь содрогаюсь от смеха.

— Молчат,— удивленно тянет Пушкин.

Генка берет из костра головешку. «Я вот им сейчас помолчу!» — и спускается в подвал. Вынырнув оттуда, Леший накидывается на обомлевшего Пушкина:

— Р-растяпа! Спал, да? По глазам видно, что спал. Сбежали генералы. Все до одного. Не миновать тебе трибунала, Вася. Что теперь с ним делать, товарищ младший сержант?

— Н-не спал я, честное слово, не спал,— бормочет Пушкин.— Может, они еще раньше сбежали. Я же их от тебя не принимал.

— Не принимал, не принимал,— передразнивает его Генка.— Значит, устава караульной службы не знаешь. Надо было принять.

— Ладно, ложитесь,— говорю я.— Утром разберемся, что к чему.

Умачиваясь на ночь, Пушкин постанывает. Спал он беспокойно, вздыхал во сне и ворочался.

Наутро, узнав о коварном розыгрыше, Пушкин взъярился и чуть не брякнул по Генкиной голове немецкой гранатой. Хорошо, Григорьич вовремя подоспел, отобрал гранату и сказал спокойным голосом:

— Такими игрушками, ребята, баловаться негоже.

Злополучный каравай

Второй час сижу я у края дороги, чтобы посланная за нами машина не проскочила ненароком мимо.

Село оживает, обретая мирный вид. Уже мычит где-то полугодовалая корова, слышится тихое повизгивание поросенка, которого каким-то образом удалось упрятать от гитлеровских солдат, доносятся запахи варева. Проходят, останавливаясь на короткий привал, воинские части, водители машин заливают у колодца парящие радиаторы. Взьерошенные, всего навидавшиеся воровьи деловито шныряют по дворам, копошатся в траве, где стояла вчера наша кухня. Вчерашние сгорбленные старухи будто помолодели, скинули с себя добрый десяток лет, шустро бегают с ведрами, моют полы, наводят порядок в подворьях. Появились откуда-то ребятишки, и село не кажется уже таким разрушенным.

Переваливает за полдень. Машины все нет. Хлеб, консервы и драже мы съели утром, и теперь в желудке начинает посасывать. Махорка тоже кончилась, совсем позабыл выпросить у старшины пару пачек. Да и кто мог подумать, что так случится.

Взрывов уже не слышно, фронт сильно, видимо, продвинулся вперед. На Запад летят эскадрильи наших самолетов. А мы сидим, загораем, как идиоты. Черт бы побрал этого Генку с его подвалом. Сует вечно свой нос куда не надо. Лопай теперь соленые огурцы без хлеба, запивай холодной колодезной водичкой. А в роте горячий обед, борщ со свежей капустой и каша.

Мы тоже решаем сварить кашу, благо пше-на в нашем распоряжении сколько угодно. Но оказывается, что у нас нет ни капелки соли. И как назло, ни одной походной кухни, можно бы выпросить горсть у повара. Ну, а просить у жителей, у которых соль на вес золота, я не разрешаю.

— На огуречном рассоле можно сварить,— словно для себя бурчит Пушкин, все еще сердитый на меня и Генку за вчерашнее.

— Ты гений, Вася! — восклицает Генка и спускается в подвал за рассолом.

Сварили. Съели за милую душу.

Сгущаются сумерки. Машины нет как нет.

— Вот влипли, так влипли,— сокрушается Генка.

— Тебе-то еще не так бы надо, а мы-то при чем,— ворчит Пушкин.

— На войне всяко бывает,— спокойно говорит Григорьич.— Могло машину разбомбить по дороге, мог и шофер залпнуть. А то и вовсе позабыли — ввели в бой роту, не до нас.

Генка встает, потягивается.

— Пойду, поброжу, может девчата объявились, вечерку замыслили. Идем, Вася, на пару.

— Иди ты...

— И пойду, Вася, пойду... Разрешите на полчаса, товарищ младший сержант?

Я киваю. Сам бы пошел с удовольствием, село большое, может, и впрямь где веселье по случаю освобождения. Пусть без выпивки, но все-таки... Только с Генкой идти не хотелось — обязательно в какую-нибудь историю влипнешь. Да и неловко: как-никак командир.

Проходит почти час, а Генка не возвращается. Я основательно начинаю беспокоиться. Мало ли что. И полицей, и гитлеровец могут где-нибудь прятаться, а Генка и винтовки с собой не взял. Как я раньше-то об этом не подумал! Командир липовый!

В предночной тишине глухо шлепают два взрыва, один из другим. Немецкие гранаты! Кто мог их сбросить? Генка? Но зачем? Только в порядке самообороны.

— Пушкин, за мной!

Короткими перебежками, от хаты к хате, прикрываясь за уцелевшими плетнями, мы продвигаемся к уловленному на слух месту взрывов. Тишина. Нигде никого. И никакой перестрелки. Но вот слышатся быстрые шаги. Ближе и ближе. Мы прячемся за угол полуобвалившейся стены, неслышно загоняем патроны в стволы винтовок.

По улице, не сторожась и даже вроде напевая под нос, торопливо идет Генка. В руках у него что-то круглое и темное. И это что-то он перекидывает из руки в руку.

— Хальт! — говорю я по-немецки.

Генка пригибается, хочет прыгнуть в сторону.

— Ни с места. Стрелять буду.

Мы выходим из засады. Узнав нас, Генка нервно хихикает.

— Думаете, напугался? Ха-ха! Я не такие переплеты видел. Не на того нарвались.

Я готов вlepить Генке затрещину. И будь это на гражданке, не задумался бы ни на минуту. А в армии за рукоприкладство, если даже и следует, по головке не погладят.

— Где лазишь? Кто гранаты швырял?

— Ну, я швырял. Надо было. Обстановочка. Держи, а то у меня руки спеклись. Горячий, с пылу, с жару... — И Генка перебрасывает Пушкину каравай душистого, только что испеченного хлеба. Такой хлеб, помню, до войны пекла моя бабушка.

— Где взял?

— Ну, потеха! Рассказать — за животики схватитесь.

Мы подходим к подвалу. Григорьич стоит, как на посту.

— Опять сошкóдил чего? — сердито глядит он на Генку. — Пороть тебя некому.

— Что верно, то верно, — некому. Только ты зря ворчишь, Григорьич. Посмотри лучше, что я принес. Кажи, Вася...

— Домашний, — как-то уютно произносит Григорьич, взяв из рук Пушкина каравай.

— Где взял? — снова строго спрашиваю я Генку.

— В печке. Ей-богу! Ну, история... Умора прямо, а не история. Дай, Григорьич, курну! — Григорьич протягивает Генке недокуренную цигарку, предварительно оборвав губами заслоняемый кончик. Генка жадно затягивается и начинает рассказывать: — Иду я, значит, по селу, насчет вечерки размышляю. Темнотища — хоть глаза выколи. Нигде никого, словно повымирили. Потом гляжу — в дальней хатенке огонек светится. Ну, я само собой — туда, к окошку. В хатенке бабка, коптилка горит. И та бабка хлеб в печь садит. Шесть каравэв затолкала, прикрыла заслонкой, стала в хате убираться. А я стою, смотрю, и так мне печеного хлеба захотелось, аж слюнки побежали. Если б она его из печки вынимала — не стерпел бы, зашел, попросил краюху. А так — сколько еще ждать, пока испечется. Ушел я. Брожу по селу, а тот хлеб из головы нейдет. Опять ноги меня к той хатенке привели. Смотрю в окно, бабка на столе холстину какую-то расстилает, хлеб, наверное, в нее заворачивать. Что, думаю, делать? Зайти, попросить? А не даст если? Обидно будет. И опять же неудобно советскому солдату хлеб выпрашивать. Ну, я и сообразил... Мигом сюда, пару гранат прихватил и обратно...

— Это когда же ты сюда прибежал? — спрашиваю я с ехидцей, надеясь уличить Лешего во вранье.

— А вот как раз, когда ты Ваське про моржовую колбасу рассказывал.

Верно, было. В первый раз, пожалуй, вспомнилась. Я тогда в третьем классе учился. Колбасу ту по дороге в школу, в ларьке продавали. Была она красная, страшно соленая и стоила невероятной дешево. Покупали мы ее на деньги, что матери давали нам на булочки в школьном буфете. Дома моржовую колбасу я, конечно, есть бы не стал, а за компанию она казалась очень даже вкусной.

— А как же мы тебя не видели?

— Боевая выучка, товарищ гвардии младший сержант... — хвастливо подмигивает мне Генка и продолжает рассказ. — Ну, прихожу, в окошко глядь, а бабка уже три каравай на холстину выложила, за четвертым тянется. Я тут же за угол хаты, в заросший огород одну за другой гранаты р-раз и по стеклу оконному ногтями скребанул. Бабка с перепугу присела, лопату, которой хлеб вытаскивала, бросила и в подпол — нырь, как мышь. Шустрая бабка оказалась. Я с ходу в хату, каравай в руки и айда... Давай, Вася, ломай, у меня уже все соки желудочные перебрóдили.

— Отставить! — неожиданно для самого себя говорю я. Мне очень хочется отведать хрустящей корочки и духовитого мякиша и скажи я слово или промолчи просто — Вася мигом разломает каравай на четыре равные доли. Но подспудно, нутром, чувствую, что нельзя больше потакать Генкиным штучкам-дрючкам, пора с этим кончать. И пусть против меня встанут все, я все же настою на своем.

— Рядовой Лешаков! — я, пожалуй, впервые

называю так Генку когда рядом нет старших по званию или должности. — Возьмите хлеб и отнесите обратно.

Григорьич лезет в карман за кисетом. Вася вертит в руках каравай, словно греет о него руки. Генка лупает глазами, никак не может понять: шучу я или взаправду.

Я не свожу с Генки пристального взгляда.

— Да брось, — говорит он, — когда от многого берут немножко, это ж не воровство, а просто дележка. Куда ей одной столько?

— Не твое дело — куда, — голос мой становится тверже. — И вообще... пора прекратить безобразия.

— Что я — для себя, да?..

Мне в душе жалко Генку. Конечно, не для себя. Да и не думал он ни о чем таком, что называется мародерством. Созорничал по-мальчишески, не отдавая отчета, вот и все. Но сколько же можно прощать это мальчишество?

— Не разговаривать! Выполняйте приказ!

А есть хочется. И сытный дух так и прет от каравай. Ребята, наверное, сердятся на меня, да и Григорьич тоже. Ну и пусть.

— Да как я теперь заявлюсь?

Я не отвечаю Генке. Я оборачиваюсь к Григорьичу:

— Рядовой Тиунов! Проводите Лешакова.

Григорьич ссыпает махорку с газетного обрывка обратно в кисет, охотно встает, подталкивает Генку:

— Пошли!

Я расстилаю шинель, одну полу под себя, другой укрываюсь. В желудке пусто, зато на душе легко. Я уверен, что поступил правильно.

Фронтóвой марафон

Мы стоим на дороге и голосуем. Километров пятнадцать прошли пешком, притóмились. К тому же нам известен номерной шифр машин нашего корпуса. Ну, а попав в расположение корпуса, легко будет разыскать и роту.

Подвал со всем его содержимым сдали трофейной команде, ожидать обещанную машину больше не было смысла. Леший притих — по его же вине все так по-дурацки сложилось. Особенно он скис после того, как увидел утром бабку, у которой стащил каравай. Она стояла у околицы и, понося кланяясь, встречала проходящие через село войска хлебом-солью. Мы ни слова не сказали Генке. Он все понял сам.

Переполненные и перегруженные машины пронесются мимо. Водители только разводят руками: рады бы, дескать, выручить, братцы, да сами видите: куда ж вас посадишь...

— По одному надо, — говорит Григорьич. — Скорее кто-нибудь подберет.

— А не растеряемся? — сомневаюсь я.

— Все дороги идут на Берлин, чего ж растеряться. Хоть там, да встретимся.

Подумав, я соглашаюсь. Первым мы оставляем при дороге Пушкина, а сами садимся в сторонке. Не проходит и десяти минут — Вася прощально машет рукой из кабины притормозившего на его голос «студебеккера», кузов которого был предельно загружен узячками с боеприпасами. Таким же манером уезжают Генка с Григорьичем. И тут словно заколодило, — ну хоть бы одна машинешка. Прощав с час, иду пеш-

ком. Да вот если б знать точно, куда шагать. А то ведь так, напропалую идешь, просто на Запад. Зря я, пожалуй, согласился с Григорьичем. Лучше бы всем вместе.

За спиной слышу шум мотора. Оборачиваюсь: «виллис». На таких комдивы и штабисты ездят. Проголосовать? Не остановится ведь. Если же остановится, начнут допытываться, как да что. «Где твой расчет, командир?» «Там». «Где там?» «Не знаю, впереди» «А ты почему сзади плетешься?» «Да так вот получилось». Э, лучше уж на своих двоих.

«Виллис» обдаёт меня грязными брызгами, как нарочно в колдобину с застоялой водой задним колесом угодил.

Начинает накрапывать дождик. Мелкий, осенний. Не хватает еще промокнуть до нитки. Хорошего же стрекача дали фрицы — настоящий марфон. Не догонишь так вот запросто, без подготовки.

Развилка. Стою, как былинный богатырь у трех дорог. Терять-то мне особо нечего, голову снести в любой стороне могут, клад меня даже золотой не интересует, а вот по какой дороге рота прошла — знать бы! Указатели есть, да что толку — одни, ничего мне не говорящие, названия сел. После недолгого раздумья сворачиваю вправо, в самое ближнее отсюда село. А то уже вечереет, не спать же в открытом поле под дождиком.

Село разбито не очень. Бой, видимо, прошел стороной, только край села, где когда-то была колхозная ферма, порушен. Да и то, возможно, не сейчас — при отступлении.

Остро пахнет кизячьим дымом. Тут не в нашем лесном краю, дровами разжиться не просто, топят высушенными коровьими лепешками с соломой — кизяком.

— Заходите до хаты. Тай нэ стэснйатэсь.

Женщина пожилая, постарше моей мамы, а голос мягкий такой, распевный, девический.

— Заходь, сынку, батька мий радый будэ.

Горница чистая, увешанная расшитыми полотенцами-рушниками.

— Глянь, батько, якого я тебе гостя привэла,— говорит хозяйка, переступив порог.

С лавки тяжело поднимается, видно, когда-то плечистый и коренастый, а теперь грузный и оплывший дед, виснет на моих плечах, троекратно целует.

— Вот дождался радости. А то ведь, думал, помру и не увижу боле родных-то сынков. Одни хари ерманские два года бачил. А у меня силы-то против них нет, сколько уж с лавки не сползаю,— он ощупывает меня, будто слепой. — Справная одежка-то. И погоны вишь. Унтером, значит, служишь. Молодец, внучек. Я тоже в первую ерманскую унтером служил...

Хозяйка смотрит на нас, скрестив на груди руки, и по щекам ее текут слезы. Перехватив мой взгляд, она утирает глаза обористым рукавом кофты, улыбается грустно, спохватывается: «Ой, лишеньки, чего ж я стою... И вы не стойте, сидайте к столу, сидайте...» — и сама убегает куда-то.

Дед усаживает меня за стол, покрытый старенькой, но свежестиранной скатертью. Хозяйка вносит казанок с борщом. От него по горнице распространяется такой вкусный запах, что у меня спирает дыхание. Хозяйка споро ставит тарелки и стаканы, раскладывает ложки, откуда-то из-под печки достает завернутую в тряпицу бутылку.

Дед дрожащей рукой разливает самогон, поднимает стакан:

— За твое здоровье, внучек. Спасибо тебе, от всех нас благодарствую — освободил от проклятого врага. И за то спасибо, что не побрезговал нами, гостем в хату зашел... — дед склоняет в поклоне голову.

А мне стыдно. Стыдно, что я-то тут совсем ни при чем, что я не причастен к освобождению села и весь бой за него просидел сколо дурацкого подвала с пшеном и солеными огурцами. И я чуть было не сказал об этом, но вовремя сообразил, что по сути не меня лично благодарит дед, а видит в моем лице всю Советскую Армию, всех советских солдат, и каждый из них — его освободитель. И я с чистой совестью чокаюсь с дедом и хозяйкой, у которой влажнятся глаза и подрагивают губы.

А как там Григорьич, Генка, Пушкин? Добрались до роты или приветил их кто на ночь, как и меня?

Давно я так вкусно не ел и не спал на такой чистой и мягкой постели. Аж не верится. Все будто во сне.

Просыпаюсь от сторбжких шагов хозяйки. Она накрывает на стол завтрак. Дед сидит на лавке. Возможно, он всю ночь не сомкнул глаз. Мне же вставать неохота, понежиться бы еще часок под теплым одеялом, да нельзя, нужно идти, догонять своих.

И хозяйка, и дед уговаривают остаться на денек, но я наскоро съедаю «яишню», выпиваю кружку парного молока и, поблагодарив за гостеприимство, выхожу из хаты. Хозяйка провожает меня до ворот, всхлипывает. Она ничего не рассказывала о себе, но мне думается, что сын ее или муж либо погибли, либо воюют где-то, не имея пока возможности подать о себе весточку.

Второпях я как-то не обратил внимания, что вещмешок мой стал будто бы полнее и весомее, а сейчас, за околицей, я заглядываю в него и обнаруживаю добрый шматок сала и полбуханки хлеба. Нет, не они, а я должен до земли поклониться этим людям!

Вскоре меня подбирает старенький «ЗИСок», с открытым, без капота, мотором. Эти невзрачные с виду машины были до того выносливы и неприхотливы к избитым дорогам и фронтовой обстановке, что красавцы «студебеккеры», на мой взгляд, не шли ни в какое с ними сравнение.

Водитель из другой части, но приблизительно знает расположение нашего корпуса. Довезти до места он меня не может, торопится по своим неотложным делам, но все же подбрасывает с десятка километров и подробно объясняет, как добраться до села, где, по его предположениям, стоят части четвертого гвардейского.

И снова я вышагиваю по обочине, сторонясь проходящих мимо танков, самоходок, орудий. Дождя нет, но небо пасмурное, напоминающее родное архангельское. Еще бы лес наш сюда, стройный, пьянящий хвойным настоем. А колючие, искривленные акации вдоль дорог — какой же это лес! — так, лишь бы зелень.

При въезде в село — шлагбаум. Для меня его, разумеется, поднимать не станут. Я пригибаюсь под низким брусом, а когда распрямляю спину, вижу перед собой строгое лицо незнакомого сержанта.

— Куда? Кто? Откуда?

Коротко отвечаю.

— Ладно, разберемся, — говорит сержант,

открывая дверь какого-то тут же стоящего сарая. — Проходи...

Спорить и возражать бесполезно.

Сарай наполовину завален подсолнечными семечками. Прямо на семечках лежат четверо солдат и спокойноенько их лузгают. Я тоже ложусь и тоже начинаю лузгать. Через четверть часа всех нас ведут в избу, где за непокрытым дощатым столом сидит капитан с тусклыми глазами и удивительно брезгливым выражением лица. Словно съел он что-то невкусное, а его заставляют есть еще и еще.

Сначала капитан просматривает документы, потом начинает допрашивать. Почему отстал от части, в каком месте, при каких обстоятельствах?.. Солдат он отпускает быстро, дав им ориентир дальнейших поисков своей части, а на меня глядит испытующе, с недоверием. Я рассказываю ему все честно, не приврав ни словечка. Он долго молчит, крутит, перелистывает красноармейскую книжку, комсомольский билет, тягуче вздыхает.

— М-да, командиры пошли нынче... Расчет растерял, где находится часть — не знает... Разгуливать, конечно, куда приятнее, чем воевать. Риск небольшой.

Ох, если б он знал, как я ненавижу его в эту минуту. Впрочем, он знает. Или догадывается. На тонких губах играет злая усмешка.

— Товарищ сержант, — зовет он, — отведите отставшего, пока наведем справки.

И опять я в сарае. Один. Семечки кажутся горькими. Сколько он там будет наводить справки? Жаль, документы капитан у себя оставил, а то улизнуть отсюда запросто. Сарай щелястый, доски едва-едва держатся, ковырнуть слегка — и дуй на все четыре стороны.

Я лежу и смотрю в щель. Мне ничего не остается, как лежать и смотреть на спящих по улице села бойцов, занятых делами, сборами, подготовкой к новым боям. А вон какой-то тип гонит хворостиной бычка. В нескладной фигуре погонялы видится мне что-то знакомое. Стой, да это же Ивакин! Провалиться мне на месте — комс-орг нашей роты!

— Ива-акин! — ору я что есть мочи.

Он оборачивается, но никого не видит и, подумав, что ослышался, огревает бычка хворостиной.

Я вскакиваю и всю барабаню в дверь.

Звякает щеколда, на пороге вырастает задержавший меня сержант.

— Взбесился? На губу захотел?

Ивакин оглядывается, узнает меня, подзывает какого-то солдата, вручает ему хворостину: гони, дескать, до кухни, а сам идет к нам.

Недолгое объяснение у капитана, который пока еще и не думал наводить справки, и я на свободе.

— А Григорыч, Пушкин, Лешаков? — спрашиваю Ивакина на пути к окраине села, где расквартирована наша рота.

— Вчера еще все пришли. Тебя только дожидались. Ротный уже забеспокоился. Вечером сниматься отсюда будем.

— Здорово драпают фрицы, а? По-марафонски?

— Тут-то драпанули, а на Молочной сидят. Там у них оборона крепкая, зубами прогрызать придется.

Про оборону немцев на реке Молочной сре-

ди бойцов поговаривали давно, вспоминая при этом Миус — фронт.

— Прогрызем, ерунда!

Сейчас мне все видится в розовом свете. И такая охотка всыпать фрицам по первое число, что аж ладони зудят. Теперь-то меня никаким приказом не заставишь караулить подвалы, будь в них хоть ящики с шоколадом.

Последний бой

Медленно истачиваются последние дни ноября. Медленно потому, что корпус бросили на ликвидацию Никопольского плацдарма гитлеровцев, а нам никак не удается пробить брешь в глубоко эшелонированной обороне врага.

Деревья уже оголились, земля выцвела. Идут нудные, наводящие уныние дожди. Ночью подмораживает, а днем оттепель развозит дороги, густая грязь налипает на сапоги, и приходится вполчишь на ногах пудовую тяжесть, потому что останавливаться и очищать черноземные лапти некогда, да и бесполезно: через пять шагов они образуются снова.

Нас перебрасывают с участка на участок, пытаюсь нащупать слабинку в обороне противника. Вчера мы отмахали километров семьдесят. На место пришли в темноте. Лил дождь. Копать окоп не было сил. Отыскал какую-то ложбинку, завалился и тотчас уснул. Проснулся оттого, что вода заполнила ложбинку и я чуть ли не плавал в ней. Даже нижнее белье промокло. Била дрожь. Кругом — ни зги. И нигде никого. Побродил, пошарился вокруг — может, в землянку какую попрятались? — не нашел никакой землянки. И ни привычных в ночное время ракет, ни выстрелов, хотя бы и редких. О чем же командование думает? Вот бы и ударить сейчас по немцам. Они не ждут, сидят, как тараканы, в своих утепленных блиндажах и щелях. Я хорошо знаю эти блиндажи с накатами в несколько слоев, с удобными нарами, постельным бельем, шкафиком с консервами и шнапсом. Так устроились, будто век вековать здесь собрались. Ну уж хренка-огирька, как говорит наш старшина.

При воспоминании о немецких блиндажах становится еще холоднее. Пробую присесть, чтоб согреться. Не помогает. Когда же выдадут зимнее обмундирование?

И вдруг я замечаю тусклый желтоватый огонек. Иду на него прямо через лужи, чего уж теперь беречься, больше чем промок — не промокнешь.

Избенка на отшибе не то села, не то хутора. Низкая, покосившаяся, со слепленными глиной осколками стекла в продолговатом, без створок, окошке. Стучу. Дверь со скрипом отворяется, и меня обдает благостным домашним теплом.

— Один?.. Входи, да дверь затворяй поплотнее, не студи избу.

Вид у меня был, наверное, плачевный, потому что и старуха, и костлявый дедок, латавший за столом какую-то обувку, почти одновременно всплеснули руками.

— Ох, господи! До нитки, почитай, промок. Раздевайся скоренько да лезь на печь.

Старуха суетится, дедок встает из-за стола, помогает мне стянуть набрякшие сапоги.

— Все, все скидай, — говорит дедок, — стесняться тут некого. Старуха до утра высушит.

Я залезаю на печь в чем мать родила, дедок накрывает меня овчинным полушубком, и в то же мгновение я проваливаюсь в ночь. Возможно, меня и будили, звали поест горячих щец, но я ничего не слышал...

— Есть у вас кто из наших?

— Да спит вон солдатик, промок весь вчера...

В избе светло. А мне кажется, что и спал-то я всё-навсего с полчаса.

— Морозов!

— Я, — отвечаю с печи.

— Вся рота с ног сбилась, тебя ищут!

Не помню как вскочил, как оделся во все сухое, схватил винтовку, вещмешок и понесся к площади перед сельсоветом, где выстроилась наша рота.

Подбегаю к ротному, прошу разрешения встать в строй.

— Где расчет? — спрашивает ротный.

Он хорошо знает, что расчета, как такового, у меня нет уже несколько дней. Генку и Григорьяча ранило одновременно. Генку — в руку, срезало кусок мышцы, Григорьяча — в живот. Когда около них разорвался снаряд, Пушкина не было — он ходил за минами, а я был метрах в пятнадцати, на своем наблюдательном посту, откуда вел коррекцию огня...

— Где расчет? — повторяет ротный.

Пусть нет Григорьяча и Генки, но за Пушкина-то я в ответе. Скашиваю глаза и вижу в строю его продолговатую, над всеми возвышающуюся голову, но ротному говорю: «Не знаю». Я ведь и верно не знал, где был эту ночь Вася, где была рота. Уж потом мне сказали, что я слишком поторопился нырнуть в свою ложбинку. Вскоре пришел старшина и увел роту в село, в бывшую конюшню, в которой была солома и крыша почти не протекала.

— Трое суток ареста, — говорит ротный. — И наводчиком в третий расчет.

Я повторяю приказ и встаю в строй. От роты осталось немногим более полнокровного взвода. Я чувствую себя преступником и гадаю, куда же меня посадят для отбытия срока наказания. Но пока ротный словно забыл об этом. Мы перестраиваемся порасчетно. До передовой, оказывается, еще порядком.

И снова дорога. Теперь я — наводчик и потому тащу минометный ствол и футляр с прицелом. Вьюка у ствола нет, истрепался, я волоку его на плече, как бревно. С непривычки плечо сразу же начинает ныть. И я говорю себе: «Так тебе и надо, так и надо, не будешь только о себе думать, не будешь сразу падать ничком, как бы ты ни устал, потому что другие, может, устали побольше тебя, а ты, какой ни есть, но командир, даже если и нет у тебя полного расчета». Я ругаю себя самыми последними словами, которые приходят на ум, и тогда мне становится вроде бы легче. Осознание вины все-таки облегчает, хотя и не снимает ее полностью. Ладно, остальное докажем в бою.

Слышатся несчастные разрывы. Значит, шагать осталось недолго. Сворачиваем с дороги в глубокий, изрезанный ручьями овраг. Идти по нему тяжелее, но безопаснее — в прояснившемся небе закружила немецкая «рама» — самолет-разведчик. Заметит — жди через несколько минут «юнкерсов» или «мессершмиттов».

Мне почему-то вспомнилось, как однажды старшина послал меня с Генкой отнести ужин на

передовую, где сидел второй взвод, а наш был на двухдневном отдыхе. Дорогу мы знали, широкая тропка шла таким же вот оврагом, потом огибала холм, овсяное поле, ныряла в ложок и выходила к линии обороны. Генка предложил спрямить. Болтая о том, о сем, мы перевалили изрытый воронками холм, прошли через овсы и, довольные сэкономленным временем, прыгнули в траншею: «Получай ужин, ребята!»

Командир взвода удивился: не ждали, дескать, так скоро.

— А мы спрямили, — похвалился Генка.

— Через овсы?

— Ага. Ноги-то у нас не казенные обходить.

— Ноги не казенные, верно, — сказал взводный, — а вот чьи головы у вас на плечах — не знаю. Вы же через минное поле прошли. Только сегодня там двое бойцов подорвались. Немцы не зря овес посеяли и целехоньким оставили для таких вот, как вы, «храбрецов».

Назад мы с Генкой шли молча, стараясь ни на шаг не свернуть с огибающей поле и холм тропинки...

Я перекладываю ствол с плеча на плечо, пытаюсь нести его под мышкой, но все эти ухищрения ни к чему не приводят. С каждым пройденным метром он становится тяжелее и тяжелее. Только бы не отстать, не оконфузиться перед ротным и солдатами.

Когда мне кажется, что еще немного и я упаду, мы входим в изрытую окопами и землянками лесопосадку. Из-за ночного происшествия настроение у меня препротивнейшее. Даже обед показался безвкусным. Хорошо хоть выдали махорку, я тяну сигарку за сигаркой.

У землянки ротного необычное оживление.

— Что там? — спрашиваю вернувшегося от ротного сержанта Федосеева, нового своего командира.

— Добровольцев на разведку боем собирают.

Разведка была посложнее и поопаснее, чем просто общее наступление. На один батальон обрушивается весь огонь врага, и хорошо, если уцелеет половина бойцов. Но без такой разведки трудно выявить огневые точки противника, сосредоточение танков и артиллерии, нащупать слабые места его обороны.

Я встаю и, ни слова не сказав сержанту, который отлично понимает мое состояние, иду к землянке ротного.

Командир роты, чувствуется, доволен моим решением.

Нас восемь человек. Попрощавшись с товарищами, мы идем на передний край в расположение какого-то пехотного полка, куда стекаются добровольцы из разных частей.

Поздним вечером из нас формируют отделения, взводы, роты и выводят на позицию, откуда утром мы должны будем начать разведку боем. Окопы для нас отрыты — нам нужно хорошо выспаться и отдохнуть.

На рассвете начинается артиллерийская подготовка. Через полчаса поднимаемся в атаку и мы. Нас поддерживают десятка полтора танков. Растерявшиеся было от неожиданности гитлеровцы спохватываются и открывают такой огонь, что, не пробежав и ста метров по ничейной полосе, мы залгаем, пытаемся слиться с землей, вздрагивающей от взрывов, снарядов и мин.

— Вперед! За Родину! Ура-ра!..

Да-да, черт с ними, с пулями и снарядами,

надо идти вперед, потому что если атака захлебнется — все пропало и ничего нам сегодня уже не сделать.

Мы встаем, пробегаем несколько метров, падаем и встаем снова...

В тот момент, когда мы прыгаем в первую немецкую траншею и в упор расстреливаем все еще сопротивляющихся фрицев, я чувствую, как что-то горячее шлепает меня по спине между лопатками. Выворачиваю руку — на ладони кровь. Боли нет, только почему-то начинает кружиться голова и немеет левая рука. И откуда-то появляется туман. Он становится чернее ночи.

Совершеннолетие

Наш поезд не задерживают на станциях ни одной лишней минуты, потому что это — санитарный поезд. И на мягких, по-домашнему застеленных его полках лежат уже не бойцы, а раненые. И я — раненый. Вся левая рука, грудь и спина — в гипсе. Разрывная пуля, которую немцы зовут «дум-дум», раздробила предплечье, прошла около сердца и разорвалась меж лопатками.

А немцев мы тогда выбили. Я понял это, когда очнулся в той же траншее, на том же месте. Рядом со мной лежал мертвый немец.

Гимнастерка, брюки были в крови. Спину жгло каленым железом. Лево́й рукой не могу шевельнуть: она висела плетью, словно чужая, припиленная. А правая — ничего, только затекла, пока я лежал без сознания, и теперь ее пронизывали тысячи тончайших иголок. Но это быстро прошло. Опираясь о стенку, встал. На эту «операцию» ушли почти все мои силы. А надо еще нагнуться и взять винтовку. Услышал чей-то негромкий стон. Окликнул. Оказался Коля Турмасов из нашей роты. Чего, спрашиваю, сидишь? «А куда идти?» «Помоги перевязку сделать, винтовку поднять, пойдём куда-нибудь»...

Мы идем на восток, в тыл, туда, откуда начали наступление. Недавние наши окопы пусты. Мысленно я прощаюсь с ними. Теперь долго не придется их рыть.

Где лесопосадка с нашей ротой — не знаю, не сообразил сориентироваться раньше, когда нас какими-то загогулистыми тропами вели на передовую. Турмасов падает духом: еще на немцев нарвемся. Дурак, говорю, какие немцы, когда мы их прогнали... «Здесь-то прогнали, а там сидят». И будто в подтверждение его слов справа от нас взлетают несколько немецких ракет, и тишину разрывает короткая пулеметная очередь. Забираем круто влево и вскоре натываемся на артбатарею.

Артиллеристы устроились неплохо — в глухой и просторной землянке. На широком столе светло горит сделанная из снарядного патрона лампа. Рассказываем, как и что. Нам тут же открывают мясные консервы, режут хлеб — подкрепляйтесь перед дорогой, братцы. Кто-то бежит достать транспорт. От тепла и усталости клонит в сон. Широкоскулый усач тормозит меня:

— Ты ешь, сынок, ешь... А спать тебе сейчас нельзя, никак нельзя. Потом отоспишься, времени хватит... — и начинает кормить меня с ложки.

Я почти бессознательно жую.

— Пить...

Ко мне тянутся сразу несколько рук с фляжками.

А потом нас укладывают на телегу, устланную свежей соломой, и строго наказывают ездовому ехать поосторожнее. Вначале это удается. Привыкшие ко всему лошади не шарахаются ни от ракет, ни от редких разрывов пущенных наугад снарядов. Но когда мы каким-то образом очутились на ничейной полосе и немцы открыли по нам пулеметный огонь транслирующими пулями, лошади понесли. Ездовой, не пытаясь даже их сдерживать, по-моему, просто-напросто положился на их чутье. И не ошибся. Тяжело всхрапывая, все в мыльной пене, минут через двадцать бешеной скачки они остановились около избы, где разместились приемный пункт медсанбата.

Перевязка, санитарный автобус, полевой, а затем станционный госпиталь в Сталино.

Я — на операционном столе. Их десятка полтора-два таких столов, в два ряда стоящих в бывшем спортивном зале бывшей школы. И к ним очередь — огромная очередь в длинном общешарпанном коридоре. У хирургов красные от бессонницы глаза и охрипшие голоса. Они и медицинские сестры очень устали, но устали, пожалуй, не столько от работы, сколько от взвинченности измученных болью, ожиданием и неизвестностью дальнейшей своей судьбы раненых бойцов. Вскрики, мат, подчас даже костыль или палка незаслуженно летят во врачей и сестер, повинных разве в том, что у них целы руки и ноги. И они вынуждены прощать. А ведь как трудно простить непростительное!

Я тоже не сдержался однажды в полевом госпитале и грубо оборвал пожилую сестру, когда она вместо того, чтобы раскромсать ножницами приставший к загноившейся ране намотанный в несколько слоев бинт и затем просто сорвать его с раны, стала аккуратно его разматывать, причиняя мне невыносимую боль.

Сестра глянула на меня материнским, все понимающим и все прощающим взглядом, тихо вздохнула: «Эх, сынок, сынок...» И в этом вздохе её прозвучала боль, но не за себя, не за нанесенное ей оскорбление, а опять же за меня, за мои истрепанные в семнадцать лет нервы.

Мне стало стыдно, очень стыдно, но я почему-то не мог попросить у нее прощения или хотя бы коротко извиниться. И я очень жалею, что не смог этого сделать...

А сейчас надо мной склонилась сестра, молодая и красивая. В руках у нее фотокарточка Вали. Она увидела ее среди моих документов и теперь спрашивает, кем мне Валя доводится. Я отвечаю: невеста.

— Я ей завидую, — говорит, улынувшись сестра, отвлекая мое внимание от каких-то махинаций другой сестры, стоящей у моего изголовья. — Ты скоро приедешь к ней, вы поженились, у вас пойдут дети и не будет тогда никакой войны, и вы будете ходить с ней по освещенным улицам, и будут звенеть трамваи, и не надо будет прятаться от самолетов, бомб, снарядов... Хорошо будет, правда?

— Правда, — говорю я, замороженный ее мягким ласковым голосом.

— А сейчас лежи спокойно, вдыхай глубоко и считай: раз, два...

Она берет из рук той, другой, медсестры маску, накладывает на мое лицо и начинает лить какую-то жидкость с резким, дурманящим запахом. Я верю ей, всем словам ее верю и потому начинаю считать, ни о чем не спрашивая.

— Раз, два... пять... восемь...
— Глубже вдыхай, дорогой, глубже...
— Шестнадцать... двадцать, двадцать один...
В голове начинает туго звенеть, звон нарастает, и я проваливаюсь в тартарары.
...И вот теперь поезд мчит меня в глубокий, глубокий тыл, где нет ни бомбежек, ни порохового дыма, но нет и фронтовых друзей, с кото-

рыми бок о бок прошел ровнехонько семьсот километров, если считать напрямую, по смертельным фронтовым дорогам.

Завтра мне исполняется восемнадцать лет.

До войны у нас в семье, пожалуй, ни один праздник не отмечался так, как мой день рождения. И ко мне всегда приходили мои закадычные друзья — Володя Антонов и Борис Бубнович. Жили они через улицу, двор у них был просторнее нашего и удобнее для игр, и мы подружились еще до школы.

Последний перед армией день рождения я не праздновал — в доме не было даже хлеба, чтобы угостить гостей. Я пришел из школы, выслушал поздравления смущенных родителей — большего они для меня сделать не могли — и, похлебав какой-то баланды, завалился на кровать с книжкой в руках.

Часов этак в пять влетает Володя и говорит, чтобы я шел к Борису. Есть, мол, важное и неотложное дело. Я даже рад был, что Володя не поздравил меня — ну, забыли ребята, до того ли, да и чего вспоминать рыбные пироги и бисквиты, которые так великолепно умела печь моя мама. Я попросил Володю обождать, но он ответил, что должен забежать еще в одно место.

Шумный когда-то двор был уныл и пуст. В эту зиму не заливали коток и не делали горку.

На углах домов пестрели таблички-указатели входа в бомбоубежище. Борис жил в глубине двора в одноэтажном флигеле. К нему вела узенькая, среди высоких сугробов, дорожка. Я уже давно, чуть ли не с месяц, не был у Бориса, чаще сходился у Володи, в большой и просторной квартире.

Дверь мне открыл сам Борис. Был он в ослепительно белой рубашке с расстегнутым воротом — галстуков мы не признавали — и весь светился, словно получил повестку в военкомат.

— Володя пришел? — спросил я.

— Ага, ждет.

— А что за дело и по какому поводу ты так вырядился?

— Сейчас узнаешь, проходи...

Посреди комнатухи, которую занимал Борис, стоял стол, заваленный, как мне показалось, одними газетами. Над столом горела стосвечовая лампочка. Кровать Бориса была аккуратно застелена, и книги на этажерке тоже лежали не как попало, а стояли точно по росту. И вообще комнатухе был придан торжественный, праздничный вид.

Борис обнял меня со спины, повернул к себе:

— Ну, с днем рождения тебя!..

За спиной зашуршало. Это Володя сдернул со стола газеты. Я оглянулся и обомлел. Все было, как в добрые мирные времена, разве в уменьшенном масштабе. Даже несколько ломтиков отливающей розовым закатом семги лежало на одной из продолговатых тарелочек. В графине посверкивало красное вино, горочкой был нарезан — белый-белый! — хлеб, открыты банки шпрот, фаршированного перца...

К горлу подкатил комок, и я был готов разреветься от радости. Нет, не от радости полуголодного человека, которому предстоит попробовать все эти яства, а от той необыкновенно светящейся радости и благодарности судьбе за то, что она не обошла меня такими преданными друзьями.

Позже я узнал, что эта вечеринка стоила Борису золотого червонца из его великолепной, от отца, коллекции монет, а Володе — детекторного приемника вместе с антенной.

С того вечера прошел год. Свои восемнадцать я встречаю в пути. И я вспоминаю, как однажды всегда уравновешенный Григорьич сорвался вдруг с места и кинулся к солдату моего возраста, ну разве чуток постарше:

— Сашок, родной! Выздоровел?

— Выздоровел, Григорьич. Как видишь...

— Соскучился? Как нес-то разыскал? Я уж думал, на другой какой фронт тебя турнули. Да садись, рассказывай...

А тут из других расчетов подошли, окружили парня по имени Сашок, похлопывают его, ощущают, зовут наперебой, каждый в свой расчет. А Сашок улыбается счастливо и не знает, что сказать, что ответить.

Я догадался, что Сашок воевал в нашей роте, был ранен и вот теперь возвратился, и все ему несказанно рады, потому что он наверняка очень хороший боец и товарищ.

И тогда еще я подумал: а как-то встретят меня, если я вернусь в роту после ранения?..

* * *

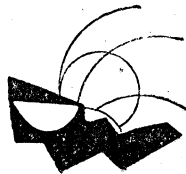
Потом, много позже, когда я вернулся домой, но не в свой, а в другой город, куда переехали мои родители, вернулся живой и не так уж сильно покалеченный, мама сказала:

— Когда ты уходил тогда от нас к своему вагону, я загадела: если оглянешься — я тебя больше не увижу. Я шептала про себя: не оглядывайся, сынок, не оглядывайся. И ты, словно услышал меня, не оглянулся. И вот мы опять вместе.

Я не сказал бы, что мама была суеверной, и то, что примета ее сбылась, можно назвать чистой случайностью. Но ведь и в случайностях есть своя закономерность. И я расценил эту случайность как своеобразное материнское напутствие:

— Не оглядывайся, сынок! Впереди у тебя жизнь. Она не так легка, как видится спервозгляду. Но иди по ней смело и только прямой дорогой...

Не оглядывайся!

ЗАГАДКИ ИВАНА КРЫЛОВА

Таинственная «Клеопатра»

У И. А. Крылова было пятнадцать пьес, из них — две переводных. До нас дошли полные тексты только пятнадцати пьес и частично известен текст комедии «Лентяй». Не сохранились трагедия «Клеопатра» и одна переводная пьеса.

«Клеопатра» была второй пьесой Крылова, написанной вслед за комической оперой «Кофейница», по-видимому, в 1784 или 1785 году. О «Клеопатре» нет никаких исследований, упоминания о ней в литературе весьма отрывочны и неясны, запутаны и даже фантастичны. Между тем трагедия, возможно, означала какой-то новый шаг в драматургии Крылова, отказавшегося от комедии. После «Клеопатры» он пишет вторую трагедию — «Филомела», но в дальнейшем опять возвращается к комедийному жанру, а в 1800 году создает знаменитую пародийную шутотрагедию «Триумф», или «Подщипа».

Что же было известно о таинственной «Клеопатре»?

Один из биографов Крылова — М. Е. Лобанов, его сослуживец по Публичной библиотеке, в биографии баснописца, вышедшей в 1847 году, рассказывал о «Клеопатре» следующее.

«Крылов, оглушенный славою Сумарокова и Княжнина, которого Рослав, представляемый знаменитым Дмитриевским, гремел тогда на русской сцене, хотел испытать себя в трагическом роде. Он написал Клеопатру и обратился к Дмитриевскому, чтобы поставить ее на театре. Дмитриевский добродушно и охотно выслушал трагедию, разобрал ее содержание, ход и характеры, делал замечания на каждую сцену, излагал правила и старался передать молодому автору все, что сам знал об этом искусстве. Он хвалил то, что находил в ней хорошего, поощрял

автора к новым трудам и, наконец с кротостию дал почувствовать, что трагедия в таком виде не может быть представлена на театре, что нужно ее совершенно пересоздать и переделать.

Рассказ этот о чтении с Дмитриевским Крылов нередко повторял, но говорил всегда об одной трагедии, и я относил этот рассказ к «Филомеле»; а теперь утверждают, что была «Клеопатра». Не отвергая ее кратковременного существования, с достоверностию можно заключить, что она написана между «Кофейницею» и «Филомелою», т. е. в 1785 году... Вероятно, автор охладил к ней, не имел духу переделывать и рукопись ее исчезла, как и многие другие, что увидим впоследствии».

Примерно так же рассказал о «Клеопатре» и другой биограф Крылова — П. А. Плетнев в биографическом очерке, напечатанном в 1847 году в первом томе Собрания сочинений И. А. Крылова.

Итак, «Клеопатра» была написана, читана и... исчезла. Мог ли Крылов ее уничтожить? Вероятно, мог, предполагая встать за другую трагедию — «Филомелу». Исследователь А. В. Десницкий утверждал это определенно. В 1936 году в одной из своих статей он писал: «Первая из этих трагедий «Клеопатра» им уничтожена и до нас не дошла».

Какие имелись основания для такого вывода? Во-первых, биограф баснописца М. Е. Лобанов обмолвился о «кратковременном существовании» трагедии. А во-вторых, знавший Крылова Н. И. Гнедич в беседе с М. П. Погодиным как-то упомянул о том, что Крылов с Дмитриевским «трие суток просматривали какую-то его первую трагедию и сожгли ее исчерченою». Основание, как видим, недостаточно веское.

Мои сомнения поддерживало глухое упоминание о «Клеопатре» того же М. П. Погодина. По его словам, Крылов в 1831 году рассказал ему о том, как однажды встретился он с императором Павлом I и преподнес ему «Кле-

опатру». В. В. Каллаш, дореволюционный исследователь жизни и творчества Крылова, назвал в 1904 году это воспоминание М. Н. Погодина «совершенно фантастическим»...

Но почему же фантастическим? Рукопись могла быть сохранена Крыловым до конца 1790-х годов, когда он имел возможность встретиться с Павлом I. Можно объяснить также и то, почему он преподнес пьесу именно Павлу, а не Екатерине II. А. В. Десницкий предположил, что трагедия связана с придворным кругом Екатерины и с ее жизнью... Догадка небезосновательная! Крылов появился в Петербурге в 1782—83 годы и за три года, вращаясь среди чиновничества, артистов и писателей, мог многое узнать о придворных сферах, о фаворитизме... Крылов имел основание отрицательно относиться к Екатерине II и в личном плане: императрица даже не ответила на прошение его матери о вспомоществовании, поданное после смерти отца, в 1778 году. А ведь вдова осталась без всяких средств к существованию, с двумя детьми на руках. Семья жила на грошовое жалование подканцеляриста Ивана Крылова и на случайные поденные заработки матери.

Вполне вероятно, что «Клеопатра» обличала Екатерину II, и тогда, естественно, Крылов не мог преподнести ее императрице, а воспользовался случаем и вручил ее Павлу I — врагу Екатерины II.

Предположим, что так и произошло. Тогда рукопись пьесы могла поступить в личную библиотеку Павла, где ее и следует поискать!

И проверка началась. Длительная, кропотливая. И здесь ждали сплошные тупики и разочарования... Прежде всего оказалось, что Павел I был большой книголюб и имел не одну, а четыре библиотеки! Они находились в Гатчине, Павловске, в Инженерном замке и в Зимнем дворце. Была у Павла и походная библиотека, сопровождавшая его в путешествиях. Разобраться в этой библиотечной ситуации мне помогла

Ж. К. Павлова — научный сотрудник Государственного Эрмитажа, изучающая историю его библиотеки.

Я не стану описывать все разыскания, поездки, хождения, встречи с архивистами, библиотекарями, сотрудниками музеев. Важен результат: никаких следов «Клеопатры» не было обнаружено! Выяснилось, что часть библиотеки Зимнего дворца в свое время поступила в Центральный государственный исторический архив — в Москву; часть рукописей в 1850-х годах была передана в Публичную библиотеку; некоторые материалы оказались в библиотеке... Ленинградского военного округа! Значит, — новые поиски... И новые ответы: нет! нет! нет! Прямые разыскания рукописи в библиотеках были безрезультатны.

Предстояло идти косвенным путем — искать источники сведений о рукописных фондах этих библиотек. Начал я с архива Эрмитажа, поскольку одна из павловских библиотек находилась в Зимнем дворце.

И здесь-то, как говорят, фортуна улыбнулась мне. Рассматривая каталоги библиотеки Эрмитажа, я обнаружил четырехтомный рукописный каталог библиотеки Павла I, той самой, которая находилась в Зимнем дворце. А в первом томе этого каталога, на 54-м листе прочитал такую запись: *Agnoie 4, № 21. Клеопатра. Трагедия. Соч. Ивана Крылова. 1 vol. in folio*¹.

Фантастика приобрела черты реальности! Значит Крылов действительно подарил «Клеопатру» Павлу I.

Но где искать рукопись? Естественно — в библиотеке Павла, находившейся в Зимнем дворце, ведь каталог это удостоверяет! Где может быть эта дворцовая библиотека сейчас? В библиотеке Эрмитажа ее не оказалось...

В Центральном Государственном историческом архиве в Москве я ознакомился с фондом № 728 — «Рукописи библиотеки Зимнего дворца». Вместо сведений о «Клеопатре» здесь нашлась другая рукопись: «Описание пожара Зимнего дворца 17 декабря 1837 года». Из «Описания» я узнал, что пожар уничтожил не все помещения дворца: «галереи, соединявшие главное здание дворца с Эрмитажем, были разрушены пожарными солдатами» и «сокровища Эрмитажа все без изъятия спасены». Запись обнадеживала!

¹ Шкаф 4... I том, в лист.

В каком же помещении дворца находилась библиотека Павла I? На помощь мне опять пришла Ж. К. Павлова, установившая, что павловская библиотека располагалась отдельно от эрмитажной, вместе с ее архивом, в комнатах... главного здания! Незадолго до пожара библиотеку Павла и архив намеревались перевести в помещения эрмитажной библиотеки, но не успели... Итак, павловская библиотека сгорела в главном здании дворца. Надежда найти рукопись «Клеопатры» исчезла...

Но, как выяснилось, сгорели не все книги павловской библиотеки. Проверка этого последнего шанса показала, что сохранились только некоторые дублетные экземпляры.

Окончательно вопрос был решен, когда я нашел еще один документ, прямо говоривший о дворцовой библиотеке Павла I. В архиве Эрмитажа я ознакомился с рукописью на французском языке под заглавием, переводимым так: «Каталог русских книг библиотеки императорского Эрмитажа. Библиотека е. и. в. Павла I». В этом каталоге, на листе 29-м под № 234 значилась следующая запись: «Крылов Изв. Клеопатра. I тетр. в лист». А перед титульным листом каталога я прочел то, что стало последней записью в моих разысканиях. Текст краток:

«Так как рапортом от 21 декабря 1837 года за № 65 между прочим донесено уже было Придворной конторе, что библиотека покойного императора Павла I во время бывшего пожара с 17-го на 18-е декабря сгорела, то каталог сей хранить в архиве Эрмитажной библиотеки.»

Декабря 23 дня 1837 года. Статский советник (подпись).

Поиски таинственной «Клеопатры» закончились. Я нашел ее и... потерял. Но ведь при пожарах бывают самые разные неожиданности. Книги могли быть разбросаны при тушении. Кто-нибудь мог кое-что подобрать. И «Клеопатра», быть может, преспокойно стоит на полке какой-то библиотеки или в шкафу коллекционера.

Диван Ивана Крылова

Среди легенд и анекдотов, опутавших фигуру Ивана Андреевича Крылова, особенное хождение имела легенда о его изумительной лени. Баснописец, надо сказать, сам способствовал ее распространению, надевая маску сонного, ленивого, добродушного мудреца, философствующего сквозь сон...

Применительно к работе Крылова в Публичной библиотеке эта легенда сыграла громадную отрицательную роль, проникла во многие биографии Крылова, в справочники. В самом деле, на что можно было указать человеку, желавшему познакомиться с Крыловым-библиотекарем?

В первой его биографии, напечатанной в 1837 году в журнале «Живописное обозрение», читатель найдет лишь упоминание о том, что Крылов в 1811 году поступил в библиотеку и работает там поныне... (Год поступления указан ошибочно: нужно — 1812).

В книжке Д. В. Григоровича «Дедушка Крылов» (издана в 1845 году) говорится только о его поступлении в библиотеку помощником библиотекаря.

П. А. Плетнев в своей биографии Крылова, опубликованной в 1847 г. в I томе полного собрания сочинений баснописца, обронил летучие слова о диване, на котором Крылов, якобы, проводил свои дежурства в библиотеке... Этот диван стал фигурировать во многих последующих биографических очерках и заслонил всю многообразную библиотечную работу Крылова. Плетнев, правда, писал: «Нельзя однако же сказать, чтобы он не озабочивался иногда и хлопотами по обязанностям службы. Для удобнейшего размещения по безостановочной выдаче брошюр, которых в Русском отделении в новейшее время оказалось гораздо более, нежели книг, Крылов придумал футляры в форме толстых книг и разложил в них по авторам летучие изделия книжной промышленности. Особенно начал хлопотать он по своей должности, когда определялся к нему в помощники барон Дельвиг, столь же беспечный чиновник, сколько был он и беспечным поэтом. Крылов скоро догадался, что прошли для него счастливые годы, какими он был обязан смысленности и трудолюбию Сопикова».

В воспоминаниях библиотекаря В. И. Соболевского приводятся взятые с чужих слов анекдотические сведения о Крылове, в которых центральное место занимает знаменитый крыловский диван! «Я уже не застал того времени, — пишет Соболевский, — когда дежурил Иван Андреевич Крылов, но мне рассказывали, что, придя дежурить после обеда, он ложился обыкновенно на диван и читал лежа, и когда приходили посетители, то он, не вставая, указывал им на шкаф с приготовленными для них книгами и просил брать, что кому нужно».

Этот же обязательный диван представлен и в воспоминаниях О. А. Пржецлавского в «Русской старине» (1874 г.). Такой знаток Крылова, как В. Ф. Кеневич, в своем биографическом очерке, опубликованном к столетию со дня рождения баснописца, лишь упоминает о его библиотечной службе. Историк-литературовед А. Н. Пыпин утверждал: «Заведую Публичной библиотекой, Оленин собрал здесь и Крылова (хотя он был плохим библиотекарем) с Гнедичем, и Востокова с Ермолаевым». В. В. Каллаш включил в биографию Крылова следующие строки, характеризующие характеризовать его как библиотекаря: «В 1812 г. он поступил в Публичную библиотеку, где и прослужил до отставки в 1841 г. ... В Публичной библиотеке он почти ничего не делал». Далее следовала выдержка из упомянутых выше воспоминаний В. И. Соболевского.

Долго бытовали эти легенды и в советское время, так как их нечем было разоблачить. «Колоритные» рассказы прошлого отразились в очерке Б. Реста о Публичной библиотеке («Книги и люди», 1939 г.). Автор, соглашаясь с реакционными анекдотами, обобщает: «и по правде говоря, нам трудно представить себе Крылова, Востокова, Дельвига, Батюшкова и других литературных корифеев того времени, занятыми расстановкой и выдачей книг».

В 1945 году, через год после того, как советский народ широко отметил столетие со дня смерти И. А. Крылова, выходит биография баснописца, написанная Ив. Сергеевым. В трех местах по три строчки в этой биографии отводятся библиотечным занятиям Крылова. Вот они:

«Служба отнимала у Ивана Андреевича много времени, но мало энергии, и он мог свободно заниматься чтением и работой над новыми баснями». Далее он мимоходом дает знакомый уже по XIX веку канонический образ: «Крылов, с его небрежной манерой одеваться, ходить развалисто, жить беспечно, превращая ночь в день и днем засыпать на службе сном праведника...» И, наконец, накладываются последние, увя, знакомые нам мази на портрет: «Библиотека стала для него местом отдохновения: он приходил на службу, укладывался на диване с книжкой в руках и был недоволен, если его отрывали от чтения». Правда, в следующих изданиях книжки автор исправил эту ошибку (в 1955 и 1959 гг.)

До революции лишь один голос

сомнения раздался против хора голосов о ленивом библиотекаре. В 1894 году А. Рождественский писал: «Был ли Крылов на самом деле так ленив, беспечен и бездеятелен, как его рисуют почти все его биографы? Ленивость и бездеятельность великого баснописца-поэта, по моему мнению, крайне преувеличены. Прежде всего должность библиотекаря далеко не так спокойна, чтобы в ней можно было «почить на лаврах». Менее всего мог «спать в библиотеке» добросовестный и честный Крылов. По смерти библиотекаря по русскому отделу Сопикова, Крылову пришлось трудиться особенно много. Его сослуживец по библиотеке Быстров в своих воспоминаниях с благодарностью вспоминает, как много были полезны для него библиографические указания Крылова. Приобрести эти обширные библиографические сведения едва ли было бы возможно, если бы Крылов проводил время в библиотеке в лежании на диване и в чтении глупых романов»¹.

Некоторые сведения о библиотечной деятельности Крылова были опубликованы в 1914 г. в юбилейном издании к 100-летию Публичной библиотеки, но они остались незамеченными биографами писателя. Только в связи с подготовкой и проведением столетия со дня смерти Крылова в 1944 году было обращено внимание и на его библиотечную деятельность, получившую заслуженную оценку.

Мои разыскания, посвященные Крылову-библиотекарю, начались в 1940 году и выявили ценнейшие материалы документального характера о подлинном объеме работы Крылова в Публичной библиотеке. Неоцененным источником данных оказался архив Публичной библиотеки, где кроме личного объемистого дела Крылова хранилось множество разнообразных документов, имеющих прямое отношение к его деятельности за 1812—1814 годы.

Война прервала мои занятия, и только летом 1944 года я смог выступить с первым сообщением о библиографической работе Крылова — на заседании сотрудников Библиотеки в Кабинете библиотеководения.

Следует отметить также, что и другие сотрудники библиотеки занялись изучением библиотечной

¹ Рождественский А. Иван Андреевич Крылов. Очерк жизни и литературной деятельности. Казань, 1894, стр. 33.

работы Крылова и выступали на юбилейном заседании в ноябре 1944 года со своими сообщениями. Так, А. А. Громова разработала общий вопрос «И. А. Крылов и Публичная библиотека». Д. Д. Шамрай поделился материалами на тему «Библиотечное окружение Крылова».

При подготовке к печати юбилейного собрания сочинений И. А. Крылова кроме документов мною были найдены тринадцать служебных писем Крылова к А. Н. Оленину (пять писем обнаружил Н. Л. Степанов, по одному письму — С. А. Рейсер и В. Г. Гейман).

Сведя воедино все полученные материалы как в архиве Публичной библиотеки, так и в других архивах страны (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, Рукописные отделы Публичной библиотеки и Пушкинского дома и др.), я воссоздал довольно полную и убедительную картину библиотечной деятельности Крылова.

Иван Андреевич поступил на службу в библиотеку библиотечарским помощником 7 января 1812 года и работал в этой должности до 23 марта 1816 года, когда был переведен в библиотекарю и оставался в этой должности до 1 марта 1841 года. Все эти 29 лет он работал в Русском отделении, заведя русским фондом и выполняя другие задания директора.

Одним из важных разделов его деятельности было пополнение русских фондов библиотеки, то есть создание русского отделения, потому что в 1812 году русских книг имелось всего... четыре! В октябре 1811 года Александр I утвердил «Положение» об управлении библиотекой, в котором значился весьма важный пункт об обязательной присылке в библиотеку всеми издателями страны двух экземпляров всех выпускаемых ими изданий (книг, периодики, карт, листового и изобразительного материала и пр.). Это была реальная база создания русского отделения, и первая задача Крылова и работавшего с ним В. С. Сопикова и состояла в контроле за поступлением этих обязательных экземпляров литературы.

Сохранился целый ряд рапортов Крылова директору библиотеки Оленину, свидетельствующих, с каким старанием и точностью вел Крылов это дело! Вот, например, его рапорт от 4 ноября 1831 года: «...честь имею представить при сем Вашему высокопревосходительству список книгам с давнего

времени ежегодно издающимся при С. Петербургских и Московских правительствующего сената департаментах и при департаменте внешней торговли, но которых в императорскую Публичную библиотеку от сих мест вовсе не доставляются; между тем посетители библиотеки нередко обращаются с требованиями означенных книг для нужных им справок и соображений». К рапорту был приложен список пяти недоставляемых изданий.

Крылов следил за книгами, поступающими в продажу, объявления и отзывы о которых печатались в газетах и журналах; следил за книгоиздательскими каталогами и сличал их с поступающими к нему изданиями. Это была малозаметная для окружающих, кропотливая ежедневная работа, с каждым годом возрастающая в объеме. И учреждения, и частные издатели постоянно нарушали правительственное предписание о присылке обязательных экземпляров литературы в библиотеку.

Другой путь пополнения Русского отделения — покупка книг — также широко использовался Крыловым. Это касалось в основном старой русской и славянской книги, изданной до открытия библиотеки. Крылов был хорошо знаком с многими издателями и книгопродавцами и умел привлекать их к пополнению книгами библиотеки. Об этом говорят многочисленные найденные нами рапорты и донесения Крылова Оленину. Вот, например, документы о покупке книг у некоего Похорского, который в 1819 году предложил библиотеке 784 книги за 3000 рублей. Крылов дал свое заключение о предложенных книгах, и они были приобретены у Похорского «по одобрению, сделанному библиотекарем Крыловым».

30 ноября 1827 года Крылов рапортует Оленину: «Полагая нужным приумножение недостающих книг по русской части в Императорской Публичной библиотеке, вышедших из печати прежде 1811 года, и, пользуясь выгодным для сего случаем, представившимся ныне, — имею честь донести вашему превосходительству, что с. петербургский книгопродавец Александр Смирдин по приложенным при сем 3-м реестрам представил в Библиотеку различных званий книги по ценам в каталогах его означенным на 12.449 руб. 40 коп. и, скидывая с сей суммы 7152 руб. 20 коп., уступает оные книги за 5297 руб. 20 коп. Сверх сего представил он для покупки газеты С. Петербургские и Мос-

ковские с 1728-го по 1800 год различных годов, 41 год по 5 р. за том в переплете и притом из усердия выменивает около 500 разнопереплетенных книг, поступивших в Библиотеку с 1811 года, на книги тех же званий в одинаковом, лучшем, а многие даже в богатом переплете без всякой платы. Все сие находя весьма выгодным для пользы Императорской Публичной Библиотеки, имею честь представить на благоусмотрение вашего превосходительства».

В декабре эти издания были приобретены, и Крылов получил их в Русское отделение. Через два года по предложению Крылова Оленин приобрел у А. Смирдина новую партию книг, стоимостью в 5000 руб.

Покупка книг осложнялась тем, что правительство не отпускало для этого ни копейки. Оленин изыскивал средства путем сдачи в аренду имеющихся у библиотеки помещений под торговлю книгопродавцам. В 1817 году он вводит Крылова в «домашний хозяйственный комитет», ведавший проведением торгов. Крылов, хорошо знающий книгопродавцов, их нравы, требования и возможности, был весьма полезен в этом комитете и работал в нем до отставки.

Приобретенные книги поступали в Русское отделение в руки Крылова, регистрировались им, просматривались на предмет наличия карт, планов, иллюстраций и всяческих приложений и ставились на полки. Это была следующая часть ежедневной его работы. В архиве библиотеки сохранились «книги поступлений» в Русское отделение с расписками Крылова в получении книг. Далее, на все поступающие книги требовалось написать каталожные карточки, с которых писцы переписывали сведения в рукописные тома каталогов Русского отделения.

Крылов занимался каталогизацией книг с первых лет работы в библиотеке, когда сам переписывал и каталоги на русские книги. Сохранилась тетрадь в лист, писанная его рукой в 1813—1814 годах. На 25 листах Крылов описал 240 книг, главным образом исторических и художественной литературы, поступивших в Русское отделение в эти годы. Этот каталог примечателен тем, что здесь проявилась новаторская мысль Крылова: он смело сломал традицию составления каталогов и указателей по названиям и вынес на первое место автора. Затем, впервые в истории русского библиотечного дела он применил здесь шифровку книг с одновременным

проставлением шифров в каталоге, связывая тем самым местонахождение книги с каталогом. Этим приемом он на 40 лет предвосхитил осуществление подобной связи в масштабе библиотеки. Это обстоятельство мне удалось установить совершенно точно, найдя ныне в фондах Публичной библиотеки книги, зашифрованные Крыловым и отраженные в его первом каталоге 1813—1814 годов. Применил в нем Крылов в небольших размерах и систему ссылок. По всем данным, этот каталог отражал книжный состав какого-то одного шкафа, вмещавшего 240 книг, тогда как всего в Русском отделении к этому времени хранилось уже до 2000 книг.

С 1816 года Крылов принимает участие в громадной работе по составлению генерального систематического каталога на все книги библиотеки, подготавливая материалы по русскому фонду. Кроме того, как и ряд других библиотекарей, Крылов составил для Оленина «Записку», в которой изложил свои соображения о составлении систематического каталога. Главное в них — забота о читателе.

«Достоинство предпринимаемых ныне каталогов, — пишет Крылов, — должно состоять, если не ошибаюсь, в двух главных пунктах: 1-е чтобы требующему книгу легко было прискакать ее в каталоге и занести свое требование так ясно, чтобы библиотекарь не мог затрудниться в уразумении его; 2-е достоинство состоит в том, чтобы библиотекарь в самой скорости мог сыскать книгу о шкапах, где она находится, и чтобы сия удобность прискивания не столько зависела от опытности или долговременной службы библиотекаря, сколько от хорошего способа, придуманного для прискивания книги как в каталогах, так и в шкапах, — которым бы даже совершенно вновь поступивший чиновник мог пользоваться».

Эти две задачи, так удачно определенные Крыловым, стоят до настоящего времени перед любым каталогом любой библиотеки. В «Записке» Крылов предложил ввести по всей библиотеке усовершенствование, уже осуществленное в Русском отделении, а именно — нумерационную тетрадь, своеобразный топографический каталог, то есть ту самую шкафную

опись, о которой шла речь выше и которая позволяла от каталога идти прямо к шкафу — месту хранения книги.

Каталогизационные работы в Библиотеке закончились в декабре 1819 года созданием 12 томов рукописного систематического каталога, из которых два заключали книги Русского отделения. Оленин не предназначал этот каталог для читателей. Для непосредственной работы в Отделении Крылов и Сопиков завели тремя годами раньше другой — «Каталог Российским книгам в императорской Публичной библиотеке находящимся». Объем его равнялся 90 листам. На полях имеются многочисленные пометы Крылова и Сопикова. Впервые в этом каталоге Крылов применил описание под коллективным автором, то есть описывал книги под названием учреждений, например, Академии наук, или университетов, если они были их составителями. В Западной Европе правила описания под коллективным автором были разработаны только в конце 1830-х годов и опубликованы лишь в 1841 году.

Большую работу вел Крылов и по непосредственному обслуживанию читателей в читальном зале, выдавая им литературу и справки. В архиве Публичной библиотеки сохранилось дело (к сожалению, единственное!) дежурств в читальном зале в 1814 году. В нем мы находим записи о посетителях и выданных книгах, сделанные дежурными библиотекарями, в том числе и Крыловым.

Последний дежурил в среднем по два раза в месяц и оставил в книге 14 записей за время с июня по декабрь. Дежурный библиотекарь являлся лицом ответственным за состояние всей библиотеки в течение суток и обслуживал читателей, вызывая лишь в случае необходимости начальство.

В октябре 1815 года Крылов разработал проект новой системы выдачи книг читателям и контроля за их возвращением в отделение. Эта система была введена в действие Олениным с 1 ноября 1816 года. Она стала важным шагом в упорядочении работы библиотеки, и элементы ее сохранились до настоящего времени.

И, наконец, Крылов вел в библиотеке большую библиографическую работу. Так в 1820-х годах

он составил указатели к фонду Русского отделения. До 1941 года этот труд не был известен ни в библиографических, ни в литературоведческих кругах, хотя еще в 1866 году о нем указывалось в отчете Московской Публичной библиотеки и Румянцевского музея.

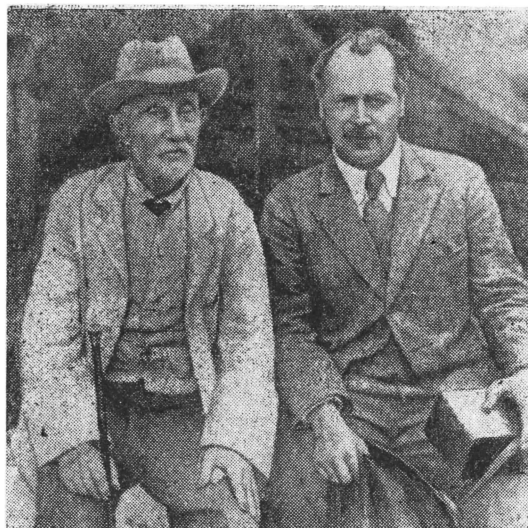
В начале 1941 года мне посчастливилось разыскать этот труд Крылова, поступивший в 1866 году в Румянцевский музей, — в Отделе рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина. Он представляет собой тетради в лист, переплетенные в книгу. На корешке — тисненые золотом слова: «Алфавитный указатель, составленный Иваном Крыловым». На обложке — такое же заглавие: «Библиографические алфавитные указатели, составленные Иваном Андреевичем Крыловым, библиотекарем императорской Публичной библиотеки и писанные его рукою». На обороте первого листа запись, сделанная известным библиографом С. Д. Полторацким: «Эти указатели подарены Крыловым Ивану Павловичу Быстрову в марте 1829 года. Двадцать лет спустя подарены мне Быстровым. 3 марта 1849. Они имеют двоякую цену: 1) как библиографический труд знаменитого баснописца, 2) как автограф. Переплетены в Петербурге 6 марта 1849».

На листе 2-м в левом нижнем углу рукой Крылова поставлена дата начала работы над указателями: «1321 авг. 25». На 83 листах он описал свыше 3300 русских книг, вышедших в период с 1663 по 1822 год. В эту же книгу С. Д. Полторацкий вклеил каталог одного из шкафов Русского отделения, о котором шла речь выше.

Громадную работу в Русском отделении библиотеки Крылов, конечно, не смог бы вести один. В разное время с ним в отделении работали: В. С. Сопиков, М. Н. Загоскин, А. А. Дельвиг, И. П. Быстров. Найденные документы свидетельствуют со всей очевидностью, что Крылов активно участвовал в создании нашего национального книгохранилища, был знающим и трудолюбивым библиотекарем и библиографом.

С. БАБИНЦЕВ, кандидат педагогических наук

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ...

В городке Никольске (Пензенской области), славящемся на всю страну своим знаменитым хрусталем, хорошо знают Андрея Филипповича Разводова. Вот уже около тридцати лет живет он здесь. Но перед этим работал в Козлове Тамбовской области (ныне Мичуринск). С этим городом и связана история редкой фотографии, впервые публикуемой здесь.

На снимке рядом с Иваном Владимировичем Мичуринным — академик Николай Иванович Вавилов, президент ВАСХНИЛ, приезжавший тогда в Мичуринск.

Ученые дружили. Заведующий Основным питомником Центральной генетической лаборатории имени И. В. Мичурина И. Толмачев вспоминает такой случай. Однажды Иван Владимирович узнал, что академик Н. И. Вавилов должен поехать в Америку. Встретившись с ним, он попросил привезти плоды американского каштана. Академик выполнил просьбу. Мало того, ранней весной 1933 года в Козлов пришла почтовая посылка из Англии. В ней были проросшие семена каштана и записка, в которой указывалось, что по просьбе одного американца И. В. Мичурину пересылаются гибридные семена двух видов каштана — высококоростущего и низкоростущего.

Гибридные американские каштаны и сейчас растут в Основном питомнике лаборатории. Из

собранных семян уже выращивается второе поколение каштанов.

Фотография получена от Андрея Николаевича Бахарева — личного секретаря И. В. Мичурина, а в давние годы товарища Разводова по газетной работе. Удалось отыскать и автора снимка. Фотографию в июле 1932 года сделал Владимир Александрович Иванов, несколько лет работавший вместе с ученым.

Тогда же в Мичуринске А. Ф. Разводов стал обладателем и другой редкости. Однажды в книжном развале ему удалось отыскать альманах «Северные цветы» за 1832 год. Раскрыл его, и на предтитульном листе увидел автограф: «Софье Михайловне Баратынской от.». Подпись была неразборчива. Внизу стояла дата — «15 янв. 1832. СПб».

Оказалось, что это пушкинский автограф. Когда «Мичуринская правда» сообщила о находке, буквально через несколько дней Андрей Филиппович получил телеграмму из Москвы. Директор Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевич просил уступить книгу музею. Андрей Филиппович съездил в Москву, и альманах с пушкинским автографом занял свое место в фондах главного литературного хранилища страны.

О. САВИН

В ПЕСКАХ, У КОМАРОВА...

Б. РЯБИНИН

Всякий раз, когда я вижу в журнале или книге подпись под рисунком: «А. Комаров», в глазах у меня возникают крыши небольших уютных домиков среди густой зелени, много крыш и много зелени. Пески...

Вам не доводилось там бывать? Хотите, вместе совершим путешествие?

Если сесть с Казанского вокзала в поезд электрички и отехать от Москвы километров сто, это и будут Пески, небольшой подмосковный городок.

Первый встречный прохожий покажет, где поселок «Художник». Уже из названия ясно, что тут живут художники.

Под ногами шуршит, пересыпается желтыми струйками песок. (Теперь понятно, почему «Пески»). Сухая дорога выводит за околицу и углубляется в березник. Красиво как! Березы высокие-высокие и зеленые, а стволы будто обернуты чистыми белеными холстинами. Неба почти не видно, лишь кой-где голубые окошки. В них проплывают облака. Вдали кукует кукушка.

Вот, за палисадником, и комаровская дача. Навстречу выходит хозяин. Он высокий, приветливый, с чистыми светлыми глазами и остренькой бородкой. Опирается на палку.

— Ноги плохо слушаются, — говорит он.

Ох, и походили эти ноги! Немудрено, что устали.

Большой желтый двухэтажный дом под шиферной крышей. В доме живет родня, часто приезжают друзья. А сам художник редко заглядывает сюда. Он зиму и лето живет в мастерской, посреди большого сада. Туда он и ведет гостей.

Сад старый, разросшийся. Дубы, громадные ветвистые яблони, кусты актинидии, туи. И цветы, цветы. Пионы, маки, ирисы, гладиолусы... Их выращивает жена художника.

К художнику подходит поджарая борзая собака Сильва и трется узкой головой об его руки. Он гладит ее. Приземистый косматый пес

Мурзик следует по пятам хозяина. Улыбается, морщит морду, когда хозяин взглядывает на него. Рассказывают: если художник уедет куда-нибудь, Мурзик прячется и не показывается целыми днями, даже есть не приходит. Грустит.

А вокруг — неумолчный шум леса, щебет птиц. Поют-заливаются петухи в поселке. Гудит парход: близко Москва-река.

Снова где-то вдали послышался печальный голос кукушки. Раньше, когда художник был молод, он нередко загадывал: сколько раз прокукует? Сколько ему жить? Теперь уже давно не считает. Пожалуй, никакая кукушка не сможет наукувать столько, сколько лет жизни у него за печами.

Мастерская — легкое деревянное здание с окном во всю стену. Зимой тут прохладно. Но он привык к этому. У порога лежит каменный медведь — сторожит, чтоб никто не помешал, когда хозяин трудится. Со стен смотрят звери, птицы.

Сколько их тут! Кого только нет! Кажется, все обитатели наших лесов и полей переселились сюда...

Всю свою долгую жизнь художник изображал зверей и птиц. Он рисовал их. Лепил из глины. Писал масляными красками. Вырезал из дерева. Всю жизнь — звери и птицы, животные дикие и домашние. Иногда с человеком, а чаще одни. Волки, медведи, лоси, глухари, рябчики, верблюды, лошади, собаки, кошки...

А это еще кто? Что за чудище готовится прыгнуть с полки? Свернул упругие кольца удав. Лягушка с выпученными зелеными глазами... Да это же корни! Обыкновенные корни деревьев! Голова барана — корни. Сказочный змей горыныч — тоже корни. Береговые корни. Их можно найти на подмытых вешней водой берегах рек. Их увидел, подсмотрел глаз художника.

...Я карандаш, бумагу взял,
Нарисовал дорогу,
Потом быка нарисовал,
А рядом с ним корову...
...Я сделал розовым быка,
Оранжевым — корову...

Конечно, вы помните это стихотворение? Все знают его. И я сразу вспомнил его, когда смотрел на картины Комарова.

Не с того ли начинал и Алексей Никанорович? Не с оранжевой ли коровы и розового быка? Наверное, бывают и такие, только надо увидеть их, как увидел он среди обнажившихся корней готовую ожить квакушу, змея горыныча...

Наверное, все надо увидеть как-то по-своему. Алеша Комаров родился в селе Скородном Тульской губернии. Его мать была простой крестьянкой, и Алеша боронил землю, занимался всякой посильной крестьянской работой, помогая

Потревожили

старшим. И коров пас, и ходил со сверстниками в ночное, гонял табун лошадей. Однажды его чуть не забодал свирепый бык. Только тогда он уже не показался мальчику розовым, потому что это был очень злой бык, которого боялись даже волки...

Воспитывали Алешу тетки, отцовы сестры, жившие под Тулой. Одна из них заменила ему мать и перевезла в Тулу.

Навсегда запомнилось: они шли с теткой по рыночной площади, когда вдруг из дощатого балагана, около которого стояли небольшие вагончики на колесах, донеслись сперва заунывные звуки шарманки, затем яростный звериный рев. Ревел тигр.

В город приехал цирк. В вагончиках на колесах, за железными прутьями, в темноте, сидели звери-артисты.

— Хочу туда,— сказал Алеша. Уцепившись за тетку, он так просил, что в конце концов она согласилась, купила два билета.

Обратно его пришлось вытаскивать силой. Прилип к зверям.

Прежде он видел зверей теплых стран только на картинках. Теперь увидел, как мечется живой тигр в клетке, как его выпускают на арену и он по приказу продерывает всякие штуки.

Глаза у тигра были желтые, такие же, как полосы на шкуре, в них горели кровожадные огоньки. Но он слушался дрессировщика — лазал по шесту, катался на большом гладком шаре.

Представление окончилось, смеющаяся, оживленная публика повалила к выходу, один Алеша не торопился уходить.

На следующий день Алеша снова потащил тетку в цирк. Снова смотрел все от начала до конца. Широко раскрыв глазенки, ждал: вот сейчас случится что-нибудь, тигр бросится и себятерзает укротителя. Должен он постоять за себя! Но ничего не случилось. Грозный зверь был послушен воле человека с хлыстом.

Так они ходили каждый день. Еще издали Алеша старался услышать рев тигра. Ему казалось, что тигр ждет и зовет его, просит помочь ему — открыть клетку и выпустить на волю, чтоб больше не принуждали выступать на арене, не щелкал и не хлестал больно по полосатой шкуре длинный извивающийся бич...

Но однажды пришли — тихо, цирк уехал. Опустела площадь.

Мальчик заплакал. Больше всего ему не хотелось расставаться с тигром. И тигр остался. Да, да! Когда Алеша вырос, он нарисовал тигра. Отныне этот тигр всегда с ним.

Когда он впервые взял в руки карандаш и начал рисовать, точно и сам не знает. Помнит, изображал что-то в теткинх альбомах. Лепил птичек из хлебного мякиша. Учиться было не у кого. В старой дореволюционной Туле даже не было картинной галереи. Разглядывал картинки в журналах — в «Ниве», в «Родине».

С птичьего рынка притаскивал то птичку, то зверька. Дома постоянно была какая-то живность. Бегал ручной скворец по комнате, ночью шуршали соломой морские свинки, дрались норки. Тетка терпела. Была добрая. А кроме того, возможно, она догадывалась, что у мальчика это не просто забава.

Она не забыла, как Алеша целыми днями пропадал на передвижной выставке, где впервые увидел картины великих русских мастеров — Репина, Шишкина, как с горящими глазами воз-

Сигнал опасности.

вращался оттуда и делился впечатлениями. Особенно поразили его шишкинские пейзажи, так напоминавшие Скородное.

Девятнадцати лет, не доучившись в реальном, он уехал в Москву и поступил в школу живописи. Он хотел писать так же, как Шишкин, стать вторым Шишкиным. Тогда он еще не понимал, что не может быть двух Шишкиных, как никогда не будет двух Пушкиных, двух Лермонтовых, двух Чайковских.

Преподавали в школе живописи превосходные художники, среди них Левитан, Серов, чьими произведениями гордится наш народ. И все же он не усидел там долго. Ему было тесно среди стен. Тянуло на простор, ближе к природе. Хотелось слышать галочий крик, видеть, как носятся низко над водой стрижи перед дождем, перекачивается ветер по спелому ржаному полю...

Проучившись два года, он оставил училище. «Ушел на волю, в лес. Променял на зайцев, на костры, дремучие боры», — после говорил он. «Ищи, ищи, — кто-то шептал ему. — Ищи и найдешь!»

Вероятно, это был голос таланта, данный ему от рождения. Талант будоражил и не давал покоя.

Пристально вглядывался Алексей Комаров в жизнь бессловесных существ, населяющих землю, и удивительный, необыкновенный по красочности и неповторимой прелести мир открылся ему.

В дешевеньком провинциальном журнальчике «Народное благо» был напечатан первый рисунок Комарова, за который ему заплатили 5 рублей — первый гонорар художника.

После нескольких лет молодой художник рисовал для журнала «Псовая и ружейная охота». Именно тогда он досконально изучил старинную помещичью охоту с борзыми, набил руку в изображении лошадей и различных принадлежностей охоты, предметов быта. С этого началась и его слава как знатока русской старины.

Затем пришла работа у издателя Сытина, в детских журналах «Светлячок», «Путеводный огонек».

Тут грянула революция. В России родилась новая власть.

Пролетарский поэт Демьян Бедный попросил Комарова проиллюстрировать книжки «Про гуся», «Про попа», в которых он клеймил прошлое и помогал расправиться с врагами нового.

В книжках Демьяна действовали люди и животные. Значит, необходимо было передать характерное поведение тех и других, да посмешнее, чтоб смехом убивать противников Советской власти. С такой же задачей пришлось столкнуться Комарову, когда он взялся иллюстрировать народные сказки и басни.

Теперь уже не розовые быки да оранжевые коровы возникали на его этюдах. От него требовалось большее, гораздо большее — то, что именно и требуется от настоящего художника.

Молодое народное государство предприняло выпуск новых учебников. Учебников нужно было много: все должны учиться. В советской стране не должно быть неграмотных, темных граждан.

Комаров участвовал в издании наглядных пособий для учебников русского языка, по другим предметам. Сколько он их сделал — не счесть! Алексей Никанорович начал печататься в издательстве «Просвещение» с первых дней его возникновения.

Но трудно, ох как трудно стать хорошим художником! Каков бы ни был талант, одного таланта мало — нужно работать много, упорно, изо дня в день, год за годом, с утра до ночи, а иногда всю ночь до самого рассвета. А когда загорится новый день — оплеснул себя холодной водичей, утерся жестким полотенцем, и снова карандаш в руки, снова за дело...

Небось, ребята, разглядывающие картинки в книжках, даже не догадываются, какой труд вложен в самую маленькую из них... Труд целой жизни!

Животных рисовали и до него, до Комарова. Издавали пособия и учебники. Да то было раньше!

Отчего ты, снегирушка, не женишься?

Рад бы я жениться, да некого взять.

Взял бы я сороку,—

говорливая она.

Бзял бы я кукушку,—

тоскливая она.

Взял бы я чечетку,—

она тетка мне...

Знаете эту книжку? Читали? А картинки в ней помните?

— Я делал эту книжку,— рассказывал Алексей Никанорович.— Вот когда я задумался. Сорока — говорливая... А как сделать, чтоб на рисунке она была говорливая? А как нарисовать тоскливую кукушку? Тоскливую, не веселую! Ну, а чтоб все поняли, что чечетка тетка мне... Тут как?

«Отчего ты, снегирушка, не весел?...» Будешь не весел, когда тебе дадут такую работу! И все-таки художник добился своего. И впрямь: когда смотришь на его зверюшек и птиц, кажется, что они вот-вот оживут, загогочат, спрыгнут со страницы и побегут.

Художник подолгу просиживал в зоологическом саду — наблюдал поведение зверей и птиц, делал зарисовки. Он ездил с учеными экспедициями на Алтай, после, один, на Урал.

Навсегда врезались в память образы Башкирии — чудесной горной, поэтической страны. Стерлитамак, Яман-Тау («Плохая гора», — почему плохая? Она понравилась ему...), Белорецкий завод, затерявшийся среди уральских гор... («Говорят, теперь там ничего не узнать: развилась промышленность, нашли нефть, выросли города... Интересно посмотреть бы!»). С ним ездил башкир Гариф Улла. Жив ли ныне, помнит ли его? Дала ли судьба ему такой же долгий век, как художнику, в провожатых у которого он был,

с которым сдружился? Дело было перед войной, в 1914 году. Друг Комарова был мобилизован и направлен на Кавказ, Комаров поехал за ним, и оттуда один отправился в Персию. Видел он и Скандинавию, сказочные норвежские фиорды...

Но сколько он ни ездил в дальние страны, в творчестве оставался всегда русским художником. Россия — любовь его!

Родная природа глядит с его рисунков и картин — живая, многоликая, бесконечно разнообразная и всегда прекрасная.

И, что особенно хочется подчеркнуть в нашем рассказе о художнике, все изображаемое им несет в себе признак именно его, комаровского видения мира, как говорят художники, его манеры. Ну, кажется, что такое корова?.. Нет, не оранжевая из алешиного детства, а обыкновенная корова-буренка, каких стада разгуливают по нашим колхозным и совхозным пастбищам. Но взглянешь, какой она возникла под его волшебной рукой, и сразу скажешь: это — своя, особенная, его корова. Его олень, его борзая, его волк... Вот это и есть талант.

Живописец Комаров, в отличие от некоторых других, всегда изображает свои персонажи — зверей, птиц — в живописном окружении. Даже в самом маленьком рисунке он старается посадить птичку на веточку или травинку, зверя запрятать в лесную чащу, то есть показывает их так, как они живут в природе.

Художников, изображающих животных, называют анималистами.

Алексею Никаноровичу Комарову суждено было стать старейшим советским художником-анималистом. Он, да еще И. С. Ефимов и В. А. Ватагин явились основоположниками анималистического искусства у нас в стране.

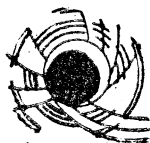
Что он только ни делал! «Путешествие по басням Крылова». «Зоологическое лото». Иллюстрации для научных книг. Рисунки для журнала «Мурзилка», для издательства «Малыш»...

«Много порисовал», — вспоминая эти работы, говорит он.

Целые поколения советских ребят выучились по букварям с рисунками Комарова и даже не знали, что эти чудесные картинки, которые они так любили рассматривать, сделал он. Лишь недавно в наших учебниках и букварях стали писать фамилию художника. Считалось, что это работа незаметная. Но можно ли считать незаметной работу, которая открывает целый мир!

Эту работу оценило наше Правительство, присвоив художнику Комарову звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

14 октября 1970 года Алексею Никаноровичу Комарову исполнился 91 год. Но он по-прежнему не оставляет карандаша и кисти. По-прежнему встает рано, моется холодной водой, завтракает и, совершив прогулку по саду, садится работать — за столом или у мольберта... И, глядя на эту неутомимость, окидывая мысленно взглядом тот большой, наполненный напряженным трудом и непрерывным поиском век, что подарила художнику судьба, невольно приходит на ум, что, наверное, сама природа благосклонна к тому, кто воспекает ее.

Ушел

Художник
А. КОМАРОВ

- Росомаха
- Черные дятлы
- Бурый медведь
- Серенада

A. J. 68

Станислав ГАГАРИН

Рисунки Е. Стерлиговой

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Приключенческая
повесть

Бутылка из-под „Столичной“

Пятнадцатого июля 1960 года, в восемь часов тридцать минут по московскому времени, господин Фридрих Шторр, капитан западногерманского теплохода «Джулиус Пиккенпек», порт приписки—Гамбург, сделал официальное заявление о не вернувшемся вечером с берега радисте Оскаре Груннерте и просил портовые власти Поморска принять меры к его розыску.

Заявление было принято. Одновременно сообщение об исчезнувшем радисте получили работники уголовного розыска, и поскольку дело касалось иностранного подданного, органы государственной безопасности.

Через пятьдесят минут после заявления капитана Шторра полковнику Бирюкову доложили, что играющие в сквере ребяташки случайно обнаружили мужской труп, укрытый в кустах. Прибывший на крики испуганных детей постовой милиционер Федосеев немедленно сообщил о случившемся дежурному по горотделу милиции.

Когда майор государственной безопасности Юрий Алексеевич Ветров, получивший соответствующие указания от полковника Бирюкова, прибыл на место происшествия, труп уже погрузили в машину. Скверик оцепила милиция, не подпуская любопытных прохожих к группе работников уголовного розыска и экспертов-криминалистов, среди которых Ветров узнал капитана Корду, старого приятеля по милицейской службе.

— Здравствуй, Леша, — обратился Ветров к капитану, пожал ему руку, поздоровался с остальными ребятами. — Радист?

— Он самый, — ответил Корда. — Конечно, сейчас сообщим на судно и проведем опознание, но по фотографии на удостоверении личности, которое мы у него нашли, это Оскар Груннерт...

— Что с ним, доктор? — спросил майор у судебно-медицинского эксперта, розовощекого долговязого парня, тщетно пытавшегося раскурить сигарету — спички у него не вспыхивали и ломались.

Ветров щелкнул зажигалкой и поднес врачу огонь.

— Удар ножом в область сердца, — ответил тот, затягиваясь дымом. — После вскрытия скажу точнее, но произошло это десять-двенадцать часов назад...

— Ну что, все осмотрели? — спросил Корда у товарищей. — Никаких следов больше нет?

— Какие там следы, — пробурчал один из сотрудников. — Стукнули парня, и шито-крыто... Чисто сработано.

— Убили его там, на аллее. А сюда приволокли, — объяснил Корда Ветрову. И повернулся к своим. — Один из вас пусть останется и еще пошарит в кустах, в траве. Может, какая мелочь выпала из карманов или убийца что потерял... А мы поедем. Возьмете дело к себе?

— Не знаю, — сказал Ветров. — Убийство — это по вашей части. Я приехал только потому, что он иностранец...

— А то забирай. У нас и другая работа есть.

— На то будет воля начальства, — ответил Ветров, осторожно продвигаясь вдоль отмечен-

49

ных оперативной группой следов. Вот место, где совершилось убийство. Вот заметная борозда на песчаной аллее — это, возможно, убитого тащили к кустам. Обведенные следы ног — они могли принадлежать убийце или убийцам, а может быть, и случайным прохожим. На всякий случай эксперты сделали несколько гипсовых заливок, чтобы потом была возможность сличить отпечатки обуви будущего подозреваемого со следами, оставленными на месте преступления.

— Товарищ капитан, — обратился к Корде постовой милиции, — я разбитую бутылку из-под водки нашел. Водка вроде «Столичная», а этикетка по-ихнему...

— Где бутылка? — спросил Корда.

— Там, за кустами, метров пятьдесят отсюда. Пошли за милиционером.

Корда осторожно взял бутылку и принялся разглядывать этикетку.

— «Столичная» в экспортном исполнении, — сказал Ветров. — Такую можно достать в баре Интерклуба моряков, Свежая?

Корда понохал.

— Запах еще есть... Драка здесь была, что ли?..

Заворчал мотор, и машина с трупом радиста теплохода «Джулиус Пиккенпек» и судебно-медицинским экспертом ушла.

— Приобщите бутылку, — сказал Корда одному из своих помощников. — Проверьте на отпечатки пальцев. И у радиста не забудьте снять. Мне кажется, что эта бутылка его..

— По принципу: он кого-то бутылкой, а его ножом, — сказал молодой сотрудник, которого Ветров не знал.

— И так могло быть, Бессонов, могло быть и так, — ответил капитан. — Ну, Юра, поедем к нам, в управление. Там все и обсудим...

Майор Ветров пригласил капитана Корду в свою машину, и светло-серая «Волга» помчалась прочь от мирного сквера, где минувшей ночью произошло убийство.

Первые сведения

Интернациональный клуб, в котором встречались моряки иностранных кораблей, прибывающих в Поморск, находился в полутора километрах от проходной торгового порта и начинал свою работу во второй половине дня.

Клуб организовывал для моряков экскурсии по городу, посещения театров, вечера дружбы. Проводил встречи иностранцев с интересными людьми Поморска или приезжими знаменитостями.

Работал при Интерклубе и бар. В нем всегда был богатый выбор виски, джина, коньяка, пива и, конечно, русская водка, которой иностранные моряки отдавали должное и предпочитали ее остальным напиткам. Заведовала баром Евдокия Абрамовна Савицкая, женщина в возрасте, которую все звали «Тетя Дуня». Зачастую моряки из других стран, уже бывавшие в Поморске, так и говорили: «Сегодня вечер у тети Дуни».

Кроме того, существовал актив Интерклуба, в основном молодые женщины, знающие языки. Преподавательницы немецкого, французского, английского, аспирантки, переводчицы из морского пароходства и «Инфлота». Собственный штат у Интерклуба был невелик, и поэтому директор клуба Семен Иванович Курбатов всячески привлекал общественные силы, убеждая своих добро-

вольных помощниц в том, что укрепление дружбы между народами это их гражданский долг, а также немалая польза для самих себя: отличная практика в разговорном языке.

Когда майор Ветров пришел в Интерклуб, там еще было пусто, и только в баре слышались голоса. Юрий Алексеевич заглянул и обнаружил там Евдокию Абрамовну, она разговаривала с рабочими, доставившими продукты и напитки. Ветров поздоровался, когда увидел, что его заметили, и, решив пока отложить разговор с барменшей, отправился в кабинет Курбатова. Директор Интерклуба был уже извещен и ждал майора у себя.

...Еще до того, как Ветров и Корда прибыли в управление внутренних дел, к зданию, где оно помещалось, подъехала машина полковника Бирюкова. Несколькими минутами позднее Василий Пименович уже разговаривал с начальником управления. Когда же началось оперативное совещание по поводу убийства радиста западногерманского теплохода, начальник уголовного розыска подполковник Нефедов сказал своим сотрудникам, среди которых находился и майор Ветров:

— Случай, товарищи, исключительно сложный. Данных о мотивах убийства, личности преступника у нас пока никаких. Капитан теплохода «Джулиус Пиккенпек» Фридрих Шторр и ряд членов экипажа опознали в убитом радиста Оскара Груннерта. Судно поставлено в чрезвычайное положение: без радиста оно не может выйти в море. О случившемся сообщили в Москву и посольство ФРГ. Из Западной Германии должен прибыть новый радист, и судно уйдет отсюда. Если убийца среди экипажа «Пиккенпека», в этом случае нам найти его почти невозможно. Но радист убит в советском порту, на нашей земле... Мы не имеем права оставить это преступление нераскрытым и не имеем права затратить на следствие много времени. Вероятно, в этом деле окажутся замешанными иные сферы, где наша компетенция кончается. Поэтому мы будем действовать в тесном содружестве с органами государственной безопасности. Их представляет здесь майор Ветров, вы знаете его как нашего бывшего коллегу. Оперативную группу поручено возглавлять мне и майору Ветрову. И не забывайте, что работать придется с иностранцами. Они не должны подозревать, что мы можем видеть в этом происшествии нечто большее, нежели обыкновенное уголовное преступление, хотя и очень возможно, что это именно так. А что касается майора Ветрова, его участия в этом деле, то считайте, будто Юрий Алексеевич снова вернулся к нам...

— А может, он и насовсем вернется? — подал кто-то в углу реплику.

— А я от вас будто и не уходил, — сказал Ветров, улыбнувшись, — встречаемся чуть ли не каждый день...

— А теперь будете видеться все двадцать четыре часа в сутки, — сказал Нефедов. — Времени у нас мало. Товарищи, свободные от этого дела, могут идти. Пусть останутся... — И подполковник перечислил фамилии сотрудников, включенных в группу. Капитана Корду он назначил своим заместителем.

Когда в кабинете остались лишь те, кому непосредственно предстояло заняться делом Оскара Груннерта, подполковник Нефедов сказал, обращаясь к капитану Корде:

— Давай, Алексей Николаевич, доложи все, чем мы располагаем...

Вскрытие трупа радиста Груннерта подтвердило первоначальный вывод судебно-медицинского эксперта. Смерть наступила около одиннадцати часов вечера в результате глубокого проникающего ранения сердечной мышцы острым предметом, по-видимому, ножом с узким длинным лезвием. В желудке и в крови радиста было обнаружено большое количество алкоголя. Следов борьбы, синяков, ссадин, повреждений одежды эксперты не нашли. Документы, небольшое количество советских денег, часы, золотое кольцо на безымянном пальце правой руки, другие мелочи были на месте. Убийство с целью ограбления, как будто, отпадало, хотя убийцу могли спугнуть и лишить возможности поживиться. Но с другой стороны, в этом случае он не стал бы терять время и прятать убитого, а постарался бы немедленно скрыться. Словом, пока эту версию ни брать на вооружение, ни отбрасывать не стоило...

Найденная милиционером Федосеевым разбитая бутылка показала, что на ней есть следы пальцев, принадлежащие убитому радисту. На горлышке эксперты тоже обнаружили слабые и смазанные следы папилляров и сумели их закрепить. Но при тщательном сличении с отпечатками пальцев убитого выяснилось, что Груннерту эти следы не принадлежат. Значит, он не держал бутылку за горлышко, во всяком случае не был последним из тех, кто держал ее подобным образом. Следовательно, вряд ли Груннерт использовал бутылку, как оружие, хотя можно было утверждать, что бутылка потеряла доннышко при ударе о чью-то голову: на стекле были обнаружены мельчайшие кусочки кожи и два коротких волоска.

Попутно изучали поведение радиста в последний день его жизни: где он был, с кем, что делал...

Вот что удалось узнать из беседы с капитаном и другими членами экипажа теплохода «Джулиус Пиккенпек».

Радист Оскар-Эрих-Луиза Груннерт, 1925 года рождения, уроженец Гамбурга, женат, имел двух детей. Считался первоклассным специалистом, был членом социал-демократической партии Германии. Уголовной ответственности не подвергался. Был по характеру мягким, уживчивым, хорошим товарищем, отличался веселым нравом. Любил крепко выпить, но только на берегу. Экипаж относился к нему уважительно, так как Груннерт был прост и мог при случае постоять за себя и товарищей перед начальством. Врагов, по крайней мере, явных, у него не было. Особо близок он был со вторым штурманом Генрихом Штраухом, который в тот день стоял вахту, со стюардом Иоганном Элерсом и боцманом Вернером Хилльмером. С этими двумя он был вечером в Интерклубе.

Вечер в Интерклубе

— Вчера мы проводили вечер дружбы норвежцев и англичан, — сказал Курбатов. — Было две группы моряков: с английского «Сильверсэнда» и с «Вестерроллена» — норвежского судна. Последнее пришло вчера утром, оно стоит еще на рейде в ожидании места у причала. А для «Джулиуса» мы проводили мероприятие... Подождите, сейчас уточню...

Начальник Интерклуба перекинул листок настольного календаря.

— Вот, — сказал он. — Вечер встречи с моряками из ФРГ. Тринадцатое число. Значит, это было позавчера.

— Следовательно, вы можете утверждать, что вчера моряков с «Джулиуса Пиккенпека» у вас не было? — спросил Юрий Алексеевич.

— Во все не утверждаю. Не было организованных групп с этого судна. А одиночки, уже побывавшие у нас однажды и знающие дорогу сюда, могут заходить к нам, как говорится, «на огонек», вполне свободно. Особой популярностью пользуется у них наш бар. Все они очень быстро соображают, что водка в нашем баре отпускается без ресторанной наценки, и на те же рубли ее можно получить в большом количестве.

— А вот этот человек был у вас вчера?

Майор Ветров показал Семену Ивановичу фотографию радиста.

— Знакомое лицо... По-моему, я его уже видел. Но вам лучше спросить у нашей тети Дуни. Уж если он у нее что-нибудь покупал, она обязательно запомнила его.

— Вчера вы были в помещении Интерклуба в течение всего вечера?

— Да, вчера я задержался до десяти. Обычно я ухожу часов в девять.

— Вы не заметили какой-нибудь ссоры между моряками?

— Нет. Обычно англичане и норвежцы дружелюбны по отношению друг к другу.

— Но этот человек — немец. И с ним были еще два человека, его соотечественники. Не допускаете ли вы, что они могли поссориться с норвежцами или англичанами?

— Допускаю. У нас бывают подобные вещи, редко, но бывают. Особенно в баре... Мы, конечно, всегда начеку, чтоб не дать конфликту разгореться. Вчера ничего такого не было. Во всяком случае, в моем присутствии. Но если бы что-нибудь случилось потом, мне бы уже доложили. Еще раз советую поговорить с Савицкой. Не забудьте спросить и у тех переводчиц, что дежурили вчера.

— Сколько вам лет, Семен Иванович? — неожиданно для самого себя спросил Ветров.

— Двадцать семь, — ответил Курбатов и вдруг покраснел. — А что?

— Да нет, я просто так. Трудно вам, наверно, бывает. Сложная публика...

— Бывает временами трудно. Но дело-то важное, можно и потерпеть...

Он уже справился с замешательством и спросил деловым тоном:

— Пригласить Евдокию Абрамовну?

— Нет, я пойду к ней. Сейчас ведь посетителей не ожидается?

— Первые придут через полтора часа, не раньше...

— Мне, — сказал Ветров, — список переводчиц вчерашних... Не составите, пока я поговорю с Савицкой?

— Список уже готов, — ответил Курбатов. — Вот он, возьмите.

Рабочих в баре, когда майор вошел туда, уже не было. Евдокия Абрамовна возилась за стойкой, расставляя посуду и бутылки.

— Если выпить, то я еще не готова, милый друг, подождать придется, — сказала она Юрию Алексеевичу.

— Нет, нет, Евдокия Абрамовна. Мне надо

поговорить с вами. Семен Иванович сказал, что вы можете ответить на ряд вопросов. Позвольте представиться — инспектор уголовного розыска. Зовут меня Юрий Алексеевич.

— Очень приятно, — сказала барменша. — А как меня звать вы, вижу, уже знаете. Иностранцы, те тетей Дуней кличут... А может, выпьете чего перед беседой? У меня свежее пиво есть, чешский «Сенатор»...

— Бутылочку, пожалуй, можно, — сказал Юрий Алексеевич.

Они сели за один из столиков в пустом зале бара, и Ветров достал фотографию Груннерта.

— Не доводилось вам видеть здесь этого человека? — спросил он.

— Видела, — сказала барменша. — Это немец из ФРГ. Был у меня здесь два вечера. Вчера и позавчера. Первый раз они всей командой были, а вчера он с двумя другими пришел. Пьет крепко, но головы не теряет. Зовут его Оскар, он вчера подходил ко мне, когда бутылку с собой брал, и все пальцем в грудь тыкал и приговаривал: «Оскар, Оскар...». По-русски не говорит.

— Ну и память у вас, Евдокия Абрамовна! — восхитился майор. — А с кем он был вчера?

— Один такой невидный из себя, худощавый и черненький...

«Стюард Иоганн Элерс», — отметил про себя Юрий Алексеевич.

— А второй?

— Второй — приметный парень. Здоровый такой и с рыжей бородой.

«Это боцман, — подумал Ветров. — Значит, все трое были здесь».

— И много они выпили?

— Сначала вот этот Оскар заказал бутылку «Столичной». Они ее лишь и заказывают, хотя у меня полно заграничной выпивки. Да вы что ж пиво-то не пьете? Пейте! Так вот. Взяли они бутылку. В баре было пусто, все в большом зале собрались — норвежцы с англичанами вечер проводили... Ну, не без того, конечно. То один, то двое подбегут, опрокинут для бодрости и снова в зал. У нас такое не возбраняется... А эти заказали бутылку водки, черный кофе и распивали в углу. Потом повторяли по рюмке два или три раза за вечер...

— Вы ничего не заметили странного в их поведении? Они не ссорились?

— Вроде сидели смирно, по своему лопотали, а скандала не было.

— А потом, когда пришли норвежцы и англичане, никто к ним не придирался? Или, может, они к кому-нибудь?

— Когда все хлынули в бар, мне уж было не до наблюдений. Но если б что случилось, я бы об этом знала.

— Вы сказали, что этот человек, который называл себя Оскарсом, брал водку с собой? Как это было?

— Я как-то глянула в тот угол, где он сидел с друзьями, и увидела, что там уже другие ребята. Значит, решила я, ушел Оскар. Потом, минут, наверно, через десять, опять появляется он, плащ держит на руке...

— Плащ? — быстро спросил Ветров.

— Да, плащ. Он на руке его держал...

«Странно, о плаще нам ничего не известно», — подумал Юрий Алексеевич.

— Он подошел ко мне, — продолжала Евдокия Абрамовна, — и показал на бутылку «Столичной», хочу, мол, купить. Я сделала знак рукой, что ему, наверное, хватит, но Оскар показывает, что хочет взять бутылку с собой. Я ему отпустила. Он хотел поцеловать мне руку, потом

купил два значка, памятных, с гербом нашего города, и один из них подарил мне. Вот он.
«Верно,— подумал Ветров, рассматривая значок,— точно такой же был на лацкане пиджака убитого радиста...»

— Значит, вы не видели, как уходили товарищи этого человека?

— Нет, не видела.

— А куда он дел купленную бутылку? Положил в карман или понес в руке?

— Я поставила бутылку на стойку...

— Как поставили? Покажите вот на этой бутылке пива...

— Хорошо...

Евдокия Абрамовна приподняла бутылку «Сенатора», сдавив ее посередине большим и указательным пальцами правой руки, и вновь поставила на место.

— В какой руке держал он плащ?

— Не припомню. Сейчас... Кажется, в правой...

— Значит ушел он с бутылкой в руке?

— Нет. Он сунул бутылку во внутренний карман пиджака.

— Понятно... А не заметили вы, чтоб кто-нибудь пошел за ним следом?

— Тоже не заметила. Народу было много. Вечер-то затянулся, а все хотели поскорее прочистить горло. Хлопот у меня хватало.

— Конечно, конечно, я понимаю, Евдокия Абрамовна... Тогда еще один вопрос. Вы случайно не помните, когда Оскар покупал водку?

— Как же, могу сказать почти точно — была половина одиннадцатого...

— Ну вот, у меня все. Большое спасибо.

— А если он сегодня придет? — спросила барменша. — Может ему водки не давать больше?

— Нет, — сказал майор, — нет, Евдокия Абрамовна. По имеющимся сведениям, этот человек сегодня к вам не собирается...

Когда Юрий Алексеевич покинул Интерклуб, к зданию подъехал автобус. Он привез группу моряков с голландского судна, стоявшего на дальнем причале порта. Ветров решил пешком отправиться в управление внутренних дел, где ждали его капитан Корда и подполковник Нефедов. Пока он ходил в Интерклуб, они допрашивали Элерса и Хилльмера, которые были с Груннертом вместе вплоть до его гибели, а, возможно, и в этот момент...

Друзья убитого радиста

ЭЛЕРС. Оскар любил выпить, но он почти не пьянел. Когда я увидел своего друга с английского судна и пересел к нему, Груннерт был на веселе, но не больше.

НЕФЕДОВ. А Хилльмер?

ЭЛЕРС. Примерно в том же состоянии...

КОРДА. Как зовут вашего друга?

ЭЛЕРС. Джон Хьюстон, механик с «Силверсэнда». Мы плавали с ним вместе на одной старой развалине под либерийским флагом в пятьдесят втором году. На ней и тонули вместе у Канарских островов. Я не видел его с тех самых пор...

НЕФЕДОВ. Расскажите подробно, как вы покинули ваших товарищей.

ЭЛЕРС. Хилльмер ходил к стойке, взял там три рюмки водки, мы выпили. И тут я увидел Джона. С минуту-другую смотрел на него, боясь ошибиться. Но скоро понял, что это он. Я сказал об этом ребятам и пошел к столу Джона...

КОРДА. И больше к Хилльмеру и Груннерту не возвращались?

ЭЛЕРС. Нет. Два раза я смотрел на них. Они сидели вдвоем. Потом к ним кто-то подсел.

НЕФЕДОВ. Кто? Вы запомнили этого человека?

ЭЛЕРС. Нет, он сидел ко мне спиной.

КОРДА. Этот человек разговаривал с Груннертом и Хилльмером?

ЭЛЕРС. Не могу утверждать. Когда я еще раз глянул в их сторону, Вернера и Оскара там больше не было.

КОРДА. И вы продолжали пить с новым другом?

ЭЛЕРС. Со старым, герр инспектор. Правда, я поднялся, когда увидел, что их нет, и выходил на улицу, обошел весь клуб...

НЕФЕДОВ. Почему вы это сделали?

ЭЛЕРС. Мне не хотелось идти одному по незнакомому городу ночью...

КОРДА. И все-таки вы пошли один?

ЭЛЕРС. Нет, я вернулся в бар. Мы с Джоном еще выпили, потом, когда бар закрыли, подали автобус для норвежцев. На нем я и доехал до порта.

НЕФЕДОВ. Когда вы вернулись на судно?

ЭЛЕРС. Думаю, что уже за полночь. Я был довольно пьян и сразу лег спать, ведь мне необходимо рано вставать, чтоб успеть приготовить завтрак...

НЕФЕДОВ. Значит, сразу после того, как вы обнаружили, что Хилльмера и Груннерта нет в баре, вы выбежали на улицу?

ЭЛЕРС. Именно так.

КОРДА. А почему вы решили, что найдете своих друзей там?

ЭЛЕРС. Не знаю.

НЕФЕДОВ. Джон Хьюстон может подтвердить, что вы были с ним? И кстати, где вы расстались?

КОРДА. Прежде чем вы ответите на этот вопрос, господин Элерс, опустите руку в правый карман пиджака и достаньте то, что там лежит...

Капитан Корда сунул руку под газету и вытащил оттуда складной нож. Он нажал пружину, и из рукоятки со звоном вылетело узкое и длинное лезвие.

— Ничего себе игрушка, — сказал Ветров.

— Вот это было у него в кармане. Когда мы приехали за ними на судно, то застали врасплох. Я не спускал глаз с Элерса и заметил, как он, собираясь с нами ехать в управление, хватался за карман, пытался избавиться от этой штуки.

— Но нож сам по себе — еще не улика, — сказал Нефедов, — хотя доктор Хворостенко и говорит, что удар нанесен примерно таким ножом.

— Таких ножей в Гамбурге или ином иностранном порту полно в магазинах, — сказал Ветров. — А крови нет?

— Нет. Все чисто, — ответил Корда.

— Интересно. Джон Хьюстон — его допрашивал на судне Бессонов — говорит, что видел Элерса во сне, — произнес начальник уголовного розыска. — Он настолько перебрал в тот ве-

чер, что спутал он с явью. А где и при каких обстоятельствах он с Элерсом расстался, естественно, не помнит.

— А что сказал обо всем этом боцман Хилльмер? — спросил Юрий Алексеевич.

...На допросе боцман теплохода «Джулиус Пиккенпек» Вернер Хилльмер, 1920 года рождения, гамбуржец, крепкий рослый мужчина с медно-рыжей бородой, показал, что в Интерклуб они пришли втроем, а до этого бродили по улицам Поморска. Посетить бар тети Дуни предложил Оскар Груннерт, он и заказал первую бутылку водки. Потом брал три рюмки Элерс, затем к стойке ходил он, Хилльмер. Они сидели, пили и разговаривали о разном. Затем Элерс увидел какого-то друга и ушел от них. Груннерт предложил выпить еще, но боцман считал, что выпили они достаточно, и заявил о своем желании идти на судно. Они поднялись и покинули бар. Элерс остался в Интерклубе. Когда друзья отошли метров двести, Груннерт вдруг решил взять еще бутылку с собой. Он сказал, что догонит Хилльмера, повернулся и побежал обратно. А боцман медленно пошел через сквер по направлению к проходной порта.

Он миновал сквер, остановился, ждал минут пять, но Груннерта не было, и Хилльмер опять, не торопясь, двинулся к порту. Так он дошел до проходной и, решив, что Оскар застрял в баре в компании с Элерсом, пошел к причалу, у которого стоял «Джулиус Пиккенпек». А утром боцман узнал, что радист Оскар Груннерт на судно не вернулся, и вскоре Хилльмер увидел его труп при опознании в морге.

— Про человека, который подсел к ним, во словам Элерса, вы ничего не спрашивали?

— Нет, Юрий Алексеевич, — сказал Нефедов. — Мы решили оставить этот вопрос до твоего прихода. Может быть, ты из Интерклуба чего принес, так мы все и соединим. Они оба здесь, мы решили их пока у нас подержать...

— Но при таких уликах никто не даст вам санкции на задержание.

— А мы их и не задерживали, — ответил Корда. — Просто попросили подождать, и все. Элерсу журналов натащили немецких, а Хилльмер играет в шахматы с Васей Елиным. Ну, рассказывай, что узнал...

— Немного, — сказал майор. — Барменша в основном подтвердила все, что говорили вам друзья убитого. Правда, она не видела, как Элерс уходил, но, повторяю, ее слова совпадают с их показаниями. Груннерт действительно ушел из бара, а затем вернулся за бутылкой. Ее мы и нашли разбитой на аллее.

— Мы незаметно осмотрели головы Элерса и Хилльмера...

Начальник уголовного розыска поднялся из-за стола и стал ходить по кабинету.

— Осмотрели, — продолжал он, — пришли к выводу, что ни одна из этих голов с бутылкой не соприкасалась. У Груннерта, кроме раны на сердце, повреждений тоже нет. Но бутылкой кого-то явно били по голове... Кого?

— И у Груннерта был плащ. Он ушел с плащом в руке. Так сказала мне барменша...

— Плащ? Но куда он исчез?

— Давайте боцмана, Алексей Николаевич, — сказал Нефедов Корде. — И переводчицу...

— А кто у вас переводит? — спросил майор Ветров, полез в карман и достал список, переданный ему Курбатовым.

— Нина Самойлова, молоденькая такая девчонка...

— Пстой, пстой, — сказал Ветров, — так она вчера была на вечере в Интерклубе... Может быть, сначала ее поспрашиваем, и она, глядишь, чего-то вспомнит?

— Можно, — согласился Нефедов и, когда капитан Корда вошел вместе с боцманом и переводчицей, сделал своему помощнику знак вести немца в коридор и подождать там.

— Вы не возражаете, если мы спросим вас кое о чем? — спросил Ветров.

— Пожалуйста, — ответила девушка. — Спрашивайте.

— Скажите, Нина вы видели этого человека и того, Элерса, в Интерклубе?

— Да, позавчера они были там вместе со своим экипажем на вечере. А вчера я видела вот этого, ну того, что с бородой, Хилльмера, в баре.

— Не заметили ли вы странностей в их поведении?

— Нет, не заметила. Моряки как моряки.

— А этого человека не помните?

Нефедов показал фотографию Оскара Груннерта.

— Да, и этот был в баре. А позавчера он даже танцевал со мной на вечере дружбы... Веселый такой немец.

— Не приходилось вам замечать, чтоб кто-нибудь резко говорил с ним, ссорился, угрожал? Или он кому-нибудь?

— Нет, ничего такого я не приметил.

— Ну хорошо, ладно... Спасибо, Нина, — сказал Нефедов. — Попросите, Юрий Алексеевич, Корду с боцманом. Да, плащ у Оскара был. Когда он решил вернуться в бар, плащ был перекинут у радиста через руку. Что же касается подсевшего к ним человека, о котором сказал Элерс, то это, объяснил Хилльмер, был английский моряк.

— Он подсел к нам, не спрашивая разрешения, — рассказывал боцман, — и молча уставился на нас с Оскаром. Мы тоже молчали. Потом англичанин спросил: «Немцы?» Оскар заулыбался и ответил по-английски: «Да, мы немцы. Не желает ли он выпить вместе?» Но англичанин сказал, что он пьет только с джентльменами. Он был изрядно пьян, герр следовательно. Оскар вспылил, он был добрым человеком, но довольно горячим, я толкнул его под столом ногой и ответил этому типу, что в таком случае пусть поищет компанию себе подобных в другом месте. Англичанин поднялся, и ни слова не говоря, ушел...

— И вы больше не видели его? — спросил Ветров.

— Не видел.

— А не мог Груннерт вернуться в бар, встретить этого англичанина и, вспомнив обиду, завязать с ним драку? — задал вопрос подполковник.

— Вообще, Груннерт не драчлив, но всякое могло быть, герр следовательно...

— Хорошо, посидите в соседней комнате, — сказал Нефедов. И когда за боцманом закрылась дверь, спросил Ветрова: — Поговоришь с Элерсом, Юрий Алексеевич?

— Можно. Спрошу его, зачем он таскает с собой такой нож...

Когда привели Элерса, он испуганно оглядел всех и, увидев незнакомого человека, заискивающе кивнул Ветрову, изобразив на лице подобие улыбки. Невозмутимый рыжебородый здоровяк

Хилльмер производил по сравнению с Элерсом более выгодное впечатление.

— Переведите ему, Нина, что этот господин,— Нефедов показал рукой на майора Ветрова, — хочет знать, зачем стюарду Элерсу такой нож...

— Он говорит, что всегда его носит, на всякий случай...

— А известно ли стюарду Элерсу, что радист Груннерт убит таким ножом?

Когда Нина перевела Элерсу вопрос Ветрова, маленький стюард съехался на стуле, побледнел и закричал: «Найн, найн!»

Затем он быстро заговорил, поворачиваясь то к Нине, то к майору. Девушка едва успевала переводить.

— Нет, он никого не убивал, а нож он всегда носит, они дружили с бедным Оскаром, он ходил к нему домой, хорошо знает его жену и детей, как можно так думать...

— Скажите, что мы не думаем обвинять его в убийстве, пусть успокоится. Сейчас его отвезут на судно, но, возможно, нам придется его еще раз пригласить сюда, если возникнут какие-то вопросы, — сказал подполковник Нефедов.— Вызовите, Алексей Николаевич, Бессонова, пусть он отвезет их обоих в порт на нашей машине. А вам, Нина, большое спасибо за помощь...

— Надо подробно расспросить Хилльмера о внешности того англичанина, — сказал Ветров.— Я думаю, что есть смысл составить словесный портрет незнакомца.

— Я займусь этим, — сказал капитан Корда. — Пойду за Бессоновым и там с Хилльмером поговорю. Вы не хотите мне помочь, Нина?

— Отчего же... Я готова.

Когда немцев увезли, начальник уголовного розыска предложил Ветрову и Корде сигареты.

— Дай огонька, — попросил Корда у Юрия Алексеевича.

— А где же зажигалка, которую я тебе подарил?

— Да знаешь, мы тут незаметно взяли отпечатки пальцев Элерса и Хилльмера, — ответил Корда. — Ну Элерс — тот воды попросил, а боцман закуривал от огонька моей зажигалки. Вот она и исследуется в лаборатории.

Все трое закурили и молча следили за струйками сизого дыма, наполнявшего кабинет.

— Ну и дельце, — нарушил, наконец, молчание капитан Корда. — Скоро сутки, как парня убили, а у нас пока ни одной стоящей зацепки нет.

— Не надо так мрачно, Алексей, — сказал Ветров. — Кое-что мы имеем...

— Давай, Юрий Алексеевич, давай ты, — предложил Нефедов. — Подбей бабки. Чует мое сердце, что все равно ваша контора заберет это дело к себе целиком...

— Ну что ж, могу и я, — согласился Ветров. — Начну с традиционного: кому выгодно? Каковы мотивы убийства? Грабеж? Тут только исчезнувший плащ говорит «за». Правда, грабителя могли спугнуть, и он сбежал, прихватив плащ... Но кто прятал труп? Неясно... Пьяная драка? Не исключено. Месть? Может быть, хотя Оскар Груннерт, как нам говорят, не имел врагов. Но это на «Пиккенлеке». А может быть, его выследил кто-нибудь с другого судна, сейчас в порту, кроме «Джулиуса», еще четыре иностранца. Значит, грабеж, драка, месть, устранение свидетеля.

— И убийство без мотива, — подал голос капитан Корда.

— Такое может быть. Или, допустим, начало далеко идущей провокации, убийство из каких-либо политических соображений. Это уж прямо по твоей части, Юрий Алексеевич, — сказал начальник уголовного розыска.

— Принимается, — отозвался Ветров. — Теперь посмотрим, кто мог убить радиста. Убийцей был человек, которого Груннерт знает, или незнакомец, подкарауливший его на аллее. Радист ушел из бара с Хилльмером, но затем вернулся обратно. Это подтверждает Савицкая, она — последняя из людей, известных нам, дела Груннерта живым. Он вышел из бара с бутылкой водки во внутреннем кармане пиджака, должен был нагнать боцмана, но боцман пришел на судно один, а Груннерта нашли наутро мертвым. Все произошло несколько минут спустя после того, как Груннерт покинул бар.

— Убийца мог выжидать, когда радист останется один, — сказал Нефедов.

— Но если это был грабитель, то он мог стукнуть оставшегося в одиночестве боцмана, — заметил Корда, — или убить того же Хилльмера в целях провокации...

— Ну нет, не скажи, — ответил Ветров. — Если это провокация, то радист — козырь более крепкий. Без боцмана можно выйти в море, а без радиста нет. Нам еще хватит неприятностей с задержкой теплохода, даже если мы и найдем убийцу...

— А может, его боцман того... — Корда щелкнул пальцами.

— Зачем? — спросил Ветров.

— Действительно, вроде это ему ни к чему, — поддержал подполковник.

— Вообще-то кандидатура Хилльмера на роль убийцы не исключается, — сказал Юрий Алексеевич. — Значит, он, потом Элерс, тот задир-англичанин... У Алексея Николаевича теперь есть его описание со слов боцмана. Завтра надо попробовать англичанина поискать. Кто еще? Ну и тот неизвестный «Икс», о мотивах которого мы ничего не знаем.

— У Элерса есть алиби... Правда, он признал, что на какое-то время выходил из бара на улицу...

— Будем держать обоих на подозрении, — сказал Нефедов. — И искать новые зацепки. Объявите, Алексей Николаевич, повсюду розыск плаща радиста. Кроме того, пусть люди вашей группы поищут свидетелей, которые, возможно, находились поблизости в тот вечер и что-нибудь сумели увидеть. Англичанина ты, Юрий Алексеевич, хочешь взять на себя?

— Я или Корда, все равно...

— Ладно, оставим этот вопрос открытым. Уже девять, начало десятого...

— У меня есть предложение, — сказал Ветров. — Не пойти ли нам в бар Интерклуба? Посидим, попьем пива, а ближе ко времени убийства попробуем воспроизвести события по тем данным, которые мы имеем...

— Нас как раз трое, — произнес Нефедов. — Как вчера... Что ж, это дело. А роль жертвы кто возьмет на себя?

— Да хоть я, — засмеялся Корда. — Только учтите, если убийцы вы, то я буду защищаться. Как бы вам туго не пришлось...

— Ладно, ладно, Аника-воин, — подтолкнул его в спину Ветров. — Пойдем уж... У тети Дуни сегодня отличное пиво. Чешское...

— Двинемся пешочком, — сказал Корда. — Погода хорошая.

— Да, можно и пешком, — согласился Ветров. — Время позволяет.

— Но куда же девался этот чертов плащ? — вслух подумал подполковник Нефедов.

Подводная лодка „Зигфрид-убийца“

После нескольких дней шторма, взбудоражившего Северное море, установилась ясная и теплая погода.

Едва стих ветер и улеглось волнение, из Гамбурга вышел английский военный транспорт «Адмирал Ричардсон», направляющийся в Ньюкасл. В регистрационном журнале портовый чиновник в графе «Дата выхода» записал: «19 мая 1945 года».

Десять дней назад закончилась вторая мировая война. Она длилась почти шесть лет и унесла в могилы десятки миллионов человеческих жизней. Теперь люди могли свободно расправить плечи и заняться мирным трудом. Они заслужили это право, сражаясь с фашистскими выродками.

Теперь, казалось, все позади. Никто не хотел умирать в эту прекрасную весну сорок пятого года. Стихли залпы орудий, засветились тысячами огней города, победные салюты расцвели майское небо и потянулись эшелоны и транспорты

с усталыми солдатами, которых так долго ждали дома. Вместе с ними возвращались и те, кто месяцы и годы провел за колючей проволокой концентрационных лагерей, испытал на себе все ужасы «нового порядка».

Пассажиры «Адмирала Ричардсона» как раз и относились в основном к этим двум категориям людей. Здесь были солдаты и матросы американских, английских и канадских частей, находящиеся в Германии. Здесь были узники из лагерей, в основном, бывшие военнопленные. Находились на транспорте и раненые.

Война окончилась, и транспорт «Адмирал Ричардсон» впервые за шесть лет вышел в море без эскорта конвойных кораблей. Пересечь Северное море — несложная задача для опытного капитана Спенсера, если при этом не угрожают больше самолеты и корабли проклятых «джерри». Теперь все это, слава господу, позади, и капитан Спенсер после обычных хлопот, связанных с отходом судна, погрузкой и размещением пассажиров, может позволить себе лишнюю рюмку виски и послеобеденный сон.

На полуострове, где были установлены два банкета а еще не снятыми зенитными орудиями, расположилась группа американских солдат морской пехоты и английские командос. Они слушали, как высокий рыжеватый сержант-командос Стенли Бостон рассказывал о своих приключениях в Норвегии, когда он во время одной из диверсионных операций попал к немцам в плен, чудом избежал расстрела, ведь нацисты не признавали за командос статуса военнопленных, объявляя их бандитами. Бостон сумел уйти из концлагеря, добрался до побережья, оттуда вместе с норвежскими патриотами пересек на рыбацкой шхуне море и высадился в Шотландии, чтобы потом снова, с другой группой командос, быть заброшенным на Скандинавский полуостров.

Да, Стенли Бостону было что рассказать друзьям.

Полуденное солнце старалось вовсю, и начальник медицинской команды распорядился вынести лежащих раненых на палубу. К солдатам, собравшимся на корме вокруг английского сержанта, подошла сестра милосердия и попросила четверых парней пойти с нею, чтобы помочь перенести раненых товарищей на палубу.

Вызвались пойти все, но девушка выбрала двух американцев, канадца и англичанина. Сержант Бостон не попал в их число. Солдаты проводили сестру милосердия восхищенными взглядами, покачали головами, повздыхали, вспомнив ожидающих жен и подружек, и вернулись к рассказам бывалого командоса.

— Я не могу сказать вам, парни, что это был за объект, — продолжал Стенли Бостон, — поскольку и сам не знаю, но только получили мы задание его взорвать. Выброска предполагалась с воздуха, на парашютах. А был в нашей группе один малый, звали его...

Но слушателям не суждено было узнать имя приятеля Стенли Бостона. Он не успел договорить.

Над средней надстройкой «Адмирала Ричардсона» поднялся серо-зеленый столб. Он стремительно рос, нависая над мостиком, потом закрыл его, из треснувшей палубы вырвалось багровое пламя, «Адмирал Ричардсон» сломался пополам, обе половины корабля поднялись равными краями и стали тонуть...

Воздушная волна разметала людей на корме. Сержант Стенли Бостон был сброшен за борт и, когда в воде пришел к себе, то почувствовал, что изо всех сил бессознательно плывет в сторону от погружающихся в пучину останков «Адмирала Ричардсона», так и не добравшегося до Ньюкасла.

Уцелевшие от взрыва и оставшиеся на поверхности люди хватались за всевозможные обломки, плавающие на месте гибели парохода. Сержант Бостон сумел добраться до сброшенного взрывом спасательного плота, взобрался на него, помог вылезти из воды и еще нескольким счастливым.

Наступила ночь. Она была холодной и унесла троих, не дождавшихся утра. Те, кто остался в живых, были обречены, у них не было пресной воды, не было продуктов, одежда не защищала от холода.

Но сержант Стенли Бостон родился под счастливой звездой. На второй день после катастрофы плот был обнаружен с английского гидросамолета. Спокойное море позволило летающей лодке сесть на воду и забрать с собой сержанта-командос и еще троих членов экипажа, единственных, кому удалось спастись после загадочной гибели военного транспорта «Адмирал Ричардсон».

Расследование, проведенное британским адмиралтейством, установило, что в трюмах транспорта находились боеприпасы, не использованные во второй мировой войне. Эксперты пришли к выводу, что по причинам, установить которые не представляется возможным, произошел взрыв опасного груза. «Ричардсон» затонул так быстро, что никакого сообщения с борта судна о причинах взрыва не последовало.

Заключение комиссии было признано убедительным. Родственники погибших на «Адмирале Ричардсоне» получили извещения о смерти их близких при исполнении служебного долга, а военный транспорт был вычеркнут из списка кораблей британского королевского флота...

Никто не хотел умирать в мае сорок пятого года. Самое понятие «смерть» казалось кошмарным в дни, когда, наконец, восторжествовала жизнь. Но люди продолжали умирать...

Барахтающиеся в холодной воде члены команды и пассажиры «Адмирала Ричардсона» не заметили наблюдающий за агонией корабля стеклянный глаз подводной лодки.

В центральном посту управления к окулярам припал человек в форме офицера уже несуществующего германского флота. В его коротко остриженный затылок смотрел другой офицер, в эсэсовском мундире.

Эсэсовец потянул моряка за рукав.

— Хватит, Эрни, разреши посмотреть и мне, — сказал он.

— Посмотри, посмотри, Густав, — сказал тот, кого называли Эрни, — посмотри, как эти победители глотают соленую воду... Всех бы их так!

Он оторвался от перископа.

Эсэсовец прильнул к окулярам.

— Красиво, черт побери, — пробормотал он. — Жаль, нам нельзя всплыть сейчас и расстрелять их из пулемета... Ты достоин еще одного Железного креста, дорогой Форлендер! Такими, как ты, должна гордиться наша партия!

Эсэсовец не преувеличивал. Нацистская партия с полным основанием могла гордиться фрегатен-капитаном германского военно-морского

флота, командиром подводной лодки Эрнстом Форлендером. Эта субмарина, прозванная «Зигфридом-убийцей», оправдывала свое имя. Эрнст Форлендер специализировался на уничтожении беззащитных торговых судов, идущих под флагами нейтральных государств, или тех кораблей союзников, которые не имели надлежащего конвоя и представляли для субмарины легкую добычу.

«Зигфрид-убийца» широко пользовался агентурными сведениями о подстерегаемых им кораблях. Получив необходимые данные, он всплывал на курсе какого-нибудь «нейтрала», поднимал английский или американский флаг и приказывал судну застопорить машину.

Специальная команда, вооруженная автоматами, поднималась на задержанное судно, выводила из строя радиостанцию и начинала самый настоящий грабеж, отбирая ценности у бегущих из воюющей Европы пассажиров и не забывая при этом очистить судовую кассу.

За исключением командира, который не оставял своего корабля, весь экипаж лодки носил для маскировки бороды, и никогда во время подобных операций, находясь на чужом судне, люди Форлендера не произносили ни одного слова на немецком языке.

Ограбив пароход, пираты в форме союзников возвращались на субмарину, которая артиллерийским огнем расстреливала ни в чем не повинное судно и тех, кто был на его борту.

Торговые суда, вооруженные артиллерией, Форлендер торпедировал, не поднимаясь на по-

верхность и подкрадываясь к ним незаметно. «Зигфрид-убийца» выполнял и другие, более delicate поручения рейха, в частности, высаживал немецких шпионов в Ирландии и доставлял в различные пункты секретные грузы.

От немногих оставшихся в живых жертв Форлендера разведки воюющих с Гитлером государств знали о существовании пиратской субмарины, но, кроме этого факта, ничего больше не было известно.

Сообщение о капитуляции фашистской Германии застало «Зигфрида-убийцу» в Северном море. Форлендер только что взял на борт крупного эсэсовского офицера из службы безопасности, который оказался его другом детства Густавом Шеллингом, штандартенфюрером СС. «Зигфрид-убийца» со всем экипажем поступал в его распоряжение. Но штандартенфюрер, прибывший на корабль с таинственным походным сейфом, приказал выйти в море и отлеживаться в дрейфе. Он явно ждал какого-то сообщения, для его приема лодка в определенные часы выходила на связь, и тут пришло известие о крахе «Тысячелетней империи».

Тогда было решено идти в Южную Америку, бросить у тамошнего берега субмарину и затеряться где-нибудь в Аргентине. У нацистов были там заготовлены отличные убежища на случай провала их кровавой авантюры.

«Зигфрид-убийца» пошел на север, надеясь выйти в Атлантику между Британскими островами и Исландией, и тут путь субмарины скрестился с курсом «Адмирала Ричардсона».

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Борис МИХАЙЛОВ

Лось

Опять в стороне от дороги,
У камня в застойном лесу,
Мне встретился лось круторогий.
Его я глазами пасу,

Боюсь шелохнуться средь кочек.
А лось лишь дымком подышал...
Поляну, какую захочешь,
Уже не постелет Урал,

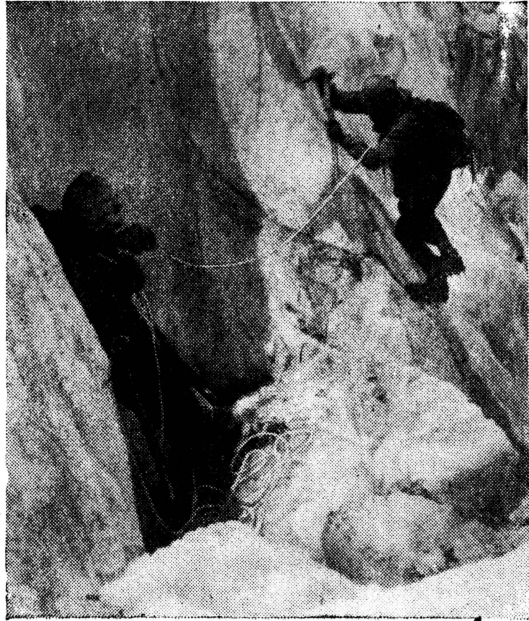
В причуды не очень-то веря,
Гляжу, удивляюсь порой
Ему, запоздалому зверю
В лиловом лесу под горой.

Скачок... Обрывается встреча:
Теряюсь — была или нет!..
И только запомню, замечу
В снегу исчезающий след.

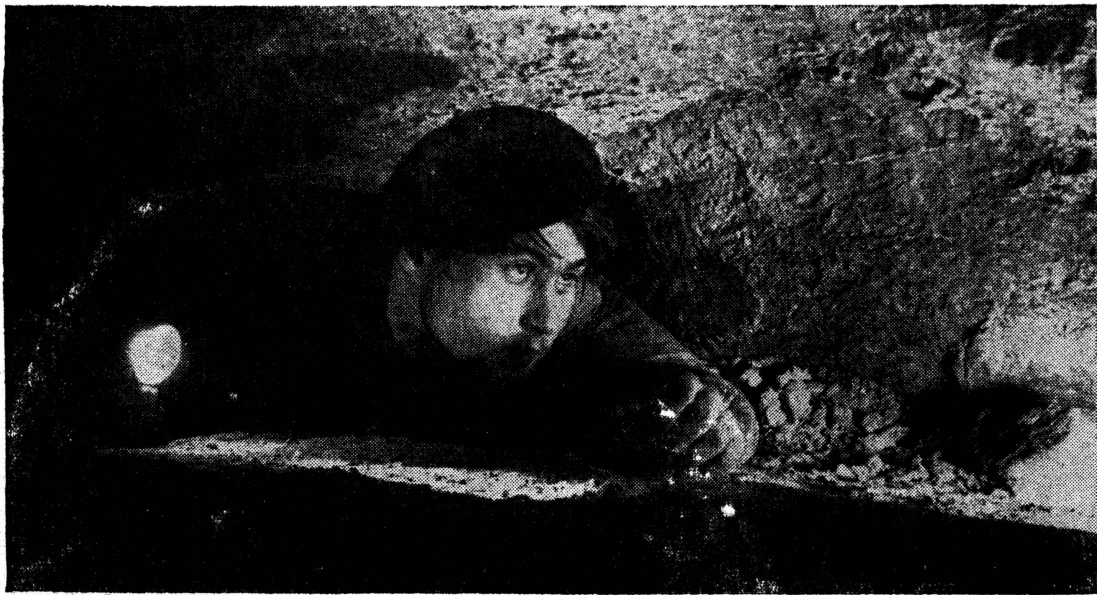

И ВВЫСЬ,
И ВГЛУБЬ...

Фотографии М. Милицына (г. Киев)

Да здравствуют «солнцееды»!

В двадцатых годах много споров вызвал научно-фантастический роман, в котором один из героев, молодой химик изобретает «солнечную машину», представляющую собой обыкновенный ящик со шнеком. Шнек приводится во вращение ручкой. Все волшебство этого ящика заключается в необыкновенном стекле, проходя через которое солнечный свет приобретает способность превращать любой зеленый лист, траву, даже валежник и бумагу в ароматную золотисто-зеленую массу необычайной питательности и вкуса. Кто раз попробовал этого «солнечного хлеба», тот обычную пищу есть не будет, он испытывает к ней отвращение.

Но задолго до появления романа о «солнцеедах», еще в Древней Греции родился миф о волшебной амброзии — пище богов. По преданиям, дошедшим до нас, амброзия давала

богам не только силу, но и вечную юность. И, если проследить внимательно за историей литературы, то в разное время почти у всех народов в той или иной форме возникали сказания, легенды и мифы о пище, которая, подобно древнегреческой амброзии, даст людям счастье и изобилие.

Первый шаг к мечте

Статистика утверждает: ежедневно на земном шаре умирает от голода и недоедания около ста тысяч человек. Страшная цифра, если сопоставить ее с теми колоссальными успехами, которые достигнуты человечеством в области физики, атомной энергии и космических полетов. Ни одна болезнь, ни одна эпидемия, ни одна война не унесла столько человеческих жизней, сколько унес и продолжает уносить голод. Недаром главная задача, которую ставят перед собой коммунистические партии, — достижение обществом изобилия. Достижение

в человеческом обществе такого положения, при котором никто из его членов не будет испытывать недостатка в пище.

Человек может прожить, лишь уничтожая растения или животных. Человек, как говорят биологи, гетеротрофен, то есть зависим от других организмов. Он не может существовать, по крайней мере сейчас, вне земной биосферы. И до тех пор, пока он не обретет независимость от биосферы, то есть пока он не превратится в автотрофное существо, он не только не сможет покинуть земную биосферу, но и не сможет стать властелином природы.

Переберите в памяти продукты, которыми питаются люди. За небольшим исключением (сахар, маргарин) пища сегодняшних людей в основе своей та же, что была и у древних греков и у неандертальцев. Просто она стала разнообразнее, люди научились из того же, скажем, мяса готовить сотни продуктов. Но даже такие, казалось бы созданные цивилизацией продукты, как сахар и маргарин, по сути дела представляют собой тот же самый сахарный тростник, свеклу и

растительные масла, только очищенные, облагороженные да несколько видоизмененные. Точно таким же облагороженным продуктом является и модная сейчас в Японии так называемая «китовая говядина», представляющая собой китовое мясо, в которое для улучшения вкусовых качеств добавляются особые химические вещества — моноклеотиды и глютаминовая кислота. Некоторые оптимисты называют «китовую говядину» искусственным мясом, однако ничего искусственного, то есть созданного руками человека, в этом продукте нет. И тем не менее, «китовая говядина», как и американский тресковый протеин, — первый шаг к осуществлению вековой мечты человечества.

Первые идеи о неизбежной автотрофности человечества сформулировал еще сорок пять лет назад великий Вернадский. Разумеется, в двадцатые годы возможности для научного прогнозирования были слишком ограничены, органическая химия, эта главная отрасль «науки изобилия», тогда еще не могла подступиться к проблеме пищи вплотную. И однако Вернадский, проанализировав развитие земной биосферы в целом, пришел к выводу, что рано или поздно человек, овладев искусственным фотосинтезом и разгадав тайны синтеза белка, этого основного компонента пищи людей, превратится в существо автотрофное.

Примеров автотрофности из класса млекопитающих или вообще позвоночных животных привести нельзя — в этой среде автотрофов нет. И тем не менее автотрофность вовсе не чужда природе. Именно автотрофам обязана на нашей планете жизнь, ибо главным среди них является зеленое растение, в листьях которого происходит фотосинтез. В фотосинтезе берут свое начало все органические вещества — углеводы, жиры, белки, витамины. Все величайшее разнообразие органики происходит из углекислого газа, воды и растворенных в ней минеральных солей. Плюс солнечный свет. На Земле нет более богатой лаборатории, чем фотосинтез. Ежегодно зеленые растения усваивают из воздуха около 170 миллиардов тонн углекислого газа, выделяют 130 миллиардов тонн воды, выделяют из нее 115 миллиардов свободного кислорода, ко-

торым дышат животные. Помимо этого, фотосинтез вовлекает в кругооборот биосферы около двух миллиардов тонн азота и около шести миллиардов тонн фосфора, калия, магния, серы и многих других элементов, без которых не может существовать ни одно живое существо на нашей планете.

И вместе с тем трудно найти более медленную, более неторопливую лабораторию, чем фотосинтез. За сутки один квадратный метр зеленых листьев вырабатывает всего 10—15 граммов органических веществ.

Несколько быстрее, но зато в меньших масштабах, вырабатывают органические вещества другие автотрофы — бактерии. Их великое множество: одни из них питаются атмосферным азотом — так называемые азотобактерии, другие специализировались на газе метане, третьи «питаются» серой, четвертые — железом и так далее.

И растения, и бактерии представляют собой низшие, элементарные живые существа. Именно они — зеленые растения и бактерии — дали толчок к созданию той разнообразной и высокоорганизованной биосферы, которую мы видим сейчас на нашей планете, и существование этой биосферы они поддерживают. Анализируя развитие жизни по нисходящей линии, мы должны прийти к выводу, что прогресс науки позволит человечеству освоить фундаментальный, первичный принцип поддержания жизни — принцип автотрофности.

Котлета из... дыма

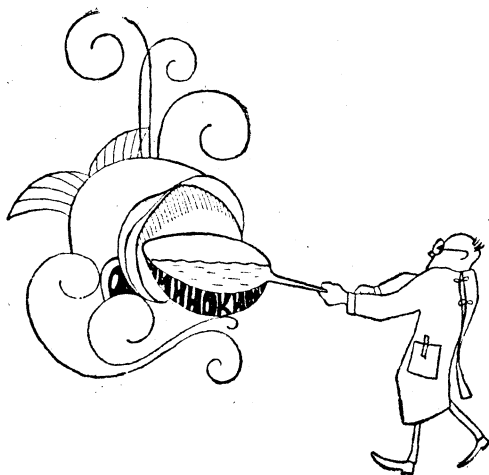
Но идея автотрофности продиктована не только этими, сугубо научными, скорее даже философскими соображениями. Население земного шара растет из года в год, а масса биосферы остается неизменной, примерно 50 триллионов тонн. Более того, в последние десятилетия биосфера, видимо, даже начала уменьшаться из-за интенсивной деятельности людей: отравление атмосферы и вод, уничтожение лесов и зеленого покрова земли.

Быстро уменьшаются и топливные запасы планеты — они тоже являются продуктами фотосинтеза. Так, по самым опти-

мистическим прогнозам, запасов нефти и газа, включая и еще неоткрытые, хватит на 150—200 лет, а еще через три-четыре столетия кончатся уголь и горючие сланцы. Но если с топливом проблема разрешается за счет атомной и термоядерной энергии, то проблема питания людей с каждым годом, несмотря на успехи науки, становится все острее. Если наука найдет способы увеличить продуктивность сельского хозяйства, скажем, в двадцать раз, что само по себе представляет не меньшую фантастику, чем искусственный фотосинтез, и сумеет овладеть всеми богатствами океанов, то в этом случае, опять же по самым оптимистическим прогнозам, на Земле может жить сто миллиардов людей.

Сейчас на Земле насчитывается около четырех миллиардов людей. До ста миллиардов населения увеличится, возможно, через два столетия или несколько позже. То есть как раз к тому времени, когда Земля, видимо, исчерпает все свои богатства и ресурсы. А что же дальше? «Замораживать» рост населения? Переселяться на другие планеты? Все это будет и есть. Уже сейчас многие слаборазвитые страны, где особенно низкий уровень жизни и, наоборот, высокий процент смерти от голода, ведут борьбу за регулирование роста населения. А колонизация других планет по научным прогнозам, видимо, уже начнется во второй четверти следующего столетия. Но и борьба правительств за сокращение рождаемости и будущая эмиграция на другие планеты — это лишь меры, а не решение проблемы. Решение проблемы лежит в другом — в создании синтетической пищи, в основе которой лежит искусственный фотосинтез.

Процесс естественного фотосинтеза состоит из сотен реакций, которые еще предстоит разгадать и смоделировать. О важности этой проблемы говорит хотя бы тот факт, что разгадка советскими учеными даже небольшого цикла реакций фотосинтеза была признана в прошлом году крупным научным открытием. А когда физики и химики прояснят весь механизм фотосинтеза и сумеют воспроизвести его в промышленных масштабах, — перед человечеством откроются ни с чем не сравнимые перспективы,

По своей научной ценности это достижение превзойдет все, что было открыто наукой, включая и овладение термоядерной энергией.

Ценность искусственного фотосинтеза не только в том, что люди получат независимость от природы, но и в том, что на заводах синтетических продуктов скорость, если можно так выразиться, «вызревания» зеленой массы будет во много раз быстрее, чем в обычных условиях. Химики подсчитали: необходимо в среднем пятнадцать лет для того, чтобы атом углерода, блуждающий в атмосферном углекислом газе, был поглощен зеленым листом и вошел в молекулу целлюлозы, глюкозы, протеина или жирной кислоты. Да и коэффициент полезного действия естественного фотосинтеза, точнее коэффициент использования им солнечного света, очень низок: всего два-три процента, это в три-четыре раза ниже к. п. д. паровоза.

Нет никакого сомнения, что в искусственном фотосинтезе процесс создания органических веществ будет протекать в сотни раз быстрее, а солнечная энергия будет использоваться во много раз эффективнее. Эти прогнозы не беспочвенны. Уже сейчас биологам удалось вырастить хлореллу, которая поглощает до трети солнечной энергии, то есть им удалось поднять «солнечный к. п. д.» фотосинтеза почти в десять раз.

Искусственный фотосинтез позволит, наконец, создать

замкнутый кругооборот веществ в городах и промышленных зонах. Человечество будет избавлено от таких проблем, как отходы, газы, мусор, которыми сейчас современная цивилизация отравляет природу. В самом деле, какая разница, из какого первичного вещества извлечь углерод — этот важнейший компонент любого продукта фотосинтеза? Можно углерод извлечь, как это и делают растения, из воздуха, в виде углекислого газа. Но можно сжечь мусор, и в дыме тоже будет содержаться углерод, который можно направить на фотосинтетические заводы. Наконец, миллиарды кубометров дыма, выбрасываемого тысячами тепловых электростанций, мартеновских печей и конверторов — это ведь в основном все тот же углерод, из которого в конечном итоге состоит и хлеб, и молоко, и котлеты.

Шаг второй: фабрики белка

Однако котлету так просто из дыма не получишь. В природе процесс «приготовления» котлеты чрезвычайно долг: сначала зеленые листья при помощи солнечной энергии углерод превращает в протеин, жиры и углеводы, затем в организме животных эти вещества подвергаются распаду и перестройке в белки, которые нам известны в виде молока и мяса.

Таким образом, фабрики фотосинтеза — это лишь первая стадия пищи. Вторая — фабрики животного белка, более богатого необходимыми для человека аминокислотами.

Надо сказать, что и в этом случае, как с фотосинтезом, природа оказалась очень непродуктивным производителем. К. п. д. естественных «фабрик белка» еще ниже, чем у фотосинтеза. По подсчетам профессора Д. Арманда, чтобы прокормить телятиной одного ребенка, надо засеять люцерной поле в четыре гектара. Это происходит потому, что животное львиную долю корма затрачивает не на производство белка, то есть на приращивание массы своего тела, а на свои физиологические нужды. Вот почему в большинстве стран Азии и Африки с очень плотным населением сельское хозяйство практически представлено одним земледелием — животноводством не прокормишься.

Однако со второй стадией синтетической пищи дело обстоит гораздо лучше, чем с искусственным фотосинтезом. Практически уже сейчас наука и промышленность имеют возможность начать выпуск искусственных или полусинтетических продуктов. Разработаны три варианта приготовления таких продуктов: химический синтез, питание смесью аминокислот и микробиологический синтез белков. Наиболее изучен и освоен сейчас последний — микробиологический.

По своему составу микробный белок очень близок к белку мяса и молока, содержит все незаменимые аминокислоты и хорошо усваивается организмом. Поразительна скорость синтеза белков микробами, она в сотни и тысячи раз больше, чем у высших организмов. Если время двукратного увеличения биомассы у мясного скота составляет 720—1500 часов, у поросят — 576—864 часа, у цыплят — 288—576, у травы и растений — 144—288, то у дрожжей и бактерий — всего полчаса.

Питательной средой для микробов служат отходы сельского хозяйства, отходы нефтепереработки, природный газ. Получаемая на заводах биомасса содержит около 40 процентов полноценного белка, жиры и витамины. Пока что она используется как добавка в корм животным, но из нее уже полу-

чены и первые продукты питания человека. Для того чтобы сделать биомассу съедобной, из нее выделяют полезные составные части, очищают их от нежелательных примесей и окрашивают бесцветные и безвкусные порошки в привычные, привлекательные цвета, придают им привычный запах, вкус и форму.

С 1963 года в нашей стране началось выращивание дрожжей на парафиновых углеводородах нефти, а позднее — на метане. В современном аппарате ферментере емкостью 600 кубометров можно получить столько же белка, сколько дает за тот же срок стадо крупного рогатого скота в сто тысяч голов.

Начались в Советском Союзе работы по созданию синтетической и искусственной (еще ее называют полусинтетической) пищи. Последняя отличается тем, что в ее основе природный белок — казеин сои, облагороженный физико-химической и механической переработкой. У нас этими проблемами занимается главным образом Институт элементоорганических соединений Академии наук СССР под руководством академика А. Н. Несмеянова. Несмеянов убежден, что синтетическая и искусственная пища, наряду с ресурсами океана, — тот резерв, который навсегда ликвидирует проблему голода. Параллельно в научных учреждениях биологического профиля проводятся медико-биологические исследования — изучают реакции организма человека на синтетическую пищу.

Решается также проблема «товарности» синтетических продуктов: ведь выделенные и очищенные порошки белков, независимо от того, как они получены, мало пригодны для непосредственного приема в пищу. Им надо придать запах, вкус и структуру привычных пищевых форм. Скажем, синтетическому мясу нужно придать волокнистую структуру, зернистую структуру — икре, слоистую или рассыпчатую — печени.

Любопытно, как проходила дегустация зернистой икры, полученной в институте, возглавляемом Несмеяновым. Даже специалисты затруднились отличить ее от натуральной икры,

выставленной рядом. Касалось это, однако, икры, окрашенной в естественные «осетровые» тона — зеленовато-серый и темно-серый. Точно такую, но окрашенную в ярко-зеленый цвет, дегустаторы попросту обходили.

Во Франции в магазинах появилось печенье из микробного белка, а в США популярен среди вегетарианцев синтетический цыпленок: его мясо формируют из нитей соевого белка и даже снабжают цыпленка сочными косточками из... пластмассы. А советская синтетическая икра получила уже международную известность.

Как ее изготавливают?

В нагретый раствор желатин вносится чистый микробный белок (синтетическая икра) или казеин (искусственная икра). Затем жидкую смесь подают каплями в охлажденное растительное или вазелиновое масло, где из нее образуются зерна — гранулы. Гранулированный студень промывают в воде и подвергают дублению водным экстрактом зеленого чая — это придает желатиновой оболочке гранулы плотность и эластичность. После этого добавляют поваренную соль, растительное масло, рыбий жир, амины и другие вкусовые и ароматические вещества, которые имитируют вкус и запах осетровой икры. Наконец, окрашивают оболочки в серо-черный цвет растворами железных солей пищевых кислот. Эта «химическая икра» вовсе не суррогат в обычном смысле слова, так как в ней присутствует все, что имеется в лучшей натуральной икре.

Разумеется, предпочтение традиционной естественной пище будет отдаваться еще очень долго, тем не менее будущее — за искусственной. В нашей стране намечена организация производства в ближайшие годы синтетических бульонов, искусственной ветчины, колбас, пудингов, ягод и других продуктов.

И будет пища богов

Миф о волшебной амброзии, дающей силу, юность и бессмертие, из Древней Греции перекочевал на Восток и в Европу,

где продержался почти тысячу лет, причем амброзия здесь превратилась в таинственный «эликсир жизни». Во всех этих легендах и мифах о пище богов за покровом мистики скрывается весьма разумная мысль, подкрепленная жизненными наблюдениями: здоровье человека во многом зависит от пищи.

Современная наука определила, что высокую работоспособность, максимальную продолжительность жизни и наилучшую сопротивляемость болезням может обеспечить пища, в которой должно содержаться по крайней мере 65 компонентов в определенных соотношениях. Беда однако в том, что никто идеально не питается хотя бы только потому, что продукты питания во всем мире недостаточны по своей биологической ценности. С одной стороны, в них неправилен набор витаминов, не хватает отдельных микроэлементов и аминокислот, а с другой стороны, человек зачастую страдает от ряда избыточных компонентов в пище. Чаще всего это отдельные жиры, углеводы, экстрактивные вещества.

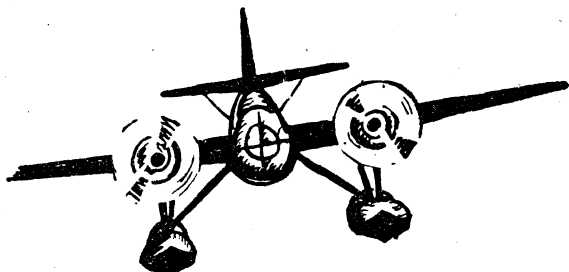
И совсем другое дело — синтетическая пища, состав которой можно варьировать в широких пределах в соответствии с научными рекомендациями. Уже сегодня реален синтез белка заданного аминокислотного состава, и нетрудно представить, каких вершин достигнет в XXI веке «конструирование» пищи с заранее заданными свойствами. Создание новых продуктов позволит ввести детально дифференцированные рационы для профилактики и лечения болезней с учетом климатических, возрастных и индивидуальных факторов, что в свою очередь позволит избавиться от таких распространенных сейчас болезней, как атеросклероз, подагра, ожирение.

И будет время, в этом нет никаких сомнений, когда люди забудут не только о том, что такое голод или недоедание, но и превратят пищу в легендарную амброзию, дающую силу, здоровье и вечную юность. И приблизить это время предстоит вам, молодые романтики 70-х годов.

Д. ФИНКЕЛЬШТЕЙН,
кандидат химических наук

Рисунки З. Баженовой

Блуждающие души

Документальное
повествование

Е. ОВСЯНКИН

Рисунки С. Киприна

6.

Фашистские агенты скоро почувствовали, что об успешном проведении операции не может быть и речи. Они торопят Центр с эвакуацией их из советского тыла. Однако Центр не спешит, требуя во что бы то ни стало выполнить задание. А задание было важное. Позднее, во время допроса, фашистский разведчик Петер покажет:

— Инструктирование перед вылетом производил майор Кристьян. Он разделил нас на две группы: железнодорожную и маршрутную, или топографическую. В первую вошло шесть, во вторую — семь человек. Первая группа должна была выйти к железной дороге, установить интенсивность движения поездов между Москвой и Архангельском, определить характер грузов, следующих в обоих направлениях, а также выяснить, как охраняется дорога. Этой же группе вменялось в обязанность собрать сведения о рейсах транспортных самолетов между Москвой и Архангельском. Перед второй группой ставилась задача: выяснить количество и расположение аэродромов, наличие естественных посадочных площадок, возможность прохождения по грунтовым дорогам, в частности по шоссе Няндомы — Каргополь, моторизованных частей и автотранспорта и определить глубину озера Лача. Кроме того, каждая группа должна была собрать сведения, характеризующие моральное состояние русского населения.

В очередной радиограмме из Центра говорилось: «Ввиду исключительной важности операции вызов групп откладывается... Приказываю во что бы то ни стало подойти к железной дороге. Дважды в сутки передавайте метеосводку. Прекратите панику. Завтра ожидайте самолет в квадрате ГЗ. Направляем продовольствие, питание для раций, яд для собак...»

Окончание. Начало в № 5.

ИЗ ДНЕВНИКА НЕМЕЦКОГО РАЗВЕДЧИКА

Лай собак до нас больше не доносится. Старались свое задание выполнить по мере возможности. Люди голодные, три ночи не спали. Повсюду летающие патрули. Сейчас ребята жадно едят в болоте клюкву. Ничего страшного, с утра — вперед.

...В лесу, на берегу ручья варили остатки пищи. Прошли мимо сплавщиков. Деревню миновали ночью, искушение было зайти к людям, когда увидели, что все окна освещены. Ночь провели в сарае, откуда под утро потихоньку опять двинулись в путь. Тяжела эта дорога для людей, круглые сутки в походе, да еще — голод. Чувствую, что ноги ослабли, временами даже качаюсь. До места, где нас ждут продукты, только 1,3 км, но туда не подойти: днем заметили беспрерывно кружившийся русский самолет, слышны были голоса и ружейные выстрелы. Очевидно, нашли наш лагерь и наши пакеты и теперь производят облаву.

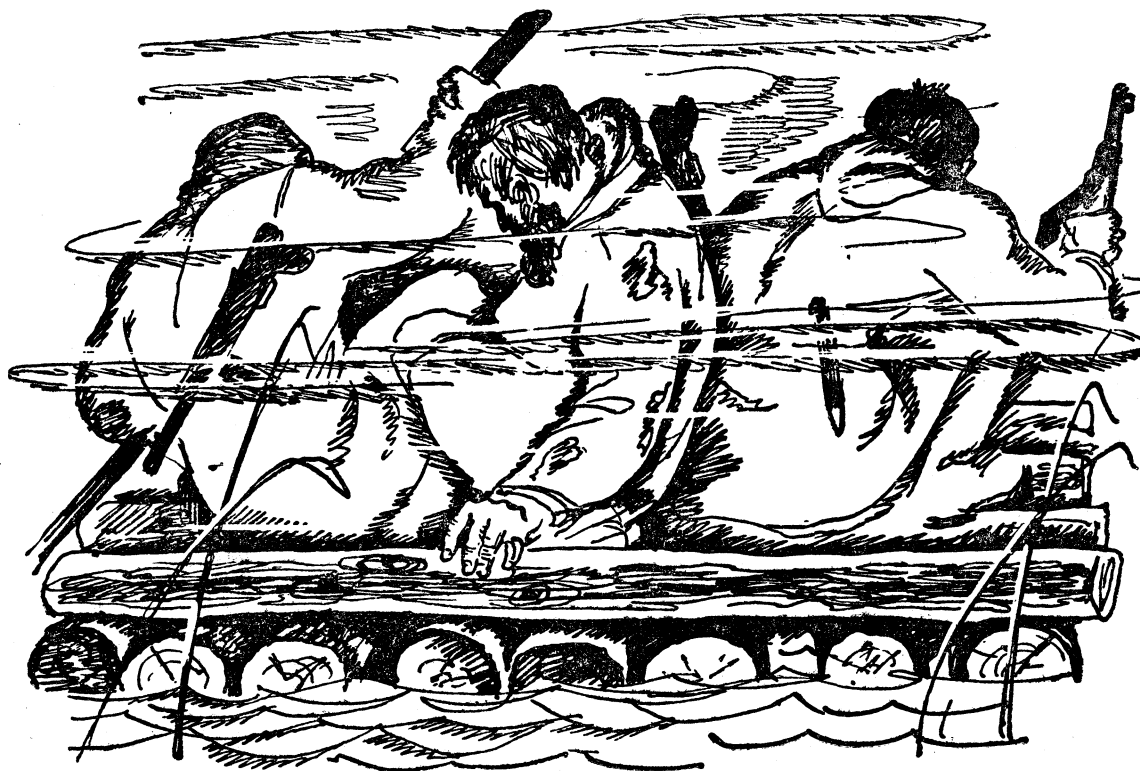
...Сидим в отчаянии, четверо играют в карты. Близок час, когда пищу придется брать с боем.

...Едва прошли два десятка метров, как приметили огонь на берегу реки. Это была охрана моста. Решили атаковать, если нас приметят. Но

на этот раз пронесло. Тихонько двинулись дальше вдоль реки, перевели оружие на предохранитель. Парома не нашли, пришлось самим его изготовить...

...Ссора. Таст обвинил меня в краже продуктов, принадлежавших Кауру, так как я иногда готовил и ему обеды, получив от К. 3—4 куска мяса. Таст совсем не упомянул, что и он при раздаче пищи кое-что утаил: жаловался, что у него пищи больше нет и даже Петера просил поделиться с ним, а у самого было 6 кусков сверх нормы. Бенс тоже жаловался: дескать, получил меньше всех, а сам кушал втихомолку на каждой остановке. «Старик» решил назначить выдавателем пищи другого, т. е. он все же не доверял мне, и об этом я заявлю майору...

...Утром слышали шум своего, по всей вероятности, самолета, но летчик нас не приметил. Нашли контейнер. Большая радость — на пару дней обеспечены питанием. Вечером навещал нас бомбардировщик, кружил над нами, но не заметив нас, взял курс на старый лагерь. Сегодня в 03.39 русские от нас были совсем близко: мы слышали очень много выстрелов. Предстоит возвращение — недельный поход, но кто знает, как долго придется ждать самолет. Видно, что парням хочется домой. Только мне одному стыдно уходить, не выполнив задания. А как же теперь быть с нашими идейными за-

даниями? Это, кажется, так и останется невыполненным...

Опять ссоры. Да, дела наши неважные: снаряжение плохое, нет хорошего вожака. Уже давно хожу с температурой, вдобавок еще пришлось всю ночь проспать на мокрых еловых сучьях. Ночью прояснилось, стало жутко холодно.

...Центр спрашивает: все ли в порядке? как самочувствие? Пусть сами придут посмотрят. Есть приказ: сообщать ежедневно о своем местопребывании, но по каким признакам его определять — неизвестно. Вокруг нас только сплошной лес. Как раз перегорели предохранительные пробки в радию. Беда за бедой. Другая группа от нас очень удалилась.

Ночь промучились в лесу, а рано утром отравились туда, где был спрятан провиант. Здесь все в порядке, русские этого места не нашли.

Напали, как гончие собаки, на контейнер с провиантом. Долго нельзя было возиться, так как русские патрулировали в воздухе. Ночь проведем здесь, а утром продолжим путь, чтобы выбраться из облавы. То, что здесь предстоит большая облава, — факт.

Полло сообщил о положении в Центр, теперь ждем распоряжения. Ребята совершенно изнурены, хватило бы сил хоть убраться восвояси.

...Выбрались из облавы, позавчера в последний раз слышали выстрелы. Долго рыскали по лесу. Теперь находимся поблизости от квадрата 06. Ждем распоряжения из Центра о дальнейшем маршруте. У всех заветная мечта о том, как бы отсюда выбраться.

В условленное время передаем сведения о группе.

8.

Какие сведения сообщили агенты в свой Центр?.. Опытные специалисты настойчиво стремились найти ключ к тайне вражеского шифра. Помог один случай.

На исходе дня в кабинете второго секретаря Коношского райкома партии Орлова раздался телефонный звонок. Сняв трубку, Орлов услышал голос командира одной из поисковых групп:

— Меркий Павлович, сегодня лесорубы дважды разговаривали с базой. Недалеко от хутора Синцибино их видел местный школьник. Наши рабочие ушли на помощь. Однако этих сил, судя по обстановке, недостаточно. Прошу быстро направить в поддержку тридцать возчиков...

— Все ясно. Принимаем меры.

Текст телефонограммы в переводе с условного языка означал следующее: «Сегодня диверсанты дважды связывались с Центром. Наша оперативная группа направилась для их ликвидации. Однако сил для проведения операции мало. Просим прислать 30 бойцов истребительного батальона...».

А тем временем по следу врага уже шли пять человек во главе с проводником собаки Иваном Ивановичем Скорюковым. Враги петляли, хитрили, по многу раз переходя мелкие реки и ручьи, пытались всячески затруднить преследование.

Несколько часов без отдыха двигалась поисковая группа. Под вечер собака заволновалась. Натянув доотказа поводок, она рвалась

вперед. Неожиданно у лесной чащи раздалась автоматная очередь. Бежавший впереди Скорюков был замечен вражеским часовым, который охранял палатку, умело замаскированную в лесной чаще. Бойцы залегли и вступили в бой. Один из вражеских автоматчиков сразу упал, но другие, отстреливаясь, бросились в глубь леса. Во время преследования собака обнаружила еще одного диверсанта — он оказался тяжело раненым.

В палатке среди прочих трофеев удалось обнаружить черновые записки радиста. Они-то и помогли нашим специалистам установить систему цифр и разгадать вражеский шифр.

С этого дня бесконечная, непонятная доселе карусель точек и тире обрела смысл. Все, что шло в Центр, и приказы оттуда становились известными нашим чекистам.

А обмен шифровками участился. Дважды в день обе группы связывались с Центром, вели переговоры друг с другом.

Телеграммы становились все тревожнее: «Нас заметили. Русские непрерывно преследуют... Резведку вести невозможно...». «На нас напали. Погибли РД и ВР. Двое получили ранение. Двигаемся по направлению озера...»

«...Только что выбрались из облавы. Погода становится невыносимой. Холодно, сыро, одежда порвалась. Прошу о немедленном вывозе группы. Р.»

Нет, нелегко было выполнить диверсантам свое задание...

9.

Надоело по горло. Только бы разыскать ребят и тогда совместный путь — к финишу.

Сажу на горе и веду наблюдение. Вечером в 19.00 дали два условных выстрела, чтобы ребята из второй группы знали направление. Но до сих пор они не подают никаких признаков

ИЗ ДНЕВНИКА НЕМЕЦКОГО РАЗВЕДЧИКА

66

...Продвигаемся по два километра в день. Приказ — соединиться с группой Р. Вот только как найти теперь друг друга в этих лесах?

жизни. Завтрашний день пусть нами руководит бог, так как наша судьба в его руках. Да допустит, боже, чтобы соединиться со второй группой и продолжать совместный путь!

...День прошел в ожидании. Утром получили радиogramму от второй группы, они нас просят подождать и подавать сигналы свистом. Мы так и поступили. Видно, они от нас очень близко, но встреча с ними еще и сегодня навряд ли состоится. Вчерашнюю сигнальную стрельбу, а также наш дневной выстрел они должны были слышать, по радио ясно улавливается стук их ключа. Костер поддерживаем непрерывно, отлучаемся от него лишь в крайней необходимости...

Ночи стали совершенно темными. Сквозь густые кроны деревьев редко виднеются даже звезды. Это очень хорошо, так как ничто не сможет нарушить нашего сна. Даже нам самим трудно найти обратный путь к лагерю, когда бываем в разведке.

...Вчерашний день, под вечер, стал самым печальным в нашей жизни. Встретили мы других, но с поникшими головами. Двоих уже нет с ними, они покоятся где-то в России. Как раз были они из тех, кто меньше всего желал находиться среди нас. Это — ирония судьбы. Кроме того, появились двое раненых: Лист немного потяжелее, Ряги легче. Лист чертовски крепок, три раны в ногу, но он бодро тащит свой аппарат. Получили телеграмму из Центра: постараются всех эвакуировать...

В утреннем сообщении нам передали новый конечный квадрат. Еще какая-нибудь неделя — и нашей «прелестной» жизни конец. Нуждаемся в снаряжении, часть уже получили: сапоги, брюки, финские рубашки и батареи для карманных фонарей. Еще бинты и медикаменты.

Оказывается, Старик, спасаясь от русских, оставил свой пакет, даже не проверив его содержание. Спустя дня два после того он стал отрицать, что спрятал для себя в мешке колба-

су. Как ни странно, ведь это он ведет нас здесь.

...Вечером опять началась ссора. Каур заявил, что у него кончились продукты и он принесет из потайного места другой мешок, с хлебом и горохом, которых, как он сказал, ему хватит на довольно продолжительное время. Старик потребовал разделить это продовольствие между всеми. Каур отказался так сделать, заявил, что никто с ним не пойдет к тайнику и никто ничего не получит. Потом Таст накинулся на Петера: тот тоже устроил свинство, съев чужой паек.

Ежедневно между 11—12 и 15—16 часами по два раза ходим в болото, находящееся от нас в трехстах метрах, наблюдать за самолетом, разводим костры, но до сих пор безрезультатно. Пару дней еще выдержим, а там — в деревню, на грабеж. Вчера вытащили из болота пакет, который в прошлый раз упал с нераскрывшимся парашютом. Голод заставил ребят рыть холодную болотную землю пальцами и тонкими сучьями.

...Нам повезло: самолет нашел нас. Сегодня с утра уже готовимся к эвакуации. Вчера была невыносимая погода, шел снег и дождь, и все были мокрые, нас спас только большой костер. Если богу угодно, и он нас направит, то будем через неделю дома.

Взяли направление на запад, вначале шел легкий снег, потом снег усилился, поднялся сильный ветер и ураган. Мы промокли, устали и замерзли.

Несмотря на неоднократные требования Центра высылать метеорологические данные, мы этого не выполняли. Только двигались вперед.

...Неожиданно вышли к озеру. Старик, Таст, Бенс и я ходили в разведку, видели в двух километрах к северу 4—5 лодок и какого-то человека. Ночью возьмем одну из лодок и переправимся через озеро. Теперь мы близки к конечной нашей цели, но дальнейшее не зависит от нас. Посмотрим, как нам повезет.

10.

Несколько поисковых групп приближались к озеру Лача, неумолимо сжимая кольцо вокруг вражеских разведчиков. Капитан госбезопасности Зиновий Иванович Шапенков, возглавлявший группу связистов, получил категорический приказ: непрерывно следить за работой вражеских раций и во что бы то ни стало обнаружить их местонахождение.

Выполнить это было нелегко. Чувствуя опасность, диверсанты выходили теперь на связь по свободному расписанию и после каждого сеанса совершали большие переходы, стараясь запутать следы. Ввиду истощения батарей сигналы их рации становились с каждым днем все слабее.

Настроившись на знакомую волну, наши радисты круглосуточно следили за эфиром из района Нокольского сельсовета. Среди бесконечных шумов и потрескиваний изредка прослушивалась дробь морзянки.

Радиogramма в Центр: «...Вышли к конечному квадрату. Ждем помощи. Русские преследуют...»

Из Центра: «Приготовьтесь к эвакуации. Сообщите точное местонахождение по выходе к озеру. Окрестность хорошо разведайте. Эвакуация состоится между средой и субботой в назначенное время».

В Центр: «Нас продолжают преследовать. Русский самолет крутится около озера».

Из Центра: «Ждите, начиная с 7 часов, большой самолет. Эвакуируем всех сразу».

Рация диверсантов работала в этот день дважды, с 8 часов утра. Место передачи все время было одно и то же — восточный берег озера Лача.

Оценив обстановку, руководитель поисков определил общий план операции.

К возможному местонахождению агентов были направлены на барже курсанты военного училища во главе с Харитоновым. Небольшими группами они высаживались вдоль берега озера.

Взводы истребительных батальонов получили приказ обследовать территории возле трактов Каргополь — Вытегра и Каргополь — Нокольский сельсовет.

...Ранним утром послышался гул гидросамолета. Через несколько мгновений самолет вынырнул из-за леса и, сделав круг над озером, сел на воду и начал подруливать к берегу. Навстречу ему вброд спешили несколько оборванных бородатых людей.

Ближайшая группа наших бойцов оказалась на расстоянии четырехсот метров от самолета, другая — еще дальше.

Курсанты издали открыли винтовочный огонь по самолету и бегом бросились вдоль берега на сближение с врагом. В то время, как они пробежали половину пути, из леса раздались автоматные очереди — это группа вражеских агентов прикрывала своих из засады. Курсанты залегли, открыли ответную стрельбу. Тем временем несколько гитлеровцев уже забрались в самолет. Мотор взревел, и «хейнкель» поднялся в воздух. Оставшиеся на берегу скрылись.

* *

Радиограмма из Центра: «Видели ли или слышали вы самолет? В котором часу он летал и где приземлился? Отвечайте немедленно».

В Центр: «Видели самолет в 8 часов. Он приземлился и улетел. Было столкновение с русскими. Мы измучились. Ждем помощи».

Из Центра: «Группа и самолет потерялись. Сообщите все, что о них знаете».

В Центр: «О самолете не имеем сведений. Уходим от озера, вчера вновь было столкновение с преследователями. Отряд окружен. Видно, что ваша помощь нам невозможна».

* *

Взвод курсантов и бойцы истребительного батальона стали быстро прочесывать лес возле озера Лача, намереваясь захватить вражеских разведчиков.

...На левом фланге общей цепи — трое восемнадцатилетних курсантов: Морозов, Серебряков и Петров. Дойдя до поляны, они притаились. Не заметив ничего подозрительного, стали осторожно пробираться дальше. Но едва они вышли на открытое место, как раздались выстрелы. Морозов упал, сраженный насмерть. Серебряков получил ранение в руку. На помощь поспешили товарищи, но гитлеровцам вновь удалось скрыться.

Спустя некоторое время после вылета первого самолета над озером появился другой «хейнкель». Не обнаружив условных сигналов, сделал круг и улетел обратно.

И сразу же в небе показались два «мессершмитта». Они прошли на малой высоте вдоль берега и, заметив советских бойцов, открыли по ним огонь, а затем обстреляли ближайшую дорогу.

II.

ИЗ ДНЕВНИКА НЕМЕЦКОГО РАЗВЕДЧИКА

...Вторая группа от нас отделилась, связи между собой не имеем из-за плохой слышимости. Утром услышали шум самолета. Подали сигнал, и самолет спустился.

Когда мы были уже на лодках, русские с берега открыли огонь. Только успели подняться в воздух, как увидели, что Старик убит. Погиб и радист, а пилот ранен. Через 20 минут испортился второй мотор и мы должны были сделать вынужденную посадку...

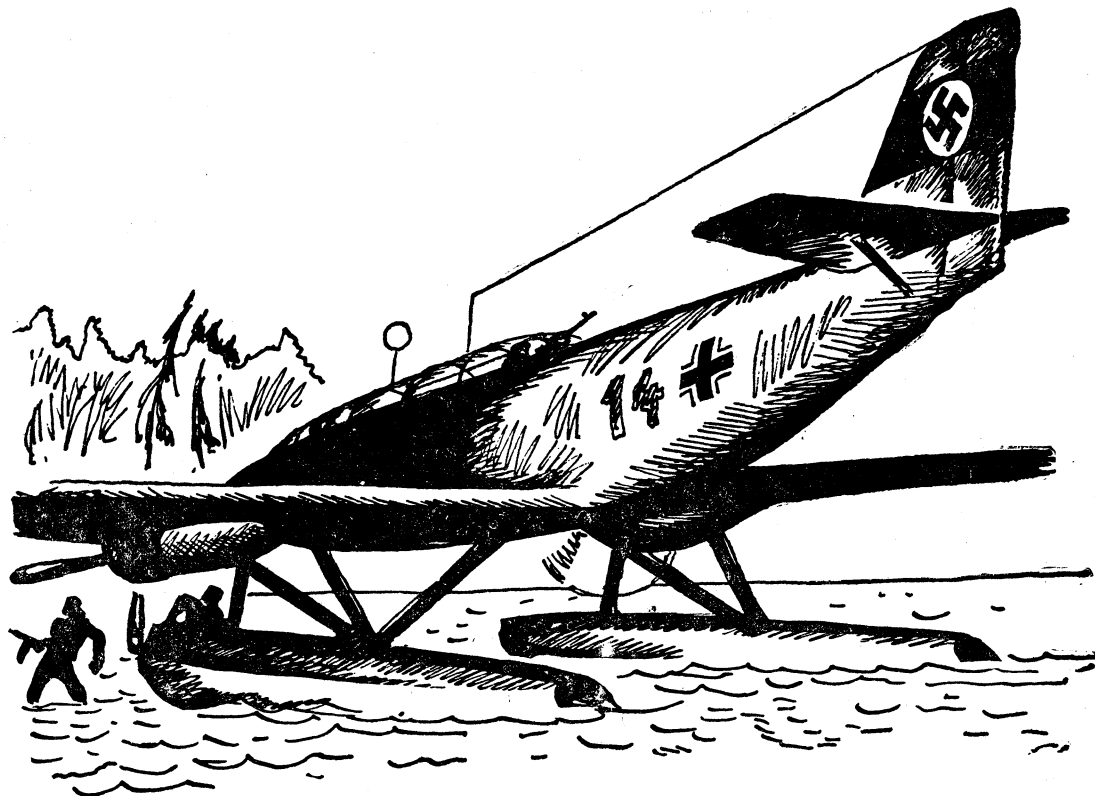

12.

Ранний снег покрыл землю, резко очерчивая темное, еще не замерзшее озеро. Около девяти утра над Юнгозером раздался резкий гул авиационного мотора. Из всех домов деревни высыпали люди. Счетовод колхоза «Дружба» Анна Мамонова отыскивала взглядом низко летящий гидросамолет. Вместо красных звезд на крыльях и хвостовом оперении чернели кресты. Самолет с трудом дотянул до озера

цы забрали у него вещевой мешок с продуктами и скрылись, оставив раненого на дороге.

...Председатель колхоза имени Октябрьской революции Афанасий Васильевич Пахомов, захватив топор, пошел нарубить дров. В полукилометре от деревни Остров-Заречье из-за кустов раздался требовательный окрик: «Руки вверх!» Шестеро рослых, вооруженных автоматами парней окружили его, схватили за руки и повели в

и, обдирая брюхо о камни, выбросился на восточный берег.

Председатель колхоза Алексей Матвеевич Богданов бросился к телефону и сообщил о случившемся в сельсовет.

Вскоре к самолету прибыли бойцы истребительного батальона. Зеленоватый фюзеляж и особенно крылья были во многих местах пробиты пулями. Над штурвалом сник пилот, на полу лежали радист и какой-то бородатый человек в мокрой изорванной одежде. От самолета в лес вела свежая узкая тропка, по которой ушли гитлеровцы.

Незванные гости очень скоро дали знать о себе.

Из деревни Новолок по дороге в Кривцы шел мобилизованный на оборонные работы Григорий Анисимов. На полпути его окликнули из лесу. Почуввав недоброе, он ускорил шаг. Выстрел в ноги свалил юношу на землю. Пришель-

цы, разложив на пне карту, начал допрос: «Почему не на войне? Много ли мужчин в деревне? Как называется ваша деревня? Где Пудож? Как пройти к Онежскому озеру?..»

Угрожая пистолетом, старший потребовал:

— Нам надо поесть, веди нас домой и накорми.

Пахомов жил на краю деревни. Жена его, как только вошли люди, затопила печь и поставила самовар.

— Вот только хлеба у нас нет...

— Магазин далеко? — спросил гитлеровец.

— Тут, в деревне.

— А ну, пойдём!

Испуганная продавщица подала хлеб, махорку, соль. А тем временем Пахомов, уловив момент, выскочил из дому, перемахнул через изгородь. Добежав до конюшни, вывел неоседланную лошадь и галопом помчался в лесоучасток, где стояла воинская часть...

ИЗ ДНЕВНИКА НЕМЕЦКОГО РАЗВЕДЧИКА

Пилотов, которые были тяжелоранены, мы сами пристрелили и оставили в разбитом самолете. Теперь, как бедные черти, воруем и грабим по деревням продукты и продвигаемся по направлению к фронту. Идти еще 250 километров. Неизвестно, выдержим ли. Но надежды мы еще не потеряли.

К вечеру добрались к баракам, а еще раньше перешли маленькую речонку. Прошлую ночь спали под открытым небом.

В деревне Остров ограбили магазин. Теперь у нас имеются папиросы и карамель. Ночь провели в стоге сена, в 24.00 была стрельба.

Лесная мельница. Обзаводимся лодкой и переправляемся через озеро. Ночью — буря. Дележка продовольствия. Всю ночь в марше.

...Отдыхали и спали. Продвинулись мало.

...Целый день в марше. Слышали выстрелы из пистолета.

...Марш назад. Ночью только грабеж.

...Марш продолжается.

...Направление на Запад.

Отдельный стрелковый батальон НКВД нес пограничную службу вдоль Онежского озера. Линия фронта проходила далеко, но пограничники всегда были настороже. Выходя в дозор, брали с собой гранаты — нередко приходилось вступать в перестрелку с диверсантами и шпионами.

Осенью 1942 года в штаб погранчасти поступило несколько донесений.

«...Бандитская группа в составе шести человек, вооруженная автоматами, появилась у деревни Остров, захватила в колхозе хлеб, картофель, полушубок и скрылась в направлении города Пудож. Поиски не дали результатов...»

«...В деревне Наволок диверсанты обстреляли колхозников, отобрали у них хлеб и бежали в лес. Один человек ранен...»

«...Бандиты ограбили подводу, на которой учительница везла подарки из Пудожа для учеников одной из деревенских школ, ранили подростка Анисимова, отобрав у него мешок с хлебом».

Были и другие сообщения.

Командир батальона войск НКВД майор Чернигов приказал создать разведочно-поисковые группы круглосуточного действия. Одна из таких групп во главе с командиром отделения молодым коммунистом Василием Ильичем Мищенко получила следующее боевое задание:

«Группе Мищенко с одним ручным пулеметом... двигаться по лесной тропе левым берегом реки Водлы до дороги Семеново — Великодворки, пройти 10—11 километров до просеки, далее идти на запад до берега Онежского озера. При следовании через населенные пункты Громовское, Рабочий поселок, Первомайский, выполнять задачу патруля... Тщательно проверять всех лиц, продвигающихся по маршруту движения группы, осмотреть все пустующие бараки, лесные избышки, стога сена, болота Литинское и Вармох, при обнаружении противника действовать решительно, окружить его, задержать или уничтожить...»

Четверо бойцов двигались по угрюмому ночному лесу: впереди — стрелок Петр Еремкин, за ним — командир группы — младший сержант Мищенко, дальше, на некотором расстоянии друг от друга, — пулеметчик Иван Аикин,

стрелок Иван Степин. У каждого винтовка с запасом патронов, по три гранаты, у пулеметчика — три заряженных магазина.

Идти было трудно — ранний снег почти весь растаял, под ногами хлюпала грязь.

Пробираясь по тропе, патруль вышел к заброшенной избышке. Невдалеке от нее бойцы остановились. На фоне реки Водла ясно вырисовывались очертания избышки и штабелей дров. Мищенко заметил на тропе свежие следы. Командир решил осмотреть избышку. Быстро распределил обязанности между бойцами: Иван Аикин залег с пулеметом у штабеля за бревном, напротив двери. Иван Степин и Петр Еремкин встали наготове у окон.

Выйдя, когда товарищи заняли места, Мищенко вошел в сени и, резко толкнув дверь, громко крикнул с порога: «Встать! Руки вверх!» Затем переступил порог и огляделся.

Пятеро сидели, склонившись над столом, на котором лежали автоматы. Шестой примостился на скамье у двери. От неожиданности никто не двинулся с места. Исход поединка решали секунды...

— Руки вверх! — громко повторил Мищенко. — Стрелять буду!

И в ту же секунду, осыпая звоном, посыпались осколки стекла, в окно с улицы просунулись стволы винтовок.

Один за другим все шестеро гитлеровцев вышли из избышки.

— Руки вперед, лицом вниз ложись! — командовал Мищенко. Гитлеровцы были обысканы и связаны. У них оказалось четыре автомата и четырнадцать магазинов к ним, шесть пистолетов, две ракетницы, пять компасов, бинокль. Пленных и оружие погрузили на лодки и доставили в штаб.

За решительность и личное мужество, проявленные патрулем, сержант Мищенко и Еремкин были награждены медалью «За отвагу», а Степин и Аикин — медалью «За боевые заслуги».

Но осталась еще одна группа вражеских десантников. Повернув назад от границы, она пыталась скрыться в лесу. Упорно шли чекисты по следам врагов.

В архивных документах неоднократно упоминается имя коммуниста Ивана Николаевича Цы-

бина. День и ночь вместе с товарищами преследовал он гитлеровцев. Несколько суток без отдыха шел в составе поисковой группы боец истребительного батальона бухгалтер Каргопольской МТС Алексей Васильевич Машталыгин.

Сотни жителей Коношского, Каргопольского и Няндомского районов помогли обезвредить опасного врага. И вот — финал:

«...Две шпионско-диверсионные группы полностью ликвидированы, — говорилось в специальном сообщении в Наркомат внутренних дел СССР. — 9 разведчиков задержано, 4 убито при столкновениях. В ходе операции изъято пять баз с продовольствием и экипировкой, 2 радиостанции, шифры, топографические карты, аэрофотокарты, дневники, 10 автоматов, 13 пистолетов, 1 винтовка, 13 тысяч боевых патронов, аппарат для подслушивания телефонных разговоров, радиоприемник, сигнальные фонари, 25 парашютов, резиновые лодки, бинокли, маскировочные костюмы и пр... У разведчиков изъята карта местности, где они действовали, с нанесенными на ней квадратами и знаками. При помощи этой карты вражеский Центр разведки следил за продвижением агентов по нашей территории...»

* * *

Почти тридцать лет прошло с тех пор, как советские люди сорвали далеко идущий замысел фашистского командования.

События в далеких северных лесах были частью общей борьбы советских органов государственной безопасности с немецко-фашистской разведкой. Показания разведчиков, захваченных на севере, позволили раскрыть план военной разведки.

Это началось еще в сентябре 1941 года. В Таллине, Риге и других городах появились шпионско-диверсионные школы. Они действовали под названием «Бюро Целлариуса». Бюро подчинялось одному из управлений абвера.

Абвер — военная разведка фашистской Германии — был первоначально небольшим отделом военного министерства, который перед началом второй мировой войны вырос в мощное ведомство. Во главе абвера стоял опытный мастер шпионажа Вильгельм Канарис. Канарис сумел сплести густую шпионскую сеть, которой он опутал многие государства мира.

С началом войны при крупных военных соединениях абвера возникли также полевые оперативные органы абвера — абверкоманды и подчиненные им абвергруппы.

Для руководства этими органами был создан оперативный штаб «Валли», который размещался недалеко от Варшавы. Полевые органы абвера вместе с войсками вторглись в пределы Советского Союза.

На оккупированных врагом территориях являлись опытные абверовские организаторы шпионажа и диверсий. Разведчиком № 1 Канарис по праву называл Целлариуса.

Авторы недавно вышедшей в свет книги «В поединке с абвером» так пишут об этом германском разведчике: «В Эстонии начала действовать агентура матерого абверовца фрегатен-капитана Александра Целлариуса, который еще в конце тридцатых годов, прикрывшись дипломатическим паспортом, возглавлял филиал абвера в Финляндии и считался специалистом по Ленинграду и Балтийскому флоту. Целлариус пользо-

вался особым доверием адмирала Канариса. Собрав вокруг себя старых белогвардейцев и бежавших из Эстонии при восстановлении там Советской власти в 1940 году реакционеров-националистов, Целлариус сформировал из них несколько банд и переправил через Финский залив для террористической и диверсионной деятельности в тылах отступавших частей Красной Армии. После захвата Эстонии фашистами со своим штабом переехал в Таллин и вел работу против Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота на протяжении всей войны»¹.

Провал молниеносной войны против СССР заставил Канариса пересмотреть стратегию разведывательной службы, направленной против СССР. Суть изменения сводилась к тому, чтобы расширить подготовку квалифицированной агентуры, вести разведку не только прифронтовой полосы, но и глубинных районов. При этом ставилась цель забрасывать таких агентов на направления главных ударов немецко-фашистских войск и на основные коммуникации наших войск.

Осенью 1941 года на очередном совещании у Канариса Целлариус получил новое задание. Возвратившись от шефа, он вызвал к себе группу доверенных агентов.

— Нам нужно сейчас готовить агентов, — говорил Целлариус, — которые могли бы длительное время работать в условиях глубокого советского тыла и давать квалифицированную информацию. Это должны быть здоровые физически люди, способные быстро совершать длительные переходы в лесах, хорошо ориентироваться в них, а главное добывать широкую информацию. Особое внимание надо обратить на подбор радиостов, которые сумели бы поддерживать регулярную связь с нашим центром с далекого расстояния и передавать необходимые сведения. Вам предоставляется полная свобода действий на призывных пунктах, в гарнизонах близлежащих городов. Отбирайте самых лучших.

Сотрудники разведслужбы выполнили приказ. Кого только не вербовали они в эти группы! Были тут и участники европейских соревнований по марафонскому бегу, по стрельбе, по легкой атлетике. Часть из подобранных людей ранее уже выполняла шпионские задания. А один из них был даже награжден железным крестом II степени. Особенно тщательно отбиралась группа для работы на Севере.

...И вот тринадцать новобранцев приступили к занятиям. За высоким забором на одной из улиц Таллина притаился маленький, тщательно охраняемый особняк. Опытные специалисты обучали бывших «спортсменов» тайнам шифровки телеграмм и радиододела, топографии, ходьбе на лыжах, стрельбе из пистолетов и автоматов, умению допрашивать советских людей...

Все курсанты имели подробную карту Коношского и Каргопольского районов Архангельской области, а также Пудожского района Карельской АССР, где им предстояло применить свои знания. Лыжные тренировки, прыжки с пара-

шютом проводились в Финляндии, в условиях, приближенных к району предполагаемой высадки. Упорно, в течение нескольких месяцев, обучались будущие разведчики.

«Майор Кристьян, инструктировавший нас перед вылетом, — показывал на допросе разведчик по кличке Таст, — напомнил нам текст подписки, которую каждый дал при вербовке. В этой подписке говорилось:

«Поступая на службу, даю подписку, что буду выполнять все приказы офицеров и командиров, никогда и никому не рассказывать о них, буду воевать с врагом, не жалея сил и крови...».

Майор пугал нас, что в советском плену пленных пытаются и мы ни в коем случае не должны попадаться живыми в руки русских.

Нас заверили, что на такое задание мы пойдем только один раз, а после его выполнения получим отдых и хорошие места в армии...»

Абвер пытался осуществить шпионско-диверсионные акции на Севере и в последующий период Великой Отечественной войны. В октябре 1943 года в Вологодскую область была заслана группа из пяти диверсантов. Они должны были подобрать посадочную площадку для приема немецких самолетов и совершать диверсионные акты в районе Северной железной дороги. Однако этот замысел претворить в жизнь им также не удалось. Сразу же после приземления группа попала в руки чекистов. Советские органы государственной безопасности, используя захваченную у диверсантов коротковолновую радиостанцию, регулярно передавали противнику ложные сведения о передвижении частей Советской Армии, военной техники по железной дороге. Фашистская разведка, поверив этим сообщениям, забросила на Север еще одну группу из двадцати диверсантов. Но все они были обезврежены.

В событиях 29-летней давности, происшедших на Севере, как в капле воды отражаются мужество советских людей, неразрывная связь фронта и тыла. И недаром правая рука шефа гитлеровской разведки — абвера — адмирала Канариса Ганс Пиккенброк, человек, направлявший с 1936 по 1943 год всю шпионскую работу против Советского Союза, с горечью признавал: «Необходимо заметить, что за время моей разведывательной работы против СССР военная разведка не выполнила поставленных перед нею задач. Это зависело не от плохой работы германской разведки, а от хорошей советской контрразведывательной работы, высокой бдительности и только военнотружущих Красной Армии, но и гражданского населения»¹.

...Многие из тех, кто участвовал в ликвидации вражеских десантов в северных лесах, живут сейчас на Севере, в тех местах, где в тревожное, грозное военное время они боролись с фашистами и победили. В Коношском районе проживают И. Н. Цыбин, И. В. Кокарев, Н. В. Семин, И. И. Скорюков и другие. В Эстонии, в городе Хаапсаду, трудится Василий Ильич Мищенко, который был начальником поисковой группы. В Карелии живет бывший стрелок этой группы Петр Гаврилович Еремкин.

¹ А. А. Богданов, Г. Г. Власов и др., В поединке с абвером. Воениздат, М., 1968, стр. 25—26.

¹ «Неделя», № 51, 1968 г., стр. 21.

В ЧЕРТОГАХ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

1. Вопрос капитана

Небольшой грузо-пассажирский теплоход «Сестрорецк», упорно борясь со штормом, медленно продвигался все выше к Северному полюсу. В конце вторых суток непрерывной качки из тумана выглянула тонкая полоска далекого побережья, и скоро на фоне свинцового неба обрисовался длинный ряд снеговых вершин. Вероятно, точно таким же 370 лет назад увидел этот дикий, неприветливый берег Виллем Баренц. Он искал северный путь из Европы в Китай и Индию. Вновь открытую землю известный голландский мореплаватель назвал Шпицберген, что в русском переводе означает «острые горы»...

С волнением мы всматривались в отвесные склоны полосатых гор, в прибрежные долины, заполненные спускающимися в море ледниками, в длинные извилистые фиорды. На следующий день нам, членам первой советской гляциологической экспедиции, предстояло начать здесь работу.

Капитан теплохода пригласил меня к себе на мостик.

— Сказку Андерсена о Снежной королеве читали?

— Кто ее не знает! — бодро ответил я, не подозревая к чему этот странный вопрос.

— Ну раз читали, постарайтесь, пожалуйста, вспомнить: что сказал северный олень славной девочке Герде о местонахождении Северной королевы?

Этого я не помнил. Заметив мою растерянность, капитан улыбнулся.

— Постоянные чертоги Снежной королевы находятся у Северного полюса. — Здесь капитан

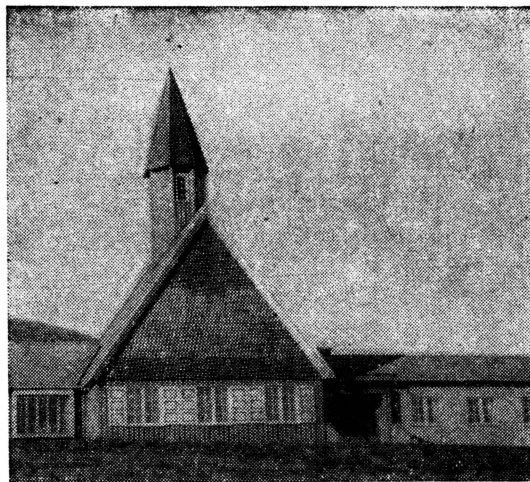
сделал небольшую паузу и продолжил: — На острове Шпицберген! Именно так говорил сказочный олень. Следовательно, ваша экспедиция как раз упадет в самый центр владений свирепой королевы.

К вечеру «Сестрорецк» свернул в один из фиордов, и мы разглядели на заснеженном крутом берегу небольшой городок советских шахтеров, добывающих здесь по договору с Норвегией уголь для нужд нашего Севера. Это Баренцбург, один из самых крупных населенных пунктов Шпицбергена. Он лежит на 78-й параллели, отсюда до «макушки» земли всего 1300 километров!

2. Встреча на дороге

Вскоре мы отправились исследовать ледники недалеко от столицы Шпицбергена Лонгирбюена. Ярко-красный вертолет опустился в долине Адвент около одинокого домика, высадил нас и улетел. Ключа от двери не оказалось. Решили идти в городок, который находился от нас в нескольких километрах.

По дороге в Лонгирбюен встретили два самосвала. Обратились к водителю по-английски, но он ничего не понял. Перешли на немецкий. Эффект тот же. Тогда, на всякий случай, а скорее всего просто из озорства, спросили: «Парле ву франсе?», хотя сами французский язык не знали. Норвежец снисва развел руками. Угостили шофера сигаретами, курим, улыбаемся. Вдруг кто-то из нас возьми да скажи прямо по-русски: «Москва, Россия!» Глядим, норвежец подмигивает, языком цокает: «Руссиск, Москва, советискэ». Ага, значит разобрался, кто мы и откуда. Тут же вылез из кабины и подозвал своего коллегу. Тот быстро понял, что нужен ключ от домика. Тогда первый норвежец пригласил нас в машину и отвез в резиденцию губернатора. Нас принял вице-губернатор. Мы представились и рассказали о цели неожиданного визита. Вице-губернатор оказался любезным человеком. Он сел за руль и минут через двадцать привез председателя местного профсоюза — «хозяина» домика вместе со злополучными ключами. Мы поблагодари-

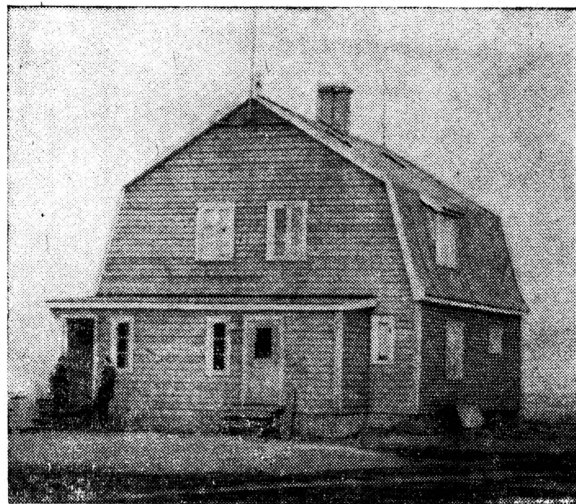
ли за помощь и направились к выходу. Но единственный на весь архипелаг полицейский встал из-за стола, где работал, и заявил, что сам отвезет русских на машине до места. А по пути он показал нам главную достопримечательность столицы Шпицбергена — самую северную в мире кирху.

3. По следам Амундсена и Нобиле

На Шпицбергене нам часто приходилось сталкиваться с прошлым. Мы встречали старинные русские кресты, могилы, развалины изб, остатки деревянных судов поморов. Триста лет назад в здешних водах флотилии европейских кораблей вели промысел китов. В XVII веке на северо-западе стоял целый голландский город Смеренбург («Город жира»), куда летом съезжалось до десяти тысяч человек. Китов быстро выбили, и самый северный из всех известных в истории Земли городов опустел. Ныне лишь могилы китобоев напоминают о былых временах.

Многие известные полярные исследователи и путешественники не раз использовали Шпицберген в качестве весьма удобной базы-трамплина на пути к Северному полюсу. Смельчаки отправлялись к полюсу на морских судах и лодках-санях, пешком и на оленях, на воздушных шарах и самолетах, на дирижаблях и подводной лодке.

На 79-й параллели, на берегу Кингсбея — Королевского залива, — приютился Нью-Олесунн. С этим поселком связаны имена известных полярных исследователей Руала Амундсена, Ричарда Бэрда Умберто Нобиле и их сподвижников. Нью-Олесунн в 1925—1928 годах стал своеобразными воротами Северного полюса.

Подлетая к Нью-Олесунну, мы обратили внимание на высокую треугольную мачту.

Издали видна эта сорокаметровая ажурная вышка. Даже не верится, что именно к ней причаливали знаменитые в прошлом дирижабли «Норвегия» Руала Амундсена и «Италия» Умберто Нобиле.

Чуть в стороне валяются толстые деревянные балки, куски полустлешего брезента и ржавленного железа. Это все, что осталось от некогда огромного эллинга. Немые свидетели исто-

рии покорения Северного полюса напоминают нам о подвиге людей, словно памятники. Да еще домик Амундсена, где он жил перед полетом на полюс.

4. Памятник при жизни...

Но в Нью-Олесунне есть и настоящие памятники. Один из них находится недалеко от места, где стоял эллинг, на самом верху холма, спускающегося к Кингсбею. Интересна его история.

Памятник вырублен из глыбы местного темно-серого песчаника. Над именами шестерых авиаторов, впервые дерзнувших отправиться к Северному полюсу на управляемых воздушных кораблях, высечены силуэты двух аэропланов, а между ними — профиль бесстрашного полярного исследователя Руала Амундсена. Внизу выбита дата «21 мая 1925». В тот незабываемый день летчики стартовали со льда залива к вершине мира. Они не смогли долететь до заветной цели, оставалось только два градуса, или около двух часов лета до полюса, когда пришлось идти на вынужденную посадку.

Монумент воздвигли местные шахтеры по рисунку директора угольной компании М. Кнутсена, в доме которого останавливался великий норвежский путешественник. Амундсен увидел этот монумент в 1926 году, перед полетом на дирижабле «Норге» в Северную Америку через полюс. А через два года монолиту суждено было стать самым северным в мире памятником неутраченному Руалу, погибшему при спасении экспедиции Нобиле.

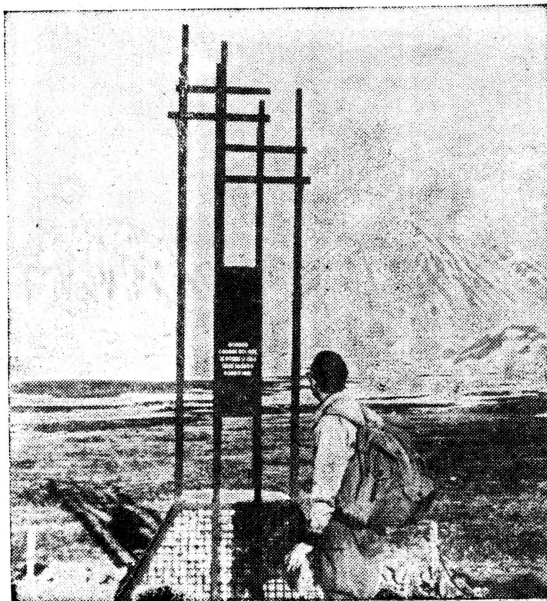
С тех пор прошло более сорока лет. Ураганные метели, ледящие морозы, обильные снегопады и летние дожди «расписались» на плите в виде многочисленных царапин и трещин. И все же монумент выглядит величественным и несокрушимым. Как сам человек, чей профиль выбит на его лицевой стороне.

5. Вся Италия...

Второй памятник расположен чуть в стороне, на том же холме. В его основании — девятнадцать разноцветных мраморных плиток, по одной из каждой области Италии. Над плитками скорбно возвышаются восемь высоких тонких крестов — по числу погибших участников итальянской экспедиции Нобиле. Верхушки крестов сплетены между собой. Будто живые, опираются они друг на друга — символ великого братства людей.

На черной доске, обращенной к Северному полюсу, начертано: «Пали за благородное дело человеческого познания». Ниже их имена: «Алессандрини, Ардуино, Каратти, Чиакко, Лаго, Мальгрэн, Помелла, Понтремоли». Их могилой, как и Амундсена, стал Северный Ледовитый океан. На постаменте памятника надпись: «Всевышний, ты, принявший последние призывы наших любимых и знающий тайну их ледяных обителей, храни их покой и сделай так, чтобы никто не забыл эти жертвы».

Обнажив головы, долго стоим мы на вершине холма...

6. На ледниковом плато

Экспедиция летит на плато Ломоносова. Оно расположено в наименее изученной восточной области острова Западный Шпицберген, в нескольких десятках километров от второго советского рудника Пирамида.

Мы пронесимся над большим ледником Норденшельда от самого его конца до истоков. Внизу проплывают оторванные от берега поля припая, моренные холмы, трещины, снежные болота, озерки, тонкие нитки бегущих по уклону ручьев... Слева и справа вздымаются отвесные горы. Позади остался широкий синий Ис-фьорд — Ледяной залив. На его противоположном берегу упирается в низкое облачко, напоминающее сомbrero, островерхая вершина горы Пирамида.

Вертолет зависает над самой поверхностью ледника, подняв тучи снега. Открывается дверь, и борт-механик пулей выскакивает наружу. Под рев двигателя он начинает темпераментно продавливать ногами снег — так летчики определяют надежность первой посадки на ледник.

«Площадка» поверена. Механик подает знак: «Все в порядке! Садись здесь».

Вертолет плавно опускается на плато. На

десятки километров вокруг простирается безжизненная белая пустыня.

Вертолет возвращается на базу, а мы остаемся посреди владений Снежной королевы.

7. Станция

На снегу около палатки лежали разбросанные приборы, ящики, бочки, связки вех и штанг, буры, мешки и прочие вещи экспедиции. Весь этот груз собрали и уложили в хозяйственной палатке.

Наш «метеобог» Слава Маркин выбрал место для метеоплощадки и приступил к ее оснащению. Стало даже приятнее на душе, когда рядом с одинокой палаткой начали вырастать различные установки: метеобудка, актинометрическая стрела, осадкомер, гелиограф, градиентные мачты... Вот уже получены первые сведения о температуре и влажности воздуха на плато, об атмосферном давлении, о солнечном тепле на леднике, о силе и направлении ветра, об облаках...

Я занимаюсь изучением снега. Без этой работы гляциологи не могут обойтись: снег — мать ледников. Свою работу начинаю с забуривания длинных снегомерных вех — реек ставания. Ежедневно они будут регистрировать уровень дневной поверхности ледника. Каждое утро, прежде чем умыться и поесть, придется спешить на свое опытное снегомерное поле, чтобы поскорее обойти все вехи и измерить их высоту. Если налетит ураганный ветер, все равно надо идти снимать отсчеты.

Беру с собой маленький полевой дневник, карандаш, набор лопат, плотномер, линейку и другие предметы, необходимые любому исследователю снега, и отправляюсь на площадку рыть свой первый шурф.

Через неделю станцию покидают двое наших товарищей. Они уходят в далекий маршрут на по-

бережье. Мы остаемся вести наблюдения вдвоем со Славой Маркиным.

Погода нас не балует. Однажды непроглядный туман затянул все плато, а вскоре повалил снег, зашуршала, зашипела тысячами струек поземка, и вот уже все смешалось в ревушем урагане.

Ветер хлестал по брезенту палатки миллиардами снежинок, с провисшего купола приходилось снимать тяжелые, словно окаменевшие, пласты снега, готовые в любой момент продавить ткань. Лопата сделалась на нашей станции самым нужным и самым ненавистным предметом,

Метель безумствовала долго и нудно, превратив календарное лето в обычную зиму. Редко, но все же случалось, что ветер успокаивался, и эти удивительные дни — тихие, ясные, солнеч-

ные — поражали прежде всего какой-то особой, совершенно непривычной для человека чистой воздухом.

8. Прошлогодний снег

Наступил август — последний летний месяц на материке. Московское радио сообщило, что в столице жарко, светит солнце. А у нас уже царила настоящая зима. Надо же, август — и пурга, такая пурга, что палатка совсем скрылась под снегом!

Давно собирались мы заглянуть внутрь ледниковой толщи, чтобы собственными глазами увидеть снег, отложившийся здесь за последние годы. Да-да, тот самый «прошлогодний» снег.

Для шурфовки требовалось не меньше пяти дней, и мы лихо взялись за дело, тем более, что природа смилостивилась и пурга утихла.

Первые три метра прошли довольно быстро, а дальше... Установили над шурфом лебедку с блоком. Укрепили на тросе бадью из двухсоткилограммовой бочки, и... «Вира-майна, майна-вира»!

У нашей лебедки есть один, но неприятный дефект — сломан тормоз. Стою на дне своего колодца, прижавшись спиной к мерзлой стенке, провожаю глазами медленно ползущую в небо, крутящуюся над головой, как волчок, и ежесекундно ударяющуюся о края шурфа снежную «бомбу», и невольно думаю, что со мной будет, если она... Но все идет без помех и приключений.

С побережья возвращаются наши товарищи. С их помощью дно шурфа опускается до четырнадцати метров, и отсюда пробуривается десятиметровая скважина. Так глубоко еще никому не удавалось заглянуть в ледниковое нутро Шпицбергена. Мы совершили интересную гляциологическую экскурсию на семь лет назад и смогли потрогать снег, выпавший свыше двух тысяч дней назад! Мы узнали: за последние годы зимние осадки несколько уменьшились, замедлилось и их таяние. А чтобы это выяснить, пришлось забраться в самую середину ледника. Мы доказали, что ледники архипелага отступают, уменьшаются, а это означает, что климат Арктики в последние десятилетия заметно теплеет. Тепло докатилось и сюда, до холодных берегов Шпиц-

бергена, где находятся сказочные чертоги Снежной королевы.

В середине сентября мы возвратились на береговую базу в Баренцбург и приступили к упаковке груза. Однажды в нашу комнату пожаловала целая делегация первоклашек. Ее глава, наш старый знакомый Вадик, задал неожиданный вопрос:

— Дядя Жень, а вы скоро уедете отсюда?

Я ответил, что это зависит от прибытия парохода. Видимо, такое объяснение Вадика не удовлетворило, и он, помявшись, решил объясниться начистоту:

— Ваша экспедиция размещается в нашем классе. Учительница сказала, что из-за вас мы занимаемся в детском саду, а мы хотим учиться в настоящей школе. Уезжайте, пожалуйста, побыстрее.

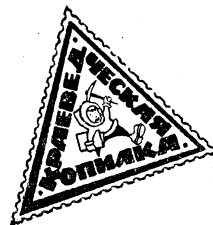
И мы уехали.

**Е. ЗИНГЕР, начальник Советской Шпицбергенской гляциологической экспедиции Академии наук СССР.
Фото: снимки автора.**

ДОРОГА КАНИФЫ

Башкирское предание

Еще задолго до основания Оренбурга тянулись дороги через южноуральские степи. По ним шли торговые караваны из Средней Азии в город Булгар — центр Булгарского ханства на Волге, а позже — в Казань, Уфу и Самару. По ним ездили русские послы в Ногайскую и Киргиз-Кайсацкую орду. Одна из этих дорог шла из Казани через Башкирию в устье реки Сакмары, в район нынешнего города Оренбурга. По ней в 1595 году прошел русский посол в Казахскую орду Вельямин Степанов. Вожем его был «чувашенин Куземка».

К числу таких же старинных путей относится дорога, следы которой сохранились в пределах теперешнего Кувандыкского района Оренбургской области. Местное исконное башкирское население именует ее «Канифа-юлы» — дорога Канифы. Русское население называет ее просто «Канифа».

Сохранились не только следы этой дороги, но местами по ней ездят и в наши дни. Канифа идет вершиной водораздельного сырта, разделяющего бассейны рек Сакмары и Урала. Начинаясь она в районе устья реки Губерли (первый приток Урала ниже города Орска), шла прямо на север мимо теперешних сел Сара, Ново-Покровка, Пойма, Ново-Симбирка и дальше уходила в пределы Башкирии.

Река Губерля — одна из живописнейших рек Оренбургской области. Она несет свои воды через южные отроги Урала — Губерлинские горы. Верстах в пятидесяти выше своего устья река разветвляется. Ее западная ветвь проложила свой путь через горные гряды. Берега ее еще и теперь окаймлены полосой зеленого леса, а в старину здесь рос непроходимый урман. Поэтому эта ветвь получила свое имя — Агаслы-Губерля, что в переводе с башкирского означает Лесная Губерля.

Восточная ветвь Губерли течет в менее гористой местности, по степи, отчего и называется башкирами Ялан-Губерля. — Степная Губерля. Само название реки Губерли скорее всего тюркского происхождения и означает в переводе, по-видимому, «Черепашья» (по-башкирски черепаха — «губерле»).

Канифа-юлы, идущая в этих местах, несомненно, старинная башкирская дорога, дорога древних скотоводов, спускавшихся из лесной и горной Башкирии на летние кочевки в приуральские степи.

Об этой дороге среди местного населения Кувандыкского района существует много преданий. Редко кто, будь он башкир, татарин, русский или украинец, не слышал о дороге Канифы и не знает какого-либо предания о происхождении ее названия.

Однажды семидесятилетний пастух Мухитдин Сайфутдинович Байшукуров из поселка Абдряшево рассказал мне то, что слышал от стариков.

— Нынче мы — казахи, русские, башкиры, украинцы — считаем себя братьями, живем дружно, ходим в гости друг к другу, казашки выходят замуж за башкирина, башкирин женится на казашке. Не то было в старину... С давних пор наши башкирские земли доходили до Яика, а дальше начиналась казахская степь. Не было дружбы между казахами и башкирами, нападали друг на друга, угоняли скот, убивали друг друга. И вот тогда, кто знает сколько лет тому, назад, жила башкирская красавица по имени Канифа. Она была из башкирского рода Бурзян. Слух о ней шел по всей Башкирии. Много юношей предлагали ей руку и сердце, но Канифа не торопилась замуж. Привольно ей жилось у отца. Весело она скакала по степи на резвом коне, не думая о будущем, не подозревая об ожидающих ее испытаниях.

Как обычно, снарядились бурзяне на летние кочевки в прияицкие степи. Недалеко от Яика поставили свои коши. Бережно и зорко охраняли они свой скот, но не уберегли: ночью подкрался из-за Яика отряд казахских джигитов, напал на бурзянский кош, захватил скот и людей. Попала в руки казахов и красавица Канифа. Быстро переправились казахи через Яик и скрылись в степях. Погоня башкирских батырей их не настигла.

Шли годы. Стала Канифа женой казахского батыря, но не мила Канифе жизнь в богатой юрте. Все время перед ее глазами стоит быстрая река Ак Идель — Белая, живописные лесистые горы, прозрачные горные ручьи и родные коши в долинах. Не забыли и родные о Канифе, все ждали ее возвращения.

Однажды забрел в казахские кочевья старик башкирин. Безмерно рада была ему Канифа. Поведала она старику о своем сокровенном желании возвратиться на родину, сожалела, что не знает дороги. Старик ответил, что ее горю легко помочь. Когда все уснули, они вышли в степь. Стояла светлая лунная ночь, тысячи звезд горели на небе, но среди них особенно ярко блестела в стороне севера Тимер казык йондозо — Полярная звезда. Указал на нее старик и сказал: «Вот твоя дорога, иди все время на нее, и она приведет тебя в родную Башкирию».

Решилась Канифа. Глубокой ночью, ранней весной, когда еще бурлили степные реки и ручьи, она отправилась в путь, захватив часть казахского конного табуна. Она гнала его прямо на север. Высоко над ней блестела путеводная звезда, указывая путь в родные места. Она быстро пригнала табун к Яику, переправила его на правый берег в районе теперешнего села Губерля. Путеводная звезда стояла прямо над гора-

ми, вершины которых далеко уходили на север, как бы приглашая ее следовать за ними. Погнала Канифа свой табун на горы и, когда достигла вершины хребта, перед ней открылась дорога. Она шла на север прямо по гребню сырта, то поднимаясь, то опускаясь. Журчат, стремятся вниз по склонам сырта ручьи вправо и влево, достигают подошвы и широким потоком заливают долины, нет по ним ни прохода, ни проезда, а по сырту легко и свободно мчатся кони.

Нет слов, чтобы передать радость Канифы. Перед ней расстилались ее родные степи, леса и горы. Так она промчалась со своим табуном мимо нынешних сел Крым, Сара, Ново-Покровка, Пойма, Ново-Симбирка. Скоро усталые кони прискакали в бурзянские коши. На всем своем пути от Яика до бурзянских кошей они не замочили своих копыт, хотя кругом стояла вода.

Не было границ радости родных, увидевших Канифу, не было границ их удивлению тому, как она смогла вернуться и пригнать с собою табун в такое время,

Рассказала Канифа о старике, о Полярной звезде и о дороге, по которой она с Яика пригнала свой табун. И с тех пор стали ездить этой дорогой башкиры на юг, на летние ко-

чевки, и получила она название Канифа-юлы — дорога Канифы..

Наш дальнейший путь лежал вверх по чудесной Агаслы Губерле — Лесной Губерле. Мы ехали теми же местами, где некогда смелая башкирская красавица Канифа возвращалась домой.

С. ПОПОВ

ИДОЛЫ ХАМАР-ДАБАНА

Один из наиболее популярных туристских маршрутов через хребет Хамар-Дабан в Южном Прибайкалье проходит возле пика Комар, чаще называемого теперь пиком Черского. Есть там остатки старо-монгольского тракта — широкая тропа, серпантинном вьющаяся по горе. Неподалеку от тропы, около метеостанции, стоят деревянные скульптуры: одна потемневшая, с трещинами-морщинами, другая поновее, светлая. В головах — углубления для даров и приношений. Наверное, многое хранит «деревянная память» идолов: конные караваны, поклонны благочестивых путников, звон бубнов и пляски шаманов. А теперь истуканов навещают лишь веселые люди с рюкзаками.

А. КОШЕЛЕВ

СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ

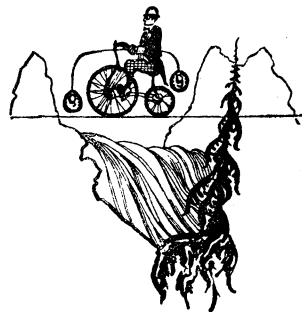

ДВАДЦАТЬ ДВЕ СВАДЬБЫ ГАРСОНОВ

Парижский этнограф Рене Гарсон предпринял кругосветное путешествие вместе со своей невестой. Они сыграли свадьбу 22 раза в 22 странах — в каждой по местному национальному свадебному ритуалу. Таким образом супруги собрали материал для книги «Свадебные обряды народов мира».

ЧЕРЕЗ НИАГАРУ... НА ВЕЛОСИПЕДЕ

В 1869 году профессор Дженкинс пересек знаменитую Ниагару на велосипеде: он проехал по натянутой над рекой веревке в тысячу английских футов длиной, балансируя шестом с десятифунтовыми привесками. «Переезд» занял 11 минут.

ИСКАТЕЛЬНИЦА ПРИКЛЮЧЕНИЙ...

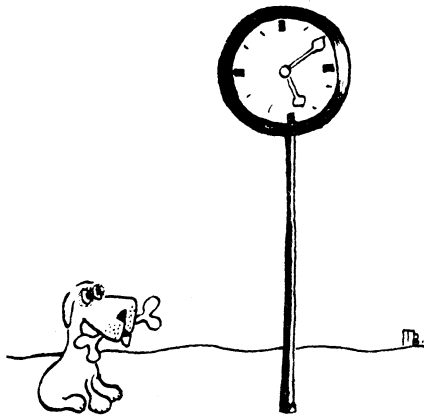
93-летняя Эмилия Коул с сыном Джорджем на небольшом парусном боте покрыли расстояние в 16650 километров: таким образом Джордж решил добраться из Африки к новому месту своей работы — в Новую Зеландию. За десять месяцев плавания бесстрашная путешественница успела связать сыну четыре свитера, три джемпера и немало иных шерстяных вещей.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

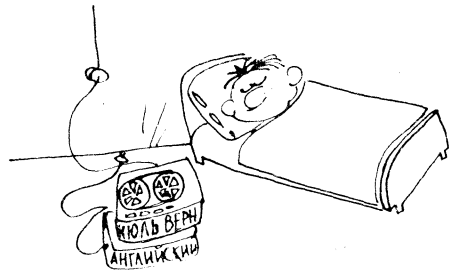
Технический редактор Э. Максимова. Корректор В. Бурангулова.
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон 51-22-40
Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 18137. Подписано к печати 3/IV 1971 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.—8,82 печ. л.
Уч.изд. л. 10,55. Тираж 155 000. Цена 30 коп. Заказ 173.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

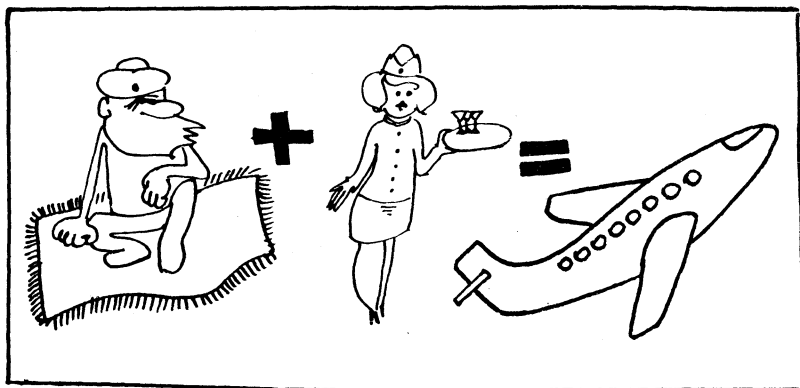
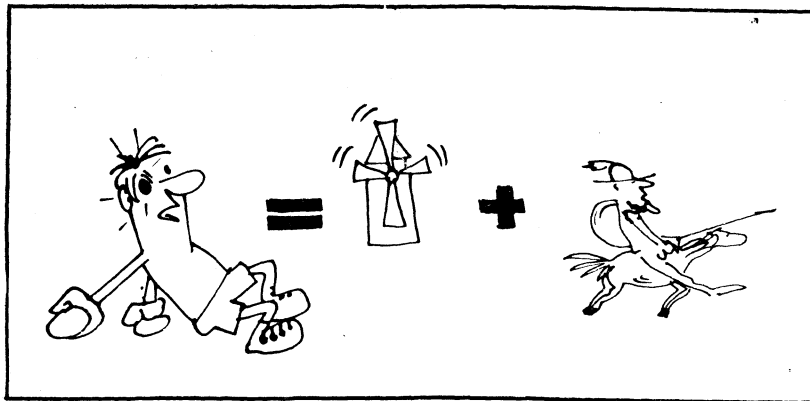
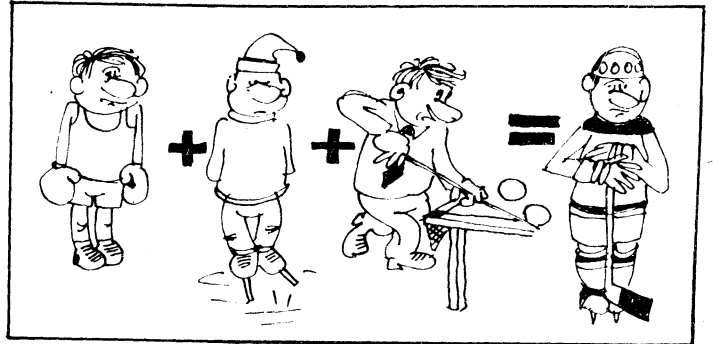
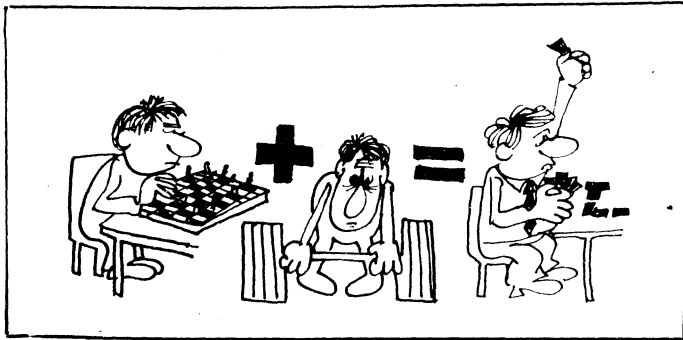

На свидание

Обучение во сне

А Р И Ф М Е Т И К А

Рисунки
В. Васильева

М. ГЛАДУНОВ

ДОРОГА

30 коп.

73413

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ [зам. главного редактора],
М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА
ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН [ответственный
секретарь], В. ШУСТОВ